Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

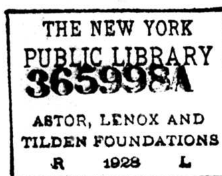
СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 77047. Москва. Тираж 70.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Очередные вопросы международной революции.

Недавно закончившийся VII расширенный пленум ИККИ оставит серьезнейшую зарубку, серьезнейший след в истории борьбы Коммунистического Интернационала. Те восемь—девять месяцев, которые отделяют закончившийся пленум от предыдущего, были до краев наполнены мощными столкновениями классов, упорными битвами широких трудящихся масс, глухим рокотом революционных волн. Вместе с тем внутри Коминтерна эти месяцы были временем небывало острой борьбы оппозиции в ВКП(б), псевдо-левой разновидности оппортунизма в других секциях, с одной стороны, и подавляющего большинства организованных коммунистов всех стран—с другой. Огромный сдвиг в английском рабочем классе, имеющее историческое значение расширение и развитие китайской революции, восхождение ее на новую высшую ступень; успехи компартий в борьбе за массы (15 миллионов за конфискацию имущества князей, конгресс трудящихся и т. п.); наконец, переход социалистического строительства СССР из «восстановительного» периода к реконструктивному, в частности, выход из хозяйственных затруднений и налаживание механизма социалистического накопления,—вот основные факты, опираясь на которые Коминтерн смог сделать серьезный шаг по пути к организации и сплочению революционных сил всего мира. И в первую голову собственные ряды самого Коминтерна, несмотря на все старания международной оппозиции, сплотились, консолидировались и подготовились к борьбе за разрешение тех сложных и трудных задач, которые ставит перед Коминтерном переживаемый исторический этап. Поражение оппозиции во всех звеньях, во всех организациях Коминтерна в огромной степени укрепило и закалило ленинское единство Коминтерна. Вместе с тем прения, происходившие на пленуме и в его комиссиях, показали, что укрепление этого единства удалось соединить с усилением коллективности руководства, с ростом активности членов всех секций Коммунистического Интернационала, с повышением идейно-политического уровня работников этих секций. При этом базой этой активности, исходным пунктом оживленного и делового обсуждения является действительно большевистская идеология. Пленум-

показал, что последние годы и месяцы прошли для коммунистов всех стран не даром: в результате многих боев, многих ошибок, многих «кризисов руководства» и отсеивания лже-коммунистов—в К. И. действительно создался международный большевистский актив. Совершенно ясно, что это обстоятельство является залогом дальнейшего роста Коммунистического Интернационала.

Об'ективные предпосылки для роста Коминтерна, для накопления революционных сил заложены в современном состоянии мировой империалистической системы. Правда, по своему характеру переживаемая полоса является полосой межреволюционной, полосой неустойчивой стабилизации капиталистической системы. В основных странах развитого капитализма нет непосредственно-революционной ситуации; только на Востоке, в Китае, в Индонезии революционная лава прямо прорывает кору капиталистической стабилизации и грозит опрокинуть и испепелить самые основы многолетнего империалистического рабства. Но и во всем остальном капиталистическом мире стабилизация совсем не похожа на равномерное, плавное укрепление капитализма и параллельное ослабление мощи пролетарской революции. Чем дальше идет процесс стабилизации, тем резче выявляется глубокая противоречивость, небывалая неравномерность этого процесса.

«Империализм есть монополистический капитализм; паразитический или загнивающий капитализм, умирающий капитализм» (Ленин, т. XIII, стр. 468). «Стабилизация» такого «загнивающего» и «умирающего» капитализма после невиданной встряски мировой империалистической войны и первого штурма социалистической революции не может происходить иначе, как через углубление и обострение социальных противоречий, перемещений и перегруппировок в лагере капиталистических держав, жесточайших и затяжных хозяйственных и политических кризисов.

Первая важнейшая работа VII пленума ИККИ как раз и состояла в том, что он не только констатировал самый факт наличия стабилизации и неустойчивости этой стабилизации, но и дал дифференцированный, конкретный анализ всех главных неравномерностей и всех основных противоречий внутри процесса общей стабилизации капиталистической системы. От общей постановки вопроса о стабилизации пленум перешел к конкретному анализу противоречивого содержания стабилизационного процесса. Пленум установил, что все страны и части современного мирового капиталистического хозяйства можно разделить по типу их развития на несколько групп. Сюда войдет, во-первых, мощно растущий американский капитализм, во-вторых, типично упадочный загнивающий капитализм Англии, в-третьих, «рационализирующийся» и «санирующийся» капитализм Германии и Франции, в-четвертых, ублюдочные, неудачно скроенные, застойные и даже регрессирующие страны, в роде Польши, Австрии, наконец, в-пятых, прорывающие общую цепь империализма восточные страны.

Американский капитализм с его мощным ростом производительных сил и с его особенно отсталым и слабым, руководимым активными реакционерами рабочим движением, является главной опорой и образцом стабилизации, предметом восхищения и подражания для капиталистической Европы. С другой стороны, загнивание Англии и упадок стран типа Польши и др., не говоря уже о революционном брожении на Востоке, создают серьезнейшую брешь в стабилизации капитализма. А попытки капиталистов Германии и Франции продвинуть вперед дело стабилизации методами так наз. рационализации, методами наступления и нажима на рабочий класс являются исходным пунктом для новой волны полевения рабочего движения (т.-е. для новой угрозы делу стабилизации капитализма).

Вместе с тем, капитализм до сих пор не может выйти из своеобразного продолжения послевоенного кризиса—из современного кризиса сбыта, современного недостатка рынков для капиталистической индустрии. Выросшая производительная способность упирается в узость внутреннего рынка, сжатого военным и послевоенным (инфляционным) обнищанием масс. Отсюда огромная недогрузка в промышленности, отсюда армии безработных, отсюда невиданно интенсивная трестификация и отсюда же резкое обострение как конфликтов внутри империалистического «концерта держав», так и противоречия между империалистическим миром и СССР, между империалистическим миром и Китаем.

Расширение и углубление экономических, социальных, внешних и внутренних политических противоречий, составляющее неот'емлемую часть процесса теперешней стабилизации империалистской системы, привело к тому, что времена депрессии, времена ослабления рабочего движения остаются позади. Напрасно «социал-стабилизаторы» из II Интернационала пытаются прививкой американских методов предотвратить и ликвидировать происходящие в рабочем движении сдвиги, расколоть рабочий класс путем выделения особо привилегированной прослойки рабочей аристократии нового, тоже «американского», типа или путем противопоставления работающим безработным и т. д. Рабочие массы чувствуют на самих себе все прелести капиталистической стабилизации и рационализации. Рабочие массы вынуждаются самой буржуазией на организацию ожесточенного сопротивления ее стабилизационному пылу. Рабочие массы в своей повседневной борьбе убеждаются в неспособности реформистов отстоять даже достигнутый уровень жизни пролетариата. И, наконец, рабочие массы видят рядом с капиталистической стабили-

цией другую, практически существующую, советскую стабилизацию, картину растущего социализма. И в результате—падает авторитет банкротящихся вождей, крепнет профсоюзная оппозиция, расширяются «левые крылья» в рабочих организациях, одна за другой тянутся в СССР рабочие делегации, быстро увеличивают число своих членов добровольные общества типа «Союза Красных Фронтовиков» (Германия), подготовляется собирание всех трудящихся слоев вокруг революционного пролетариата, все шире и шире развертывается борьба за единство профессионального движения. Словом, если сейчас в европейских странах нет непосредственного революционного под'ема рабочего движения, то в них происходит другой, необходимейший и важнейший процесс: неуклонное полевение масс, неуклонная подготовка пролетариата к решительным боям, неуклонное собирание сил социалистической революции.

В этих условиях борьба за единство и работа в профсоюзах приобретают прямо-таки центральное значение. Борьба за единство сейчас является той формой, в которой компартии, опираясь на процесс полевения рабочего класса, будут завоевывать большинство в рабочем классе и руководить его дальнейшими выступлениями.

Единство рабочего класса диктуется всей современной обстановкой: «рационализаторским» нажимом на рабочий класс, огромной централизацией сил капитала в растущих, как грибы, трестах и картелях, опасностями новых войн, стремлением буржуазии расколоть и противопоставить друг другу различные прослойки пролетариата и т. д. Рабочий класс требует единства и добьется его. Но этого мало. Современная эпоха ставит перед борьбой рабочего класса такие задачи, которые могут быть разрешены только тогда, когда это единство будет действительно боевым, классовым единством с решительным и революционным руководством. Немыслимо, невозможно, смешно теперь пытаться ограничить профсоюзную борьбу тесными рамками чисто-экономических аполитичных, узко-цеховых требований. «Экономические стачки и экономическая борьба вообще,—говорят тезисы о международном положении и задачах Коминтерна, принятые VII пленумом,—в условиях трестированной промышленности имеющие тенденцию перерастать в борьбу политическую, придают особое значение работе коммунистов в профсоюзах». В обстановке невиданной централизации капитала, теснейшего сращивания головок трестов с реформистской «рабочей» бюрократией и с государственным аппаратом буржуазных стран, в обстановке борьбы за и против стабилизации капитализма, каждый сколько-нибудь крупный, «чисто-экономический» конфликт, даже помимо воли своих вождей, «перерастает» неизбежно в политический бой всех сил буржуазии против

рабочего класса. И в этих условиях, во-первых, совершенно несомненна неизбежность банкротства современного реформистского руководства профессиональным движением, ибо это руководство неспособно вести массы в бой за частичные требования, соединяя эту борьбу с решительной политической, революционной борьбой. Между тем сама жизнь требует именно такого соединения, как обязательного условия победы. Во-вторых, единственным кандидатом, способным заменить реформизм, способным создать боевое единство рабочего класса и этим создать возможность победы является коммунистическое руководство. Или ряд неизбежных поражений под руководством реформистов, или тяжелая, упорная, но победоносная борьба под руководством коммунистов—так и только так будет стоять вопрос о руководстве профдвижением в ближайшие годы. Но для того, чтобы на деле добиться завоевания руководства, компартии должны поставить на гораздо более высокий уровень свою работу в профсоюзах. Тезисы «о международном положении» указывают, что задача научиться связывать частичные и злободневные требования с основным лозунгом борьбы, с лозунгом диктатуры пролетариата, является «основной тактической задачей» компартий. Партии должны в центр своего внимания поставить задачу научиться практически руководить профсоюзной борьбой, воспитать соответствующие кадры коммунистов-профработников, создать крепкие, активные комфракции в профсоюзах, организационно закреплять свое возрастающее влияние внутри рабочих организаций. Без этого немыслимо овладение руководством в профсоюзах, без этого немыслимо боевое единство рабочего класса.

Опыт всеобщей и угольной забастовки в Англии, специально анализированный расширенным пленумом, дал огромный материал для оценки современного состояния европейского рабочего движения и способов борьбы компартий за руководство пролетариатом. С поразительной ясностью этот опыт обнаружил всю фальшь, все об'ективное пораженчество попыток представить колоссальные столкновения труда и капитала как «чисто-экономическую» борьбу. Английские рабочие убедились, что, когда дело касается насущных интересов буржуазии, пролетариат имеет против себя единый фронт шахтовладельцев и всех предпринимателей, их послушных агентов—министров «правительства его величества», и реформистских правых и «левых» вожаков трэд-юнионов и рабочей партии. Только решительно ставя коренные политические вопросы, только смело прибегая к революционным средствам, только скинув с себя ярмо «руководства» как Томасов и Хавелоков Вильсонов, так и Перселей и Хиксов, английский рабочий класс сможет добиться победы в надвигающихся боях. Все группировки руководящих кругов англий-

ского рабочего класса, кроме коммунистической партии, показали картину измены, в лучшем случае—слабости или нерешительности. Только коммунистическая партия ясно понимала все значение великой борьбы английского рабочего класса, только она сумела выставить и защищать против всей стаи бюрократов из трэд-юнионов и рабочей партии такую тактическую программу, которая могла бы дать горнякам победу. Маленькая английская компартия, несмотря на некоторые свои ошибки (частично ею же самой исправленные), дала в общем и целом пример такой борьбы за частичные и близкие массе требования, которая увязывает повседневные экономические вопросы с большой политической борьбой и поднимает массу от простой защиты ее насущных интересов на более высокую ступень борьбы за власть, борьбы против самых основ капиталистической системы. Не удивительно поэтому то, что партия выросла за время стачки вдвое и что ее авторитет и влияние чрезвычайно усилились.

Очень важны и показательны общие результаты борьбы и поражения горняков, как они вырисовываются из современного положения в Англии. Поражение не вызвало уныния, разброда, деморализации в рабочем движении. Поражение не поставило английский рабочий класс на колени перед об'единенными силами капитала. Поражение соединилось с шагом вперед, с укреплением боевого духа, с неслыханным обострением классовых противоречий, с поляризацией внутри рабочего движения. Если почти все теперешние вожди об'единяются под флагом капитулянтства, отказа от классовой борьбы, «американизации» рабочего движения, то рабочая масса все в большей и большей степени группируется вокруг знамени решительной классовой борьбы. Перед английской компартией открываются перспективы дальнейшего роста и дальнейшей успешной борьбы за возглавление пролетарских масс в новых надвигающихся боях.

Армия мировой пролетарской революции состоит не только из колонн английских пролетариев, как и пролетариев других развитых стран.

«Социальная революция не может произойти иначе,—писал Ленин,—как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (т. XIII, стр. 369—370).

В армию социальной революции неот'емлемой частью входят миллионные массы революционных трудящихся Востока—и в первую голову Китая, ведущего великую антиимпериалистическую борьбу. И крупное значение закончившегося пленума состоит в том, что по докладу тов. Тан-Пин-Сяна впервые была дана конкретная разработка проблем китайской

революции. Пленум, с одной стороны, наметил общую перспективу путей развития китайской революции, основную расстановку сил, а с другой стороны—тактическую линию, очередные политические и организационные задачи революционного движения.

Китай переживает сейчас поворотный этап своего исторического развития. Никогда еще силы китайской революции не были так близки к решительной победе над империализмом, над его скрытой, косвенной, постоянной интервенцией через посредство милитаристских клик, как в настоящий момент. 450 миллионов китайского народа вплотную подошли к высвобождению из-под империалистического гнета, к завоеванию самостоятельности, к разрешению великих задач национально-освободительной борьбы. Конечно, трудности, стоящие впереди, еще очень велики. Но удастся ли китайской революции победоносно прорвать империалистическую цепь, ниспровергнув владычество международного капитала в Китае—этот вопрос все более и более приближается к положительному разрешению. Вместе с этим вопросом, сплетаясь с ним, встает кардинальный вопрос о том, кто будет гегемоном в антиимпериалистической борьбе, кто станет во главе победившего национального движения, по какому пути пойдет китайская революция? Если на первом этапе развития китайской революции буржуазия и интеллигенция были в значительной степени застрельщиками освободительного движения и опирались на трудящиеся массы, как на свою базу, то теперь рост рабочего движения выдвинул пролетариат в качестве самостоятельной первостепенной силы, стремящейся стать во главе всех остальных отрядов революционного движения и решительно, до конца провести борьбу с засильем империалистов, с полу-феодальной военщиной, с кабально-крепостническим укладом в деревне, с ужасающей эксплоатацией, с бесправием рабочих масс. Поэтому сейчас неизбежна некоторая серьезная перегруппировка внутри национального движения. Сейчас будет решаться вопрос о гегемонии в этом движении, сейчас основным внутренним содержанием дальнейшего развертывания китайской революции будет борьба между буржуазией и пролетариатом за эту гегемонию. Конечно, нельзя считать исключенной опасность того, что буржуазия попробует закрепить за собой решающие посты и позиции, сделать ряд половинчатых уступок крестьянам, одновременно зажимая широкое крестьянское и рабочее движение, и, вместе с тем, пойдет на компромисс с иностранным капиталом. Нельзя не видеть всей серьезности этой опасности: такой путь развития—или вернее такой путь ликвидации китайской революции—означал бы значительное ослабление революционных сил и значительный успех капиталистической стабилизации. Огромные хозяйственные возможности Китая превратили бы его в грандиозный рынок для

мирового капитализма и открыли бы перед этим последним возможность серьезной экспансии. Но нельзя не видеть и того, что невиданный размах массового революционного движения, показательная неослабляющаяся, нарастающая энергия трудовых масс, растущее влияние китайской компартии делают чрезвычайно затруднительной попытку обкарнать, урезать, предать дело великой китайской революции. Наоборот, перед китайским пролетариатом и его партией открывается возможность, опираясь на мощный революционный под'ем широких трудящихся масс, решительно ликвидировать империалистическое засилье, решительно расчистить Китай от того феодально-империалистического переплета, который гнет и давит его в течение многих лет. При этом будет неизбежен отход от революции большей части китайской буржуазии. Но эта убыль будет с лихвой покрыта присоединением к революционной армии крестьянства, присоединением, которое возможно только при условии развертывания аграрной революции, при условии поддержки и организации массового крестьянского движения. Перегруппировка революционных сил, которую пролетариат должен провести под своим руководством, будет состоять в решительном привлечении крестьянства, и в умелом обезвреживании неизбежного отхода революции от буржуазии. Союз пролетариата, крестьянства и многочисленного слоя городской мелкой буржуазии—вот какова должна быть расстановка сил на ближайшем этапе китайской революции; демократическая диктатура этого союза—вот какова должна быть природа власти нового освобожденного Китая; искоренение не только политического, но и экономического засилья иностранного капитала путем перехода командных высот хозяйства из рук империалистов в руки революционного государства, последовательное разрешение аграрного вопроса в интересах крестьянских масс, подготовка и переход к национализации земли,—вот какова должна быть программа революционной диктатуры. При победе этой линии развития революции перед Китаем открывается перспектива борьбы за некапиталистическое развитие в союзе с СССР и с пролетариатом передовых стран. Существование Сов. Союза и его успешное продвижение к социализму дает серьезную опору для осуществления этой перспективы.

Главная трудность в практическом проведении намеченной генеральной линии состоит в том, что антиимпериалистическая борьба еще далеко не завершена, что она переплетается—и не может не переплетаться—с борьбой за гегемонию в революции, с борьбой за разрешение аграрного и рабочего вопроса и т. д. Опасность ослабления антиимпериалистического фронта остается все время чрезвычайно актуальной. Поэтому на плечи китайского пролетариата ложится чрезвычайно сложная и трудная маневренная задача: завоевать и закреплять свою гегемонию, соответственно перегруппировав революционные силы перед лицом еще не побежденного главного врага—империализма и его милитаристских агентов. В этих условиях необходимая осторожность должна сочетаться с решительностью и ясным сознанием цели.

На примере перспектив развития китайской революции можно легко показать, как «русский» вопрос на пленуме выявил свое интернациональное значение, превратился в вопрос международный. Ибо разве, стоя на позициях оппозиционного отрицания возможности успешного строительства социализма в СССР можно выставлять перспективу некапиталистической эволюции Китая? Если СССР имеет достаточно внутренних сил для построения социализма, тогда он может послужить опорой для того, чтобы победоносный пролетариат Китая повел хозяйственное развитие своей страны, минуя капитализм, к постепенному социалистическому переустройству. Если же СССР вынужден в капиталистическом окружении топтаться на одном месте или даже перерождаться, тогда исключена перспектива некапиталистической эволюции Китая.

И это верно не только для Китая. Одно из двух: или СССР может строить и построить социализм, и тогда он может быть центром международной революции, головным отрядом мирового пролетариата; или же СССР занимается «национально-реформистским» делом, и тогда нечего и думать о возглавлении мировой революции, о поддержке пролетариата Китая и т. д. Таким образом, вопрос о строительстве социализма в нашей стране в его международной постановке свелся к вопросу о том, могут ли иностранные секции рассчитывать в своей революционной борьбе опереться на социалистический рост Сов. Союза. ВКП(б) говорила да. оппозиция, по сути дела, говорила нет. Как видно, «сверхинтернациональное» неверие оппозиции в наши внутренние силы в международной области приводить к нереволюционным бесперспективным выводам, в то время как якобы «национально-ограниченная» линия партии на деле оказывается действительной линией борьбы за мировую революцию. Конечно, по другому и быть не могло: оппортунистическая трусость в вопросах внутреннего строительства, будучи перенесенной в международную область, остается сама собой. А ленинская твердость и уверенность в борьбе за социализм внутри СССР неотделима от действительной борьбы за мировую пролетарскую революцию.

П. Миф.

Характер и движущие силы китайской революции.

«А Индия и Китай кипят. Это—свыше 700 миллионов человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран,— бóльшая половина населения земли. Там надвигается, не держимо и все быстрее надвигается, 1905 год, с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 г. революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию».

(*Ленин., т. XVIII, ч. 2, стр. 74*).

Современный этап китайской революции является продолжением и завершением на основе нового соотношения классовых сил и в новой международной обстановке революции 1911 года. Он имеет своими задачами осуществление двух основных целей—свергнуть империалистическое господство и освободить страну от чудовищных остатков полуфеодального прошлого, отягощенного его превращением в «колониальную систему хозяйства». Эти задачи связаны друг с другом, ибо основной экономической базой империализма в Китае является господство помещиков, джентри, ростовщиков в деревне при команде реакционнейшего посреднического компрадорского капитала, опирающихся на вооруженную силу военных феодалов новейшей формации и типа—китайских милитаристов. Все это составляет сущность «колониальной системы хозяйства».

Мы не хотели бы быть понятыми таким образом, что говорим о Китае, как о колониальной стране. Всем известно, что Китай, в полном смысле этого слова, не является колонией, а полуколониальной, зависимой страной. Мы употребляем термин «колониальная система хозяйства» в несколько другом смысле. Этим мы хотим очертить основное содержание китайской экономики, хотим наметить те нити, которые связывают последнюю с иностранным капиталом и позволяют ему господствовать над всей страной [1]).

[1]) Указание на „колониальную систему хозяйства", представляющую собой „полное овладение производством" иностранным купеческим капиталом (что заменяется для данной эпохи финансовым капиталом), мы находим у К. Маркса в 1 ч. III тома, стр. 307, изд. 1907 г.

В самом деле, нельзя представлять империализм, как какую-то надстройку, имеющую свои корни только вне и не имеющую своих экономических позиций внутри самого Китая. Нельзя представлять себе господство над Китаем иностранного капитала без учета того, что это господство осуществляется с помощью крупного посреднического, торгового китайского капитала, и что оно выражается в подчинении всего производства страны, промышленного и сельскохозяйственного, этому торгово-компрадорскому капиталу и через него иностранному финансовому капиталу. При беглом обзоре китайской экономики полностью подтвердится наша мысль. В самом деле, возьмем китайскую промышленность. Господство иностранного капитала, захват им всех экономических командных высот выражается не только в том, что большая доля капиталов, вложенных в эту промышленность, принадлежит иностранцам, но и, главным образом, в подсобном, подчиненном характере всей китайской промышленности. В Китае развивается каменноугольная промышленность, но добытый уголь вывозится за границу. В Китае добывается железная руда, но она почти полностью уплывает в Японию. И если иностранцы или, в меньшей мере, торговая китайская буржуазия вкладывают свои капиталы в те или другие предприятия, продукция которых не экспортируется, то только для экономии издержек по производству и импорту тех или иных товаров.

Такую же картину мы имеем и в сельском хозяйстве Китая. Китайский крестьянин сеет хлопок, который полностью перепадает в руки иностранной конторы, имеющей монопольное право по закупке хлопка. Китайский крестьянин возделывает табак, чай, или шелк с тем, чтобы через скупщика и компрадоров вся его товарная продукция попадала в руки иностранного капитала.

Иностранный капитал овладевает экономикой сельского хозяйства Китая с помощью компрадорской буржуазии и через посредство командующего слоя китайской деревни,—помещиков, ростовщиков, джентри и скупщиков, нередко выступающих в едином лице. Основная масса китайского крестьянства опутана тонкой паутиной этих эксплоататорских элементов. Трехсотмиллионное крестьянство, представляющее широкое поле для наживы иностранного капитала, влачит жалкое существование и задыхается в узких рамках колониальной эксплоатации. Сельскохозяйственная экономика, являющаяся основой китайского хозяйства переживает хронический кризис. Она не может развиваться при существующей системе колониального грабежа.

Господство иностранного капитала в Китае, выражающееся в форме колониальной системы хозяйства, чрезвычайно задерживает рост производительных сил этой страны.

В этом кроется экономическая пружина нарастающей революции.

Поэтому действительное уничтожение господства империалистов над Китаем совершенно немыслимо без полной ликвидации этой его глубочайшей экономической и социальной базы внутри Китая.

С другой стороны, ошибочно было бы представление о возможности действительного демократического переустройства китайского общества, что должно явиться в результате уничтожения землевладения джентри и помещиков, господства отста-

лых форм ростовщичества, посреднической торговли и политического гнета милитаристов и бюрократов,—без одновременной полной ликвидации империалистического господства.

Это обстоятельство и накладывает своеобразные черты на характер китайской революции.

Китайская революция для того, чтобы быть победоносной, не может поэтому ограничиваться задачами только внутреннего (революционная демократизация страны) или только внешнего (борьба с империализмом) характера.

С точки зрения внутренних тенденций развития, заложенных в китайской революции на данном историческом этапе, она является и не может не являться революцией буржуазно-демократической, очищающей путь для свободного и быстрого развития производительных сил, сейчас задыхающихся под тяжестью остатков средневековых производственных отношений и империалистической кабалы.

Но китайская демократическая революция не может не «втягиваться в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию» (Ленин), будучи неот'емлемой частью последней уже в силу своего антиимпериалистического характера. Это существенным образом отличает китайскую революцию от классических буржуазных национально-освободительных движений западно-европейских стран прошлого столетия. Это совершенно понятно, так как эти национально-освободительные движения в Нидерландах и Италии, национально-освободительные движения в Германии и в других странах происходили, как известно, в эпоху буржуазных революций. Несмотря на некоторые общие черты, международная обстановка китайской революции значительно отличает ее и от революции 1905 г. в России, центром которой было именно разрешение задач внутреннего порядка и в особенности аграрного вопроса («Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции». См. Ленин, том IX, стр. 614).

Национальной же особенностью китайской революции является переплетение задач освобождения страны от империалистической кабалы и от пережитков полуфеодального прошлого.

Антиимпериалистический характер китайской революции, при наличии еще ряда важнейших моментов, характеризующих международную ее обстановку, позволяет ставить вопрос о возможном дальнейшем этапе, наступающем вслед за первым,—этапе перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Международная обстановка китайской революции, накладывающая на нее особый отпечаток, характеризуется в основном следующими моментами:

Во-первых, китайская революция происходит в эпоху империализма и пролетарских революций, при общем кризисе капиталистической системы. Это находит свое выражение в росте пролетарского движения в передовых промышленно-развитых странах и колониальных движений, которые, несомненно, усилятся в частности и в связи с дальнейшим развитием китайской революции.

Во-вторых, китайская национальная революция развивается в условиях, когда на одной шестой мировой суши существует, растет и укрепляется Союз Советских Социалистических Республик—руководитель борьбы против международного империализма. Этот фактор усиливается в связи с географической близостью нашего трудового союза республик с территорией Китая. На протяжении тысяч верст ни одна страна не отделяет нас барьером от революционного Китая. Этот момент, бесспорно, имеет и будет иметь немаловажное значение.

В-третьих, Китай отличается от большинства колониальных и зависимых стран тем, что он не подвергся полному захвату и порабощению одной какой-либо империалистической державой. Это не Индия, которая целиком находится в руках английского империализма, это не Индонезия, закабаленная голландским капиталом, где освободительная борьба в связи с этим значительно затрудняется. Китайской революции помогает конкуренция империалистических держав в Китае между собой, ослабляющая позиции иностранного капитала в этой стране. Китайской революции приходится даже на первом этапе бороться против могущественнейшего, вооруженного до зубов врага—иностранного капитала. Победа национальной революции во многом определится ее международной политикой. Перед китайской революцией стоит задача, как можно лучшего и искусного использования противоречий между отдельными империалистическими странами, лавирования, временных компромиссов с одной страной с целью вытеснения другой империалистической державы.

Все эти условия благоприятствуют победе и углублению китайской революции, но не предопределяют обязательности быстрых успехов. Лишь соотношение сил, как оно сложится в результате первой стадии революции, может решить вопрос о темпе перерастания национальной революции в революцию социалистическую.

Здесь мы приближаемся к вопросу о движущих силах китайской революции, приобретающему исключительное значение. Тут же оговоримся, что и с этой стороны перспективы китайской революции не должны внушать особых опасений, что эти перспективы значительно благоприятнее, к примеру, нежели революции турецкой (1919—1922 гг.), на опыте которой не трудно уяснить своеобразие движущих сил китайской революции.

В Турции к началу национальной революции еще не было рабочего класса, могущего возглавить движение. Общее число рабочих не достигало 100 тыс. человек, при чем индустриальных рабочих, работающих на крупных предприятиях, насчитывалось не больше 10.000 человек. Организаций пролетариата либо совершенно не существовало, либо они приближались по своему характеру к средневековым. Понятно, что и мощного, влиятельного коммунистического авангарда турецкий пролетариат не имел. Но мало того. Этот малочисленный пролетариат сосредоточен был в 2-х центрах—в Константинополе и Смирне, т.-е. как раз в тех городах, которые были оккупированы английскими и греческими войсками. Он очутился в плену у этих войск, по другую сторону фронта и поэтому никакого фактически участия в национально-освободительном движении не принял. Руководство движением перешло в руки национальной буржуазии. Другую картину мы имеем в Китае. Китайский пролетариат и с количественной и с качественной стороны превосходит турецкий. Общее количество рабочих в Китае превышает 5.000.000 че-

ловек, из них не менее 2 млн. заняты в крупной промышленности. К этому добавляется армия в 8.000.000 рабочих ремесленных и кустарных предприятий и не меньшая армия батраков. Китайский пролетариат обладает крепкими, растущими профессиональными организациями и, хотя не многочисленной, но образцовой коммунистической партией. Китайский пролетариат имеет уже значительный опыт классовой борьбы. Все это заставляет нас думать, что рабочий класс Китая представляет собой достаточную ферментирующую силу, чтобы об'единять, организовывать и направлять широкие трудящиеся массы в борьбе с иностранным капиталом и его базой внутри Китая. И, действительно, в Китае рабочий класс выдвинулся в последних боях на передовые позиции бойцов за освобождение и сейчас, в особенности в шанхайских и последующих событиях, находится на путях дальнейшего завоевания и укрепления своей гегемонии.

Что касается буржуазии, то она, напуганная рабочим движением и нарастанием гражданской войны в деревне, потрясающими основы экономического строя и политического порядка, не в состоянии осуществить задач решительной демократизации страны, а тем самым и уничтожения основной экономической базы империализма. Это неизбежно приводит ее на путь соглашения с иностранным капиталом с целью подавления массового движения, грозящего ее экономическим и политическим интересам. На этом вопросе нужно остановиться несколько подробнее. Понятно, какое огромное значение имеет правильное решение этого вопроса. Определение роли китайской буржуазии в национально-революционном движении—задача чрезвычайно важная. И вот, пользуясь сравнением с нашим 1905 годом, мы приходим к выводу, что национальная китайская буржуазия значительно слабее, чем русская перед 1905 годом. Чем это об'ясняется? Многими причинами, из которых главнейшие заключаются в следующем: в рядах китайской буржуазии главнейшее господствующее место занимает крупная торговая, компрадорская буржуазия, которая благодаря экономической связи с империализмом, находится не в лагере революции, а полностью на стороне иностранного капитала. Сила же промышленной буржуазии Китая измеряется тем, что основные командные высоты промышленности, железные дороги, банки, крупнейшие предприятия находятся в распоряжении иностранного капитала; национальный промышленный капитал в Китае чрезвычайно не велик. Империалистическими странами вложено в Китае свыше миллиарда золотых рублей (1.092.000.000) в железнодорожное строительство, благодаря чему около 80% всей железнодорожной сети находятся в руках и под контролем чужеземного капитала. Почти миллиард золотых рублей брошено в Китай в качестве основного капитала для банковской деятельности. В то же время чисто китайские банки являются фактически меняльными конторами, находящимися под командой крупноторгового, посреднического капитала; железорудные предприятия в Китае почти целиком принадлежат японскому капиталу или находятся в полной финансовой зависимости от него. Девять главнейших судостроительных доков и механических заводов—в руках англичан. Не лучше положение каменноугольной, химической, электрической текстильной промышленности. Если китайский национальный капитал просачивается в ту или другую отрасль хозяйства, как скажем, к примеру, в каменноугольную в размере 50.000.000 рублей, то зачастую он выступает не самостоятельно, а участвует в смешанных предприятиях, связывая свою судьбу с интересами иностранного капитала. Если же мы примем во внимание вообще подсобный характер китайской промышленности, о чем мы уже говорили раньше. если примем во внимание, что китайская промышленная буржуазия чрезвычайно молода, что она только недавно начала вылупляться (особенно во время мировой войны и послевоенного кризиса, когда ослабли мировые экономические связи) из рядов крупной торговой буржуазии и чиновничьей аристократии, еще тысячью нитей связана с компрадорской, а через нее и с иностранной буржуазией,—если мы примем все это во внимание, для нас станет ясной, во-первых, относительная экономическая и политическая слабость китайской буржуазии, во-вторых, ее готовность на компромисс с империализмом за счет интересов национально-освободительного движения. Исторический опыт, поведение китайской буржуазии в моменты решительных схваток, имевших место, полностью подтверждают наш вывод. Пуще всего китайская буржуазия начинает бояться пролетарского движения. Все больше она колеблется в сторону соглашения с иностранным капиталом. Все чаще она, пользуясь удобным предлогом, предает интересы национальной революции.

Сказанным выше мы вовсе не отрицаем, во-первых, возможности частичного использования буржуазии в освободительной борьбе. Конечно, известные противоречия между различными группами китайской буржуазии и тем или другим иностранным капиталом существуют. И эти противоречия могут быть использованы. В частности, вполне мыслимо использование тех групп китайской буржуазии, которые связаны с японским капиталом в борьбе против английского империализма, или той части китайской буржуазии, которая ориентируется на Америку — в борьбе с английским или японским капиталом. Но это не изменяет нашего основного вывода, что китайская революция не может победить под главенством, под руководством китайской буржуазии.

Во-вторых, относительную слабость китайской буржуазии не нужно понимать так, что она сама охотно и спокойно уступит пролетариату место гегемона в движении, что она, благодаря экономической слабости и недостаточному политическому весу, должна быть совершенно сброшена со счетов. Нет, далеко не так. Действительность свидетельствует об обратном: китайская буржуазия все активнее проявляет себя на политической арене, все решительней добивается овладеть национальным движением.

И эта опасность пока-что решительно не парализована. Усугубляется это положение тремя моментами. Во-первых, тем, что некоторые слои буржуазии, наиболее прогрессивная, наиболее национальная (если можно так выразиться) часть буржуазии, идут еще вместе с революцией. Бесспорно, что эти буржуазные слои, добившись на гребне революционной волны уступок от иностранного капитала, постараются закрепить свои позиции, не стремясь радикально разрешить задач революции. Во-вторых, в руках этих буржуазных элементов пока еще находится

большая часть революционной армии, особенно в лице начальников многочисленных воинских частей, примкнувших к кантонскому ядру. И если армия является мощным орудием революции, то это огромнейшее преимущество китайской революции может повернуться против последней, если пролетариату не удастся распространить свое политическое руководство на народно-революционную армию. В-третьих, эти буржуазные элементы располагают влиянием на значительные массы мелкой буржуазии, не успевшей еще убедиться в половинчатости и соглашательстве либеральствующей буржуазии. И пока эти три момента остаются в силе, до тех пор сохраняется угроза овладения буржуазным руководством национально-освободительного движения.

Как раз последние годы больше всего характеризуются соревнованием, и все более ожесточенным, между китайской буржуазией и пролетариатом в борьбе за гегемонию. И если массовое движение рабочего класса, крестьянства и полупролетарских элементов города имеет тенденцию развиваться под руководством пролетариата и его коммунистического авангарда, то, с другой стороны, буржуазные элементы пока еще сохраняют частично руководящее положение и в национальном правительстве и в революционных армиях. Поэтому, как благоприятно ни складываются условия в Китае, там далеко еще не решен окончательно вопрос о победе пролетарской тенденции в национально-освободительном движении. Ошибочно было бы предполагать, что китайская буржуазия совершенно не в силах возглавить и тем самым обкорнать национальную революцию. Экономическая слабость и недостаточный политический вес китайской буржуазии *могут быть восполнены поддержкой со стороны одной либо другой империалистической державы*. Осуществление подобной тенденции возможно лишь при условии обоюдных компромиссов и при сохранении фактического господствующего положения иностранного капитала. Понятно методы его проникновения и господства будут видоизменены. От грубых, хищнических приемов он перейдет к внешне пацифистским, по американскому типу, более совершенным, но не менее опасным методам хозяйственного закабаления Китая.

Конечно, в международном отношении такая победа такой буржуазной тенденции в китайской революции не явилась бы фактором разложения империализма, а привела бы к укреплению общих позиций империализма.

Соревнование между китайской буржуазией и пролетариатом в борьбе за гегемонию лежит сейчас в центре китайской революции и имеет глубочайшее международное значение.

Быть же гегемоном и для буржуазии, и для пролетариата—означает особенно важную задачу: обеспечить свое влияние на крестьянство и городскую мелкую буржуазию и руководство ими, включая все массовые организации, где крестьянство и городская мелкая буржуазия участвуют.

Как же проявили себя эти общественные силы на арене открытой борьбы? Для ответа на этот вопрос, попытаемся подвести итоги и учесть опыт событий в Китае, по крайней мере, за последний год.

Эти события свидетельствуют о все большем развитии национально-революционного движения. Но это нарастание революции не идет равномерно. Если первые месяцы 1926 г. могут быть характеризованы временным спадом революционной волны, временным затишьем, то вторая половина года проходит под знаком нового под'ема национальной революции. В течение весны и большей части лета 1926 года все выше поднимается волна реакции, угрожающая затопить все достигнутые раньше завоевания освободительного движения. Вслед за окончанием шанхайской забастовки, подавленной в конечном счете силами реакционных милитаристов, стачечное рабочее движение заметно ослабевает. Вторая и третья народные армии терпят поражение и подвергаются окончательному разгрому. При чем, что чрезвычайно важно, благодаря политической неоформленности крестьянского движения и в результате неправильной политики 2-й народной армии по отношению к крестьянству, контрреволюционным элементам удается использовать крестьянское движение в своих интересах. Крестьянские организации Хэнаньской провинции «Красные Пики» помогают У-Пей-Фу разбить 2-ю народную армию и затем окончательно ее добивают. В этот же промежуток времени терпит поражение Го-Сун-Лин, восставший против Манчжурского сатрапа Чжан-Цзо-Лина. Первая народная армия Фын-Юй-Сяна очищает Тянь-Тзин, а затем отступает от Пекина и Калгана далеко на запад, во внутреннюю Монголию. Наконец, в самом Кантоне, в этом центре антиимпериалистического движения, в результате переворота 20 марта, происходит передвижка вправо в рядах национального кантонского правительства, выразившаяся в отстранении от руководства левого крыла Гоминдана.

Об'ективно это сыграло на руку реакционным элементам. Переворот 20-го марта как бы открыл шлюзы реакции на местах. Со стороны помещиков, джентри, ростовщиков началось общее наступление на крестьянские союзы. В обстановке обостренной социальной борьбы нейтралитет нового национального правительства об'ективно помогал реакционным силам на местах громить крестьянское движение провинции Гуандунь. Итак, в первой половине 1926 года по всем линиям идет временное отступление национальной революции, временное торжество реакции.

Начиная с июля—августа 1926 года, политическая ситуация в Китае резко меняется. И это новое нарастание национальной революции находит свое выражение в многочисленных фактах. Кантонская народно-революционная армия победоносно продвигается на север, очищая все большую территорию Китая от всех милитаристических приспешников империализма. К Кантону присоединяется ряд провинций с многомиллионными массами крестьянства. Национальное правительство укрепляется в Уханском районе, являющемся крупнейшим индустриальным центром с многочисленным пролетариатом. Реакционный милитарист У-Пей-Фу—ставленник английского империализма—подвергается полному разгрому. Серьезное поражение наносится не менее реакционным силам Сун-Чуан-Фана. Возобновившийся рост стачечного движения значительно подкрепляет национально-освободительную борьбу. Особенно успешно протекают забастовки на шанхайских и ханькоусских предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу. Армия Фын-Юй-Сяна, передохнувшая

и подкрепленная новыми силами, переходит в наступление. Реорганизованная 2-я народная армия под начальством одного из лучших гоминдановских вождей Ю-Ю-Жена вытесняет союзников У-Пей-Фу из провинции Шеньси, угрожая ударить с тыла основным силам У-Пей-Фу в провинции Хэнань. Разлившееся мощной волной крестьянское движение в значительной мере способствует успеху северного похода кантонской армии. Не менее показательным является рост партийных, профессиональных и крестьянских организаций. Профессиональные организации в Китае достигают 1.200 т. членов. Правда, нужно оговориться, что ряд профорганизаций, расположенных на севере, придавленные реакцией не могут проводить заметной работы. Крестьянские союзы одной только Гуандуньской провинции превысили 1.000.000 членов, в Хунаньской провинции к настоящему времени насчитывается 600.000 членов крестьянского союза, в Хубейской -число членов приближается к 500.000 человек. Не менее ощутительных результатов достигает рост революционных партий. Китайская коммунистическая партия за истекший год вчетверо увеличивает свой состав, а количество членов Гоминдана переваливает за 300.000 человек.

Развитие общей революционной обстановки находит свое отражение также и в политических настроениях внутри Гоминдана. Именно под этим углом зрения следует рассматривать настойчивое требование, оформившееся в соответствующем постановлении последнего пленума ЦК Гоминдана, о возвращении лидера левого крыла Ван-Чин-Вея к руководящей партийной и государственной работе. Под этим же углом зрения следует понимать проведенную в последнее время реорганизацию кантонского провинциального правительства, при которой были сняты с работы все антикрестьянские элементы. Разрыв китайско-бельгийского договора реакционным пекинским правительством, пытающимся подделаться под общий антиимпериалистический фон и облачаться в освобожденческую тогу, также свидетельствует о глубине переживаемого революционного периода.

Подводя итоги событиям за истекший год в Китае, необходимо подчеркнуть и подробней остановиться на чрезвычайно характерной дальнейшей классовой дифференциации движения. Наш анализ этих событий был бы совершенно не полон, если бы мы не отметили перегруппировки борющихся сил Китая за свою национальную независимость. И здесь раньше всего следует указать на выдвижение пролетариата на политическую арену современного Китая, как наиболее организованной и последовательно революционной силы. Уже успешно проведенная забастовка гонгконгских моряков в 1922 году и затопленная в крови стачка на Пекин-Ханькоусской железной дороге в 1923 г. были первыми ласточками, предопределившими неизбежное перерастание экономической борьбы рабочего класса в политическую борьбу против империалистического угнетения. Шанхайская стачечная волна прошлого года, выдвинувшая героический китайский пролетариат на передовые позиции, подняла самое освободительное движение на высшую ступень. В напряженной антиимпериалистической борьбе возрождающегося Китая также огромнейшее значение имела 16-месячная гонгконгская забастовка. Именно эта забастовка сделала Кантон центром антиимпериалистического движения. Именно эта забастовка подорвала силу

и престиж английского империализма. Борьба этой 100-тысячной армии гонгконгских стачечников приковала внимание всего мира. Стачечные пикеты, окружавшие Кантон, предохранили последний от проникновения империалистического влияния. Эта же стачка завершилась повышением таможенных пошлин, проведенным кантонским правительством. Не меньшее значение имеет развивающаяся в настоящее время классовая борьба китайского пролетариата.

На ряду с этим, к тому же процессу классовой дифференциации движения нужно отнести нарастание элементов гражданской войны в китайской деревне, в форме все обостряющейся борьбы крестьянских вооруженных организаций «Красных Пик» и отрядов крестьянских союзов против союза помещиков, джентри и милитаристов, пользующихся своими вооруженными отрядами миньтуаней. И если раньше крестьянское движение либо вовсе не поддержало знаменитой шанхайской забастовки, либо частично играло об'ективно контрреволюционную роль, что видно было в помощи, оказанной «Красными Пиками» генералу У-Пей-Фу,—то сейчас крестьянское движение, обнаруживающее тягу к руководству пролетариата и его коммунистического авангарда, идет по пути создания более политически оформленных организаций—крестьянских союзов. Крестьянское движение либо непосредственно помогает кантонской армии, либо косвенно—своей борьбой против джентри, помещиков и милитаристов, являющихся проводниками экономического и политического влияния иностранного капитала.

Не менее важные процессы происходят в лагере китайской буржуазии. Общий процесс дифференциации классовых сил в результате дальнейшего углубления антиимпериалистической борьбы, нашел себе место и в рядах китайской буржуазии. В этом отношении чрезвычайно показательным является откол городской мелкой буржуазии и средней купеческой Шанхая и Кантона от крупной буржуазии, выразившийся в выступлении этих элементов из общих торговых палат в Шанхае и в Кантоне и в об'единении их в соответствующие организации в обоих этих городах. Кантон и Шанхай, как центры экономической и политической жизни страны, могут быть сравнимы по своему значению с Ленинградом и Москвой. Раскол в рядах организованной буржуазии в этих двух центрах сигнализует общее размежевание буржуазии во всей стране. Безусловно это находится в связи с колебаниями крупной китайской буржуазии, которая чем дальше, тем больше скатывается на путь соглашения с иностранным капиталом. Первые же обещания или незначительные уступки иностранного капитала, в роде таможенной конференции, находят доброжелательный отклик в среде крупной китайской буржуазии и порождают стремление путем компромисса сговориться с империализмом. Более революционно настроенная городская мелкая буржуазия вынуждена рвать с компромиссной крупной буржуазией, примыкать к пролетариату в его борьбе против господства иностранного капитала.

Вместе с тем нужно еще остановиться на ослаблении роли студенчества в движении, бывшего раньше носителем идей национального освобождения. Конечно, это не дает права предполагать, что революционная молодежь и в том числе студенческая не будет и дальше одним из главнейших факторов ре-

волюционного движения. Ни в какой мере не следует преуменьшать роль молодежи. Но по мере выдвижения пролетариата, как передового руководящего отряда, понятно, что относительно уменьшается роль, выполнявшаяся раньше китайским студенчеством. Этот процесс, выражающийся также в отходе буржуазных слоев студенчества от революционной борьбы, в отколе этих элементов от общестуденческих организаций, несомненно, свидетельствует о происходящей в Китае глубокой дифференцировке классовых сил движения.

Помимо того, истекшие события характеризуются консолидацией всех разнородных, раньше между собой враждовавших, милитаристических клик, пытающихся об'единенными силами противодействовать национально-революционному движению. Первоначальное соглашение У-Пей-Фу с Чжан-Цзо-Лином для борьбы с Фын-Юй-Сяном сейчас превратилось в общий союз всех реакционных милитаристов под общим начальством Чжан-Цзо-Лина. Одновременно Фын-Юй-Сян и ряд других передовых военачальников примкнули к Кантону. Два лагеря противостоят сейчас друг другу—Север и Юг, реакционный Мукден и революционный Кантон. Эта консолидация милитаристических сил говорит о соглашении стоящих за спиной этих реакционных милитаристов империалистических держав, об'единяющихся перед угрозой кантонских успехов, грозящих сорвать господствующее положение иностранного капитала.

Картина дополняется новыми происками империалистических держав, пытающихся и пацифистскими средствами овладеть национальным движением. Путем заигрывания и мнимой поддержки борющихся масс Китая пытаются они оседлать китайскую революцию. Это находит свое отражение в изменившемся отношении империалистической прессы Японии, Америки и даже Англии к национально-революционному правительству. Понятно, что эта фальшивая игра ни в коей мере не должна усыпить бдительность китайских революционеров и коммунистов других стран. Конечно, эти происки не снимают с порядка дня угрозы интервенции в Китай, тем более, что эта интервенция фактически осуществляется действием на китайской арене продажных милитаристов—ставленников иностранного капитала.

Но эти факты в общей связи с отмеченными нами выше моментами говорят о консолидации враждебных сил китайской революции, о быстро идущем процессе вовлечения широких масс в антиимпериалистическое движение, о расширении его из чисто-городского явления, каким оно было ранее, в действительно могучее народное движение, захватывающее основные трудящиеся массы города и деревни. Тем самым революционно-освободительное движение переводится на высшую ступень своего развития. Это придает ему большую силу и способствует успешному его завершению.

Значение этих фактов не трудно проследить при самом беглом ознакомлении с историей последних лет национально-освободительного движения в Китае. Еще недавно когда основной движущей силой была буржуазия и когда оно замыкалось в узком кругу буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, это движение постепенно выдыхалось. Тогда ни пролетариат, ни широчайшие массы крестьянства участия в нем не принимали. Национально-освободительное движение уперлось в тупик, в виду отсутствия широкой базы, отсутствия тех сил, на которые оно могло бы опереться. Вторая фаза движения наступает с того момента, когда мелкая буржуазия спачала в городе, особенно в лице студенчества, а затем постепенно и сельская, вовлекается в национально-революционное движение и когда под знаменами смертельной борьбы с империализмом выдвигается самый решительный, самый последовательно-революционный класс—пролетариат. Эта передвижка социальной базы и в первую очередь выдвижение пролетариата на передовые посты, приводит к постепенному отходу буржуазии от роли движущего, водящего фактора. Процесс этот достаточно ярко виден по тем фактам, которые нами были приведены выше. Китайская национальная революция стоит перед третьей фазой, перед оформлением и упрочением революционного блока пролетариата и революционной мелкой буржуазии. В этой дальнейшей дифференциации классовых сил национально-революционного движения—в основном внутренний смысл событий истекшего года. В дальнейшем нарастании и углублении революции их главное значение.

* * *

Откладывая тактические вопросы для специального освещения, отметим здесь, что основными задачами китайского пролетариата и его коммунистического авангарда на данном историческом этапе являются:

Во-первых, разоблачение половинчатости, соглашательства буржуазии и изоляция ее от влияния на пролетариат и мелкобуржуазные массы города и деревни.

Во-вторых, беззаветная борьба за свою гегемонию в освободительном движении, за перетягивание на свою сторону всех действительно революционных элементов буржуазной демократии и в первую очередь крестьянства; борьба за распространение своего идейно-политического руководства на все вооруженные силы революции.

В-третьих, последовательное осуществление демократических преобразований, полная ликвидация господства империализма, облегчая этим дальнейшую организацию своих сил и развитие классовой борьбы, что в свою очередь должно ускорить переход революции на новую высшую стадию ее развития.

В-четвертых, установление теснейшего союза с международным пролетарским движением и в первую очередь, с его цитаделью Союзом Советских Социалистических Республик.

Если победа пролетарской тенденции означает жесточайший удар по империализму, то условием осуществления гегемонии пролетариата в китайской революции, является создание революционного блока пролетариата и широчайших слоев революционной городской и сельской мелкой буржуазии. Эта задача формулирована тов. Сталиным следующим образом: «В странах, в роде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта, коммунисты должны

перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии»[1]).

У рабочего класса Китая и его коммунистического авангарда не должно быть никаких иллюзий насчет единого всеохватывающего национального фронта. Представление о том, что все классы китайского общества способны и будут бороться против империализма, такое представление вредно и может только дезориентировать рабочий класс. Такой уклон, в условиях нарастающего революционного движения в Китае, представлял бы большую опасность. Уклон, со слов тов. Сталина, заключающийся в «недооценке революционных возможностей и в переоценке идей единого всеохватывающего национального фронта в колониях и зависимых странах, независимо от состояния и степени развития этих стран. Это есть уклон вправо, чреватый опасностью принижения революционного движения и растворения коммунистических элементов в общем хоре буржуазных националистов»[2]).

Китайская революция на ее буржуазно-демократическом этапе будет развиваться без крупной буржуазии и скорее вопреки ее соглашательским тенденциям. Эта характерная черта, эта особенность выступит, очевидно, еще яснее, ярче и рельефнее в китайской революции, нежели в нашей революции 1905 года. Силой революции будет пролетариат и революционная мелкая буржуазия при организующей, руководящей роли рабочего класса. Мелкая буржуазия городов и в первую очередь кустари и ремесленники, составляющие большинство населения китайских городов, разоряемые империализмом и настроенные явно враждебно к гнету иностранного капитала, будут бесспорно в рядах сражающихся против империалистической кабалы.

Рабочий класс, подвергающийся двойному гнету, также бесспорно будет на передовых позициях антиимпериалистической борьбы.

То, что революция в Китае пока-что, сразу же не является социалистической, не может и не будет притуплять активности рабочего класса, не может привести его к отказу от решительной борьбы. Еще тов. Ленин говорил, что «буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата. Чем сильнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм». Эти слова тем более справедливы по отношению к Китаю, где буржуазная революция по своему характеру является антиимпериалистической.

Огромнейшим резервуаром революционной энергии является китайское крестьянство. Резкое малоземелье, арендная и ростовщическая кабала, чрезвычайная, непосильная тяжесть налогового бремени милитаристического государства, усиливающееся разорение крестьян вследствие господства иностранного капитала в стране,—все это быстро революционизирует широчайшие массы крестьянства и неизбежно толкает его на борьбу против империализма и против экономических и политических проводников его влияния.

---

[1]) И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 264.
[2]) Там же, стр. 267.

Революционный блок этих элементов будет все тверже оформляться по мере углубления национально-революционной борьбы.

Но национальная революция в Китае выдвигает на очередь еще и вопрос о власти. Победоносная революция немыслима без революционной власти. Насильственное, революционное свержение господства империализма невозможно без революционного правительства, которое должно возглавить национальную революцию на теперешнем этапе. Нужно ведь не только бить, но добить и «отбить попытки врага вернуть потерянное».

Каков же характер должен быть революционной власти и революционного правительства в Китае? Раньше всего эта революционная власть должна быть по своему характеру антиимпериалистической. Антиимпериалистической—потому, что это—основная задача освободительной борьбы, основная особенность и основная цель китайской революции на данном этапе. В остальном это революционное правительство должно напоминать проектировавшуюся большевиками власть в революции 1905 года. Революционное правительство в Китае должно быть сложением сил пролетариата и крестьянства.

Тов. Ленин применительно к нашему 1905 году писал:

«Мы все говорим о завоевании Республики. Чтоб завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,—мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве»[1]).

Ленинская формула революционного правительства применима к Китаю с той поправкой, что эта диктатура пролетариата и крестьянства должна быть антимилитаристической. Поэтому форма революционной власти в Китае должна выразиться в антиимпериалистической диктатуре рабочего класса и крестьянства. Антиимпериалистической—потому, что такова основная задача революции. Диктатуры—потому, что эта власть будет не столько устанавливать порядок, сколько организовывать жесточайшую войну, ибо борьба с империализмом не легкая, не мирная и не быстро осуществимая задача. Рабочего класса—потому, что китайская революция может восторжествовать, может быть победоносной лишь под гегемонией пролетариата. Крестьянства—потому, что оно является мощным резервом революционной энергии, потому, что только у него есть по отношению к пролетариату «прочная общность экономических интересов на все время революции».

Задача китайского пролетариата на путях утверждения своей гегемонии—добиться организации революционной власти по этому принципу.

Этим самым предопределяется необходимость участия пролетариата в революционном правительстве. Уже перед 1905 годом Лениным была доказана принципиальная допустимость участия

---

[1]) Ленин, т. VI, стр. 209.

рабочего класса во временном революционном правительстве. Еще тогда Ленин, в противовес меньшевикам, поучал, что нельзя смешивать участие социалистов в буржуазном правительстве мирного, нормального времени, когда это правительство на деле, фактически охраняет империалистическую буржуазию от рабочего класса,—с участием в революционном правительстве, когда это участие обеспечивает наиболее решительное, наиболее последовательное осуществление задач революции. Но мало того, в своей брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти беспрерывно со времени Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий» [1]).

И эти слова Ленина более чем справедливы по отношению к китайской революции, которая развивается в исключительных международных условиях. Эпоха империализма и «политических потрясений», эпоха, когда существует Союз Советских Социалистических Республик, обязывает китайский пролетариат организовать силы, наступательно их употреблять, решительно действовать не только «снизу», но и «сверху». Будем надеяться, что китайскому пролетариату удастся выполнить эти всемирной исторической важности задачи.

---

[1]) Ленин, т. VI, стр. 315.

П. Александров.

Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья.

I. Значение сырьевых отраслей сельского хозяйства для дела индустриализации страны.

Завершение «восстановительного» периода в хозяйственном развитии СССР и вставшая во весь рост задача индустриализации страны, т.-е. превращения ее из страны аграрной в страну промышленную, поставили перед партией ряд новых и весьма сложных проблем. Обновление и расширение основного капитала промышленности на высшей технической базе является центральной и основной задачей. Выполнение этой задачи мыслимо, однако, лишь в соответствии с развитием всех остальных отраслей хозяйства и прежде всего в соответствии и на базе развития сельского, крестьянского хозяйства. Сельское хозяйство является, с одной стороны, рынком для продуктов промышленности, а с другой — главным источником экспорта и поставщиком сырья для промышленности. Поэтому поступательное движение вперед по пути развития промышленности немыслимо без соответствующего развития сельскохозяйственной части нашего народного хозяйства. Тесная связь и взаимозависимость между развитием промышленности и сельского хозяйства с особенной наглядностью дала о себе знать в последнее время по линии сырьевой проблемы. Здесь завязался узел вопросов, разрешение которых возможно лишь при условии необходимого соответствия в развитии промышленности и сырьевых отраслей сельского хозяйства. Сырьевой вопрос поставлен на очередь дня самим развитием промышленности, дальнейшее развертывание которой находится в тесной зависимости от развития ее сырьевой базы.

Усиление работы промышленности с целью смягчения и постепенной ликвидации голода по ряду промышленных товаров натолкнулось в последнее время, как на препятствие, на недостаток отдельных видов сырья, как, напр.: шерсти, кожи, хлопка. Это обстоятельство, вместе с рядом неблагоприятных признаков в развитии сырьевых, интенсивных отраслей сельского хозяйства за последний год еще более заострило постановку сырьевого вопроса, являющегося теперь предметом обсуждения в наших хозяйственных органах и в печати.

Проблема сырья связана с задачами индустриализации не только со стороны зависимости развития промышленности от состояния ее сырьевой базы, но и по линии импорта и экспорта.

В то время как в 1913 году ввоз сырья составлял 25% всей стоимости импорта, в 1926—27 г. он составит 46,3%. Таким образом, сырье играет в нашем внешнеторговом балансе роль тяжелого груза и является той статьей этого баланса, которая сокращает наши возможности ввоза промышленного оборудования.

Создание внутри СССР достаточной сырьевой базы для развития промышленности, обрабатывающей сырье, разгрузка импорта от сырьевых статей и развитие экспорта сырья означало бы крупный шаг вперед в деле усиления экономической мощи советской страны и ее индустриализации. Обеспечение сырьевой базы промышленности имеет также особо важное значение на случай военных нападений империалистических держав на Советский Союз. В случае такого нападения и прекращения импорта сырья из-за границы, ряд отраслей нашей промышленности оказался бы в тяжелом положении. Мы были бы вынуждены сократить наполовину работу текстильной промышленности, сократить кожевенную, шерстеобрабатывающую и пр. виды промышленности. Поэтому необходимость усиленного развития производства с.-х. сырья диктуется также и опасностью военных нападений извне.

Индустриализация страны означает усиление удельного веса крупной промышленности в народном хозяйстве страны, но отнюдь не в ущерб повышению производительности и технической базы самого сельского хозяйства. Наоборот, индустриализация страны означает также индустриализацию сельского хозяйства и на ряду с этим и в первую очередь—повышение товарности, интенсификацию и общий под'ем сельского хозяйства. Развитие технических культур и животноводственных отраслей сельского хозяйства, являющихся наиболее трудоемкими, требует повышения всей технической базы сельского хозяйства; развитие этих отраслей толкает сельское хозяйство вперед от потребительского типа хозяйства к товарному.

Таким образом, развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства тесно увязывается с перспективой дальнейшего роста и развития всего нашего хозяйства на основах индустриализации. Задачей советского государства является в каждый данный момент определить надлежащие пропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства в его сырьевых отраслях и согласовывать с намеченной перспективой свою хозяйственную политику.

II. Положение сырьевых отраслей сельского хозяйства и перспективы их развития.

По обеим основным группам сырья—растительной и животноводственной—имеются виды, развитие которых явно отстает от потребностей растущей промышленности и которые в значительной части ввозятся из-за границы. К этим особо недостаточным видам сырья относятся: хлопок, шерсть, особенно тонкие сорта, сахарная свекла, крупные кожи. Затем по степени недостаточности идут маслосемена. Другие виды сырья, как лен, пенька, табак и махорка, имеют все виды к дальнейшему их развитию, как благодаря росту потребления промышленности, так и возможностям экспорта.

Проследим развитие производства основных видов сырья за последние послереволюционные годы, сравнивая их с довоенными.

Таблица № 1.

Посевные площади в тыс. десятин и в проц. к довоенному.

Культуры.	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	В % к довоенному.	
						1925 г.	1926 г.
Лен	1.150	534	650	970	975	84,3	84,8
Конопля	660	771,7	695,2	836,4	820,6	126,7	124,3
Хлопок	642	195	461	611	650	95,2	101,2
Маслосемена	3.742	3 470,4	4.133,3	5.034,4	4.548,4	134,5	121,5
Табак	27,0	22,3	21,1	36,3	30,7	134.4	113,7
Махорка	30,1	24,2	30,8	40,7	48,0	135,2	159,5
Сах. свекла	559	240	345	488	490,5	82,8	85,2
Итого техн. культур	5.010,1	3.951,9	4.991,2	6.210,4	5.767,6	123,9	115,1

Как видно из приведенной таблицы, посевные площади основных технических культур испытали сильное падение в результате империалистической и гражданской войны. В 1924 г. мы наблюдаем процесс их восстановления, еще более усилившийся в 1925 г. В 1926 г. рост посевных площадей замедляется по хлопку и махорке, а по льну и сахарной свекле мы наблюдаем, примерно, стабильность в отношении к 1925 г. По ряду других культур, как конопля, маслосемена и табак, 1926 г. принес даже сокращение посевной площади по сравнению с 1925 годом. Если мы сравним 1926 г. с 1913 г., то увидим, что довоенные размеры посевных площадей еще не достигнуты по льну и сахарной свекле. Картина изменяется еще более к худшему, если мы возьмем динамику валовых сборов тех же культур.

Таблица № 2.

Валовые сборы в млн. пуд. и в проц. к довоенному.

Культуры.	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	В % к довоенному.	
						1925 г.	1926 г.
Лен долгунц.	24,0	8,6	13,4	15,9	15,8	66,2	65,8
Конопл. волокн.	24,7	21,9	19,9	2[illegible],0	27,5	113,4	111,3
Хлопок-сырец	45,4	—	22,9	33,1	34,4	72,9	75,7
» » волок.	14,6	2,6	6,2	9,6	10,0	65,7	68,4
Маслосемена	15[illegible],9	157,6	145,3	217	182	139,2	116,7
Табак	2,0	1,6	1,5	2,8	2,0	140,0	100,0
Махорка	4,6	3,4	3,3	8,3	8,1	180,4	176.1
Сах. свекла	662	132,8	198,0	504	400,2	76,1	60,5

Если сравнить вторую таблицу с первой, то не трудно заметить отставание роста валовых сборов от роста посевных пло-

щадей. Если посевные площади еще не достигли уровня 1913 г. лишь по двум культурам, то валовые сборы ниже довоенных по 3 культурам—льну, хлопку и по сахарной свекле. Валовые сборы значительно превышают довоенные лишь по махорке (176,1), по остальным культурам развитие валовых сборов отстает от роста посевных площадей. Это находит свое об'яснение в динамике урожайности тех же культур.

Таблица № 3.

Урожай с десятины.

Культуры.	1933/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1913 г.
Лен вол. долг.	16,1	20,6	16,3	16,2	20,7
Конопля вол.	38,4	28,6	23,4	33,5	37,4
Хлопок вол.	13,4	13,4	15,7	14,3	22,7
Маслосемена	45,4	35,2	43,1[1])	40,1[1])	41,6
Табак	71,7	71,1	77,1	65,1	74,1
Махорка	140,4	107,1	203,9	168,7	152,8
Сах. свекла пуд.	720	574	1.032	816	1.057

В 1926 году ни по одной культуре урожайность не достигла урожайности 1913 года. Таблица № 2 показывает, что кривая валовых сборов носит в общем тот же характер, что и посевных площадей. Мы имеем сильный рост валовых сборов в 1924 и 1925 г. и замедление, а во многих случаях регресс в росте валовых сборов в 1926 году.

Важнейшим показателем состояния сырьевых отраслей с. х. с точки зрения промышленности служит % товарного выхода различных видов сырья. Промышленность может питаться лишь за счет той части сырья, которая не оседает в крестьянском хозяйстве, а выходит на рынок.

Динамика товарного выхода по основным техническим с.-х. культурам виден из следующей таблицы:

Таблица № 4.

Товарный выход в млн. пуд. и в проц. к валовому сбору.

Культуры.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1913 г.
Лен волокн. долг.	5,3	8,3	11,3	11,0	17,8
% к валовому	61,6	62,4	71,2	69,6	74,2
Конопля вол.	1,7	3,4	4,9	4,8	8,0
% к вал.	7,7	17,1	18,5	17,5	32,0
Хлопок-волокно	2,6	6,2	9,6	10,0	14,6
% к валовому	100	100	100	100	100
Маслосемена	52	85	112	96	81
% к валовому	33	58,4	52	53	58
Табак	1,25	1,3	2,6	1,8	1,8
% к валовому	78,1	86,7	92,8	93,0	93,0
Махорка	2,7	3,2	7,6	7,2	4,1
% к валовому	79,4	96,0	90,0	88,8	90,0
Сах. свекла м. п.	167	191,5	488,6	388,2	612
% к валовому	97,0	97,0	97,0	97,0	97,0

[1]) Взят миним. расчет.

Только по трем культурам—по хлопку, сах. свекле и табаку товарный выход в процентном отношении к валовым сборам достиг уровня 1913 года. По остальным культурам в 1926 году мы наблюдаем меньший % товарности по сравнению с 1913 годом. Рост товарности, весьма быстрый за первые годы после окончания гражданской войны, по ряду культур замедляется или даже прекращается в 1925/26 и 1926/27 годах.

Как видим, кривая товарной части валовых сборов технических культур имеет приблизительно тот же характер, что и кривая посевных площадей и валовых сборов.

Обратимся к цифрам, характеризующим положение животноводственного сырья.

Следующая таблица характеризует валовые сборы по различным видам шерстей и кож.

Таблица № 5.

Валовые сборы в проц.

Виды сырья.	1925/26 г. к 1924/25 г.	1925/26 г. к 1913 г.
Шерсть грубая и полугруб.	112,1	69,0
» тонкая	109,1	20,8
Кожи крупные	100,5	78,6
» мелкие	103,3	82,2

Мы видим, что валовый сбор тонкой шерсти достигал в 1925/26 году лишь 20,8% от валового сбора 1913 года. Лучше обстоит дело с грубыми и полугрубыми шерстями, хотя и здесь валовые сборы еще не достигают довоенных цифр. Количество грубошерстных и полугрубошерстных овец в современных границах СССР (без Хивы и Бухары) по годам в млн. голов составляло: 1913 г.—96; 1916 г.—101; 1922 г.—45,5; 1923 г.—51; 1924 г.—45; 1925 г.—82; 1926 г.—85, т.-е. 89% к довоенному. Несмотря на значительный процент восстановления овцеводства, положение с шерстозаготовками сильно ухудшилось, потому что восстановительный процесс имел место, главным образом, в северном и западном районах, потребляющих шерсть (100 и более процентов). В производящей группе районов восстановление овцеводства происходит много медленнее—на 48% по Средней Азии и Казакстану, 59% по Закавказью, 65% по Сев. Кавказу и Крыму и т. п. Особенно пострадало за военные и революционные годы тонкорунное овцеводство, достигшее по колич. голов в 1926 году лишь 28% к 1913 году. Поэтому валовой выход грубой и полугрубой шерсти составлял в 1926 г. 69% к 1913 г. (6.415 т. п. и 9.290 т. п.) и выход тонкой шерсти (мериносовой)—20% к 1913 г. (120 т. п. и 577 т. п.).

Движение товарного выхода и % товарности шерстей и кож показано на следующей таблице:

Таблица № 6.

Продукция животноводства.

Виды сырья	1913 г.		1924/25 г.		1925/26 г.	
	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.	Товарн. выход.	% товар. к вал. пр.
Шерсть груб. и полугр. т. п.	6.390	68,8	1.703	29,7	2.077	32,3
» тонкая » »	577	100	110	100	120	100
Кожи крупные млн. шт.	11,1	99	8,66	99	8,75	99
» мелкие » »	44,0	89,8	26,4	67,7	29,9	74,0

Если процент товарного выхода крупных кож достигал 99 как в 1913 г., так и в 1926 г., то по мелким кожам товарность достигла лишь 74% в 1926 г. против 89,8% в 1913 году. В то время, как товарный выход мериносовой шерсти равен валовому, т. к. мериносовая шерсть не оседает у населения, а целиком идет в промышленную обработку, товарный выход грубой и полугрубой шерсти составлял в 1926 г. лишь 32,3% к валовой продукции.

Характеризуя кратко послереволюционное развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства, мы должны констатировать:

1) быстрый темп восстановления посевных площадей, еще не достигших по ряду культур довоенного уровня;

2) преимущественно экстенсивный характер развития технических культур, отставание роста валовых сборов от роста посевных площадей, благодаря падению урожайности;

3) уменьшение валового и товарного выхода по ряду технических и животноводственных культур по сравнению с довоенным;

4) замедление в темпе роста посевных площадей, валовых сборов и товарности по многим видам сырья, сырьевых культур в 1925/26 году. По некоторым видам сырья в этом году замечается даже приостановка роста, а по другим—регресс.

Отмеченные выше черты, характеризующие восстановление и развитие сырьевой базы СССР и особенно неблагоприятные симптомы, имевшие место в последнем году, заставляют направить все усилия и принять все возможные меры для стимулирования сырьевых отраслей сельского хозяйства. Недостаточность развития сырьевой базы и необходимость ее стимулирования выступают перед нами с особенной ясностью, если учесть быстрый рост потребностей крупной и мелкой промышленности в сырье. По наиболее недостаточным видам сырья, являвшимся предметом значительного ввоза из-за границы, промышленное потребление далеко превышает валовые сборы.

Так, значительную часть хлопка приходилось ввозить из-за границы как до войны, так и в послереволюционное время. Проц. ввозного хлопка к потреблению составлял 45 до войны, 65—в 1923/24 г., 48—в 1924/25 г. и 37—в 1925/26 г., т.-е. начиная с 1924/25 г. непрерывно падал и за последний год стоял ниже довоенного. Тем не менее хлопковое хозяйство Союза явно недостаточно и требует к себе максимального внимания. Необходимость стимулировать развитие нашего хлопководства приобретает особую настоятельность в виду широких перспектив развития нашей текстильной промышленности.

По пятилетке ВСНХ потребление хлопка-волокна текстильной промышленностью на ближайшие годы определяется ориентировочно в следующих цифрах (тыс. пуд.).

1926/27	21.300
1927/28	23.000
1928/29	24.000
1929/30	25.000
1930/31	26.400

Как бы мы ни оценивали точность приведенных цифр, широкое развитие нашей текстильной промышленности имеет все виды на будущее. Потребление хлопка должно тем более увеличиться, что в будущем неизбежно улучшение качества наших текстильных изделий, что означает увеличение количества хлопка на выработку данного количества тканей. Если до войны из 1 п. хлопка вырабатывалось 163 метра тканей, то в 1925/26 г. вырабатывается свыше 200 метров. Доведение качества тканей только до довоенного уровня потребует большого добавочного расхода хлопкового сырья. Развитие хлопкового производства СССР означало бы разгрузку импорта от хлопка и обращение освобождаемых средств на дело индустриализации страны. Освобождение от американского хлопка тем более целесообразно в виду лучшего качества нашего хлопка и его дешевизны по сравнению с американским.

По естественным условиям Советский Союз обладает возможностью большого расширения посевных площадей под хлопком. По плану той же пятилетки предполагается довести посевную площадь от 464 тыс. дес. в 1926 г. до 1.135 тыс. дес. в 1930 г. Могучим средством увеличения хлопкового производства является и повышение урожайности, которая значительно упала за революционные годы. Урожайность хлопка в пудах с одной десятины достигала в

1913/14	22,7
1922/23	9,8
1923/24	13,4
1924/25	13,4
1925/26	15,0

Потребление шерсти (по данным Наркомторга СССР) крупной текстильной и вязально-войлочной промышленностью в готовом виде составляло (в тыс. пудов):

	Грубой	Полугрубой	Тонкой	Всего
В 1913 г.	2.810		600	3.410
» 1924/25 г.	1.475	172	404	2.051
» 1925/26 г.	1.816	288	436	2.540

Дефицит весенней шерсти в оригинальном виде, исходя из сопоставления потребления промышленности и заготовок в 1925—1926 г., исключая покрытие за счет нового сбора 1926 года, составлял: по грубой шерсти 254 т. п., по полугрубой—315 т. п. и по тонкой—1.280 т. п. Все это количество шерсти должно быть покрыто лишь за счет ввоза. Текстильная промышленность удовлетворялась за счет внутреннего сбора и старых запасов в 1925/26 г. по грубой шерсти на 70%, по полугрубой—на 50%, по тонкой—на 26%, при чем в старый запас входили остатки от импорта прошлых лет в размерах 7% по тонкой и около 60% по грубой шерсти. По исчислениям пятилетки ВСНХ в 1929 г. для удовлетворения нужд крупной промышленности при условии предполагаемого роста овечьего стада и сборов все же должен иметь место значительный дефицит, который можно будет покрыть лишь за счет импорта.

Описанное выше положение с шерстью требует мер, стимулирующих развитие овцеводства, особенно тонкорунного, повышение товарности шерсти и пр.

По кожам особенно остро чувствуется недостаток по тяжелым сортам, что видно из следующей таблицы.

Таблица № 7.

Потребность в кожах в 1924/25 и в 1925/26 гг. в тыс. шт.

По трестированной госпромыш.	Подошвен.		Полувальн		Мостов.		Всего	
	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.	24/25 г.	25/26 г.
Ресурсы	757	838	877	913	3.618	3 414	5.254	5.167
Потребности	1.194	1 612	869	1.414	3.060	3.333	5.124	6.361
Избыток или недостаток (+ или —)	—437	—774	+8	—501	+558	+81	+130	—1.194

Как видим, за два взятые года дефицит кожи, потребной для нашей трестированной промышленности, значительно возрос, что означает рост зависимости нашей промышленности от заграничного сырьевого рынка. Недостающие 1.194 тыс. кож были ввезены главным образом из Аргентины, затем из Германии и др. европейских стран. Несмотря на значительное восстановление стада, превышающего довоенное по коровам (110%), телятам—110% и составляющее по всему крупному рогатому скоту 104,2% довоенного, наша промышленность поставлена перед фактом недостатка кожевенного сырья, особенно тяжелого. Это об'ясняется уменьшением валового выхода кожи и падением ее товарности. Оба эти явления находят свое об'яснение в осереднячивании крестьянских хозяйств в результате изменений в социальной структуре деревни и усилением молочного направления в животноводстве, связанного отчасти с измельчанием хозяйства, отчасти с ростом потребления молока и молочных продуктов вообще. Кожевенное сырье, как известно, не является самостоятельной отраслью сельского хозяйства, оно является лишь продуктом животноводства. Поэтому мероприятия, касающиеся этого вида сырья, не могут рассматриваться независимо от мероприятий, направленных к воздействию на самое животноводство.

Из других растительных культур особо недостаточными за последние годы являются маслосемена, благодаря ненасыщенности рынка растительных масел. Как мы видели, посевные площади и валовые сборы маслосемян в 1926 г. превысили довоенные, хотя и резко снизились по сравнению с 1925 г. Растительных масел нехватает для покрытия потребительских нужд населения, что в значительной степени об'ясняется как ростом потребления, так и тем, что наша мыловаренная промышленность переведена на растительные масла внутреннего производства в виду сильного сокращения ввоза как животных, так и растительных масел из-за границы. Таким образом, дефицит растительных масел на потребительском рынке приходится смягчать за счет сокращения снабжения промышленности и экспорта.

Масличные культуры нуждаются, как видим, в стимулирующей помощи государства, и увеличение производства маслосемян имеет все перспективы на хороший сбыт как со стороны внутреннего потребления, так и экспорта маслосемян и жмыхов. По льну имело место резкое понижение товарной его части, достигающей в 1925/26 г. лишь 11,3% валового сбора против 17,8% в 1913 году. Огромная часть льна перерабатывается в крестьянском хозяйстве и кустарями. Товарная часть льна распределяется между промышленностью и экспортом.

Таблица № 8.

Распределение товарного льна.

(Данные Наркомторга СССР).

Годы.	Промышлен. потреб.	%% товарн.	Экспорт	% от товарности
Довоен.	5.000	28,2	12.800	71,8
1922/23 г.	2.100	37,1	2.832	62,9
1923/24 г.	4.100	59,2	2.137	40,8
1924/25 г.	4.500	56,3	3.300	43,7
1925/26 г.	6.800	63,2	4.200	37,8

За последние годы налицо огромный рост промышленного потребления товарного льна и сокращение его экспортной части, несмотря на то, что количество веретен льнообрабатывающей промышленности сейчас меньше, чем до войны. Рост промышленного потребления об'ясняется огрубением тканей и отчасти изношенностью оборудования промышленности. С устранением этих явлений потребление льна промышленностью должно сокра-

титься. Производство льна как до революции, так и теперь не может базироваться лишь на потреблении внутреннего рынка, наш лен должен завоевать свое место на рынках заграничных. Господствующая ныне депрессия цен на мировом рынке льна ставит нашего льнопроизводителя в весьма тяжелое положение, так как превращает экспорт льна в нерентабельный. Таким образом, во весь рост встает проблема повышения рентабельности льноводства в существующих неблагоприятных условиях мирового рынка.

Весьма важным видом сырья является сахарная свекла, употребляемая в качестве сырья сахарной промышленностью. Здесь стоит задача повышения урожайности, резко снизившейся за революционный период, улучшения и расширения производства этого вида сырья. Такие виды сырья, как пенька (конопля), табак, махорка, также имеют все виды на будущее как благодаря росту внутреннего потребления, так и экспортным возможностям.

III. Задачи сырьевой политики советского государства. Политика цен.

Отсталость в развитии технических и животноводственных культур сельского хозяйства и, как следствие, слабость сырьевой базы для промышленности СССР, необходимость тратить весьма значительные средства на предмет импорта сырья ставят перед партией и государством необходимость обратить внимание на стимулирование соответствующих отраслей сельского хозяйства путем соответствующих мер экономического воздействия и регулирования.

До последнего времени самой системе экономического планирования государства нехватало ясного плана развития с. х. и увязки этого плана с планом развития других отраслей хозяйства—промышленности и экспорта. Регулирование государством отдельных сырьевых сельскохозяйственных рынков не было достаточно увязано друг с другом, а также с рынками других сельскохозяйственных продуктов. Регулирование с.-х. рынков не было достаточно продуманным и обоснованным и покоилось главным образом на движении самой рыночной кон'юнктуры, имея скорее сдерживающее, чем направляющее влияние. Только имея план развития сырьевых отраслей сельского хозяйства на ближайшие годы, план, увязанный с планом развития других отраслей народного хозяйства, государство может построить свою систему мероприятий, направленных к развитию сырьевой базы промышленности, к стимулированию одних с.-х. культур и сдерживанию других и т. д. На этом пути будет также обеспечено и правильное регулирование рынков с.-х. сырья. Для проведения планового регулирования и осуществления мероприятий, направленных к развитию сырьевых отраслей с. х. должны быть согласованы действия отдельных гос. органов, воздействующих на с. х. по линии торговли, промышленности и земледелия.

Говоря кратко, необходимо сельское хозяйство и особенно его сырьевые отрасли включить в общую систему планирования и регулирования народного хозяйства, увязав это планирование и регулирование с планом развития промышленности и экспорта.

Государство и его органы имеют целый ряд рычагов, при помощи которых оно может воздействовать на развитие с.-х. сырьевой базы. К таким рычагам относится прежде всего соот-

ветствующая политика цен на сырьевые технические и животноводственные культуры. Цена является могучим рычагом воздействия на развитие той или другой отрасли сельского хозяйства. Если цены на данный продукт сельского хозяйства убыточны для крестьянина, он неизбежно должен сокращать посевы данной культуры и переходить к возделыванию других, более выгодных культур. В соответствии со своими плановыми предположениями государство может воздействовать на развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства также путем ряда других мероприятий, к которым относятся:

1) мероприятия агрикультурные, агрономические и зоотехнические по распространению и применению искусственных удобрений, улучшению методов обработки почвы под данной культурой, организации ирригационных и пр. работ, улучшению породы и качества скота, по разведению лучших и наиболее ценных пород и пр.;

2) мероприятия по линии с.-х. кредитования, направленные к расширению и облегчению кредита для прочих хозяйств, культивирующих те или иные виды сырья и пр.;

3) мероприятия в области налоговой политики в смысле построения такой налоговой системы, которая стимулировала бы сырьевые отрасли сельского хозяйства;

4) организация регулярного и достаточного снабжения хлебом и промтоварами сырьевых районов, как, напр., хлопковых, льноводческих районов и др., и максимальное снижение потребительских цен на хлеб в этих районах через кооперативную систему.

Особенно большое значение для развития технических и животноводственных культур с. х. имеет политика заготовительных цен на эти культуры. До последнего времени в этой области отнюдь не все обстояло благополучно, и был совершен ряд ошибок. За последние 1925—26 годы не было необходимого соответствия между ценами на сырьевые культуры и на культуры, конкурирующие с ними, в частности на зерновые. Также не было правильных пропорций в ценах по отдельным сырьевым культурам. Низкими заготовительными ценами об'ясняется то падение посевных площадей и товарности большинства сырьевых культур, которое наблюдалось в 1926 году. Значительное влияние на движение цен, начиная с конца 1924/25 года, оказало падение мировых цен по ряду с.-х. культур, что поставило их экспорт в условия нерентабельности и тем самым косвенно вызвало понижение и внутренних цен. Тем не менее, несоответствие цен на ряд сырьевых культур по сравнению с ценами на зерновые об'ясняется и за счет прямых ошибок нашей политики заготовительных цен.

Общий заготовительный средне-годовой индекс по семи сырьевым культурам составлял в 1924/25 г. 120,5 и в 1925/26 г.—121,5, между тем, как средневзвешенный зерновой индекс по Союзу составлял в 1924/25 г. 123.1 и в 1925/26 г.—124.4. Сравнение сырьевого и зернового индекса само по себе говорит о неблагоприятной рыночной обстановке для сырьевых культур. Эта неблагоприятная обстановка отражалась на посевах технических культур только весной 1926 года. В 1924/25 г. зерновой индекс прыгнул вверх в апреле—июне и стоял ниже сырьевого индекса в остальные кварталы, которые только и могли влиять на посевы.

В 1925/26 году была другая картина: цены на зерно стояли высоко как раз в те месяцы года, которые влияют на посевы. Отсюда очевидно, что для стимулирования засева технических культур имеет значение не общий годовой индекс, а правильное соотношение индексов сырьевого и зернового в определенных сезонах года. Нарушение этого соотношения в соответствующий сезон 1925/26 года отразилось сокращением посевов технических культур в этом году.

Для того, чтобы определить влияние соотношения цен на различные с.-х. культуры, необходимо также брать уровень цен по определенным районам. Индекс цен по Союзу может быть вполне удовлетворительным для данного вида сырья, но тем не менее положение этого вида сырья будет крайне неблагоприятным, если в районе его производства сырьевой индекс цен ниже зернового. Таким образом, для сырьевых культур важны индексы цен определенных сезонов года и районов производства данных видов сырья.

Если мы обратимся к движению цен по отдельным видам сырья, то увидим, что в 1926 году цены стояли особенно низкие по маслосеменам (94,3), где при абсолютном снижении цен их уровень был ниже довоенного. Имело место падение цен по льну, хотя индекс льна (146,0) остался выше зернового и общесырьевого индексов. Индексы хлопка (114,6) и свеклы (121) не превышали уровня зернового индекса. Индекс табака (142,6) оставался выше зернового, а индекс махорки (156,2) хотя и понизился, но превышал намного как зерновой, так и прочие сырьевые индексы. Повысился в 1925/26 г. лишь индекс пеньки (188,0).

По хлопку установленное соотношение цены хлопка и пшеницы: 1 п. хлопка-сырца=3 п. пшеницы не удержалось в 1925/26 году, а снизилось до 2,2 п. пшеницы по Узбекистану и 2,3 по Туркменистану, что повело в этом году к падению удельного веса хлопковых посевов по сравнению с посевами пшеницы, несмотря на абсолютное повышение посевов хлопка. Хотя повышение цен на хлопок и не представлялось возможным в виду падения мировых хлопковых цен и необходимости снижения стоимости хлопковых тканей, ряд мероприятий по насыщению хлопковых районов пшеницей должен быть проведен.

В 1926 г. наблюдалось также понижение покупательной способности льна, маслосемян, табаков, сах. свеклы по сравнению с другими с.-х. продуктами, как пшеница, рожь, овес и пр. По шерсти на ряду с высокими ценами на тонкие и полугрубые сорта наблюдались низкие цены на сорта грубые, что отнюдь не поощряло развитие грубошерстного овцеводства. По кожам цены были в общем рентабельными для производителей. Здесь политика правильных цен не является независящим фактором, т. к. на убой скота влияют цены на остальные продукты животноводства—мясо и пр. Наконец, хороший урожай 1926 года отнюдь не стимулировал убой скота, возрастающий обыкновенно в годы плохих урожаев. Уровень цен на кожи был в общем рентабельным как для производителя, так и для промышленности.

Несоответствие цен некоторых видов сырья с ценами на зерновые культуры в 1926 году заставляет поставить вопрос о повышении цен по этим культурам в районах их производства и доведении их до такого соотношения с зерновыми культурами,

которое обеспечивало бы рентабельность этих видов. Ошибки политики цен 1926 года должны быть исправлены, чтобы избежать дальнейшего снижения посевов, сборов и товарности ряда сырьевых культур. По таким видам сырья, как хлопок и лен, возможность повышения цен минимальна в силу депрессии на мировых рынках этих культур. Здесь должны быть проведены все другие возможные меры, понижающие в районах их производства индексы зерновые, как-то: достаточный ввоз хлеба и промтоваров, снижение потребительной цены производства этих видов сырья путем всей системы мер агротехнических, агрономических и пр.

Огромное значение для развития сельскохозяйственного производства вообще и сырьевых его отраслей в частности приобретает задача снижения цен промтоваров. Линия партии в этом отношении должна быть осуществлена полностью. Снижение промышленных цен особенно важно, как стимул повышения товарности сырьевых культур и успешности сырьевых заготовок, ибо цены промтоваров суть цены товаров, вырабатываемых в значительной их части из того же с.-х. сырья. Если, например, цены на шерстяные ткани высоки и разница между этими ценами и ценой шерсти, которую крестьянин получает от госзаготовителя, очень велика, то крестьянин естественно предпочитает пустить свою шерсть в домашнюю обработку или сдать кустарю или частнику, который дает ему высшую цену. Практика имеет массу случаев, когда крестьяне сдают свою шерсть кустарю с условием получения в качестве платы натурой части промышленных товаров, вырабатываемых из сырья кустарем. Таким образом обращается частнокустарный круг в движении сырья от крестьянина к кустарю и обратно к крестьянину в виде готового продукта, минуя госзаготовителя и веспромышленность. Этот частный круг расширяется и захватывает большую часть валовых сборов сырья в случае повышения цен промтоваров. Наоборот, удешевление товаров, выделываемых из данного вида сырья, повышает роль госзаготовителей на рынке и побуждает крестьян к сдаче сырья по заготовительным ценам государства. Таким образом, если рентабельные для производителя заготовительные цены повышают производство и товарность сырья, усиливают роль госзаготовок на сырьевом рынке, то снижение цен промтоваров действует в том же направлении. Огромные массы различных видов сырья, как шерсти, маслосемян, кожи и др., оседают в крестьянском хозяйстве или ограничиваются частнокустарной сферой, находясь вне досягаемости госзаготовителей и веспромышленности. Извлечение этих сырьевых масс в товарную часть сырья, установление тесной экономической связи между госпромышленностью и сдатчиком сырья в огромной степени зависит от снижения себестоимости и, следовательно, розничных цен промтоваров.

Огромное значение в деле развития сырьевых культур имеет постановка промышленной переработки — мойки, сушки, очистки и пр.—отдельных видов сырья и из'ятие этих работ из сферы домашней, крестьянской и кустарной «промышленности». Лен, например, проходит целый ряд стадий предварительной обработки—сушки, трепки и пр.—выполняемой трудом крестьянской семьи с помощью самых примитивных средств и орудий производства. Передача этой предварительной обработки льна

на крупный завод означала бы огромную экономию сил и средств, улучшение качества волокна и его удешевление. Последнее создало бы возможность повышения цен льна производителю за счет сокращения расходов обработки, без повышения цены льняных изделий. Подобное значение имеет и организация крупно-промышленной очистки хлопковых семян, мойки шерсти и т. д. Некоторые успехи в этом отношении уже имеются, но они совершенно недостаточны. Огромная часть сырья обрабатывается в крестьянском или кустарном хозяйстве, что означает непроизводительную растрату значительной части сырья благодаря примитивным способам этой обработки.

Проблема сырья в целом и особенно в части, касающейся политики цен, лишний раз подчеркивает всю несостоятельность основных экономических взглядов оппозиции. «Сверхиндустриалисты» из оппозиционного блока, как известно, пытались толкнуть партию на путь экономического разрыва между развитием промышленности и сельского хозяйства, рассматривая с. х., как «колонию» для социалистического накопления, на путь повышения промышленных цен и т. д. Совершенно ясно, что подобная экономическая политика устранила бы всякую возможность укрепления сырьевой базы нашей промышленности. Только на основе партийной линии экономической политики возможна правильная постановка вопроса о сырье и правильное разрешение этого вопроса на основе согласования промышленного и сельскохозяйственного развития страны. Выравнивание цен по тем сырьевым отраслям, где ценностные соотношения особенно неблагоприятны для сырьевых культур, исправления ошибок, имевших место в прошлом в области политики цен, поможет преодолеть обнаружившиеся в 1926 году тенденции регресса в этих отраслях с. х. и обеспечить им дальнейшее развитие. Повышение цен по отстающим с.-х. культурам отнюдь не устраняет необходимости применения всех остальных мер воздействия на сырьевые отрасли с. х. тем более, что на ряду с проблемой правильной политики цен на сырье во весь рост стоит проблема удешевления с.-х. сырья, стоимость которого входит составной частью в стоимость промышленной продукции. В этом отношении улучшение способов с.-х. производства, повышение урожайности, механизация и удешевление первичной обработки, наконец, удешевление самого промышленного производства являются необходимыми мерами, ведущими к разрешению проблемы. Задача осуществления этих мер оттесняет на задний план проблему цены по тем с.-х. продуктам, по которым уже в настоящее время обеспечена цена более или менее рентабельная для производителя (как по кожам, отдельным сортам шерсти, хлопку, пеньке и др.), а также по таким культурам, как лен, где возможность дальнейшего повышения заготовительной цены весьма ограничена в силу депрессии на мировом рынке или в силу особой необходимости снижения цен на готовые изделия, вырабатываемые из данного вида сырья. Вся сумма мер воздействующих на сырьевое производство должна быть построена, исходя из учета всех факторов, определяющих положение данной культуры и данного рынка.

Весьма важной задачей является также снижение накладных расходов и рационализация и удешевление аппарата государственных и кооперативных заготовителей. Снижение накладных

расходов по заготовкам также создает добавочные ресурсы как для повышения цены производителя, так и для удешевления стоимости сырья для промышленности. В этой области еще многое предстоит сделать. Упорядочение самого заготовительного аппарата, устранение множественности заготовителей играет здесь не малую роль. Еще не выполнена задача—оставить не более двух заготовительных организаций—одна гос. и одна кооперативная—на каждом сырьевом рынке, к чему должны быть направлены усилия наших хозяйственных и регулирующих органов.

Рационализация и удешевление заготовительного аппарата поможет разрешить и другую важную задачу—расширение охвата сырьевого рынка гос. и кооп. организациями, вытеснение частника с рынка сырьевых заготовок. По данным Наркомторга СССР, мы имеем следующий удельный вес гос. и кооп. организаций на различных сырьевых рынках:

Проц. охвата рынка.

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Лен-волокно	91,5	97,3	95,4
Пенька	55,4	51,6	69,7
Хлопок	100,0	100,0	100,0
Маслосемена	80,4	63,1	62,5
Табак	78,8	76,4	100,0
Махорка	72,0	61,3	[illegible]3,2
Сах. свекла	92,9	92,9	92,4

Наибольший охват рынка наблюдается по хлопку, сах. свекле, табаку и льну-волокну, т.-е. по культурам, обработка которых сосредоточена почти целиком в руках госпромышленности. Значительная роль частника на других сырьевых рынках об'ясняется как слабостью наших заготовительных организаций, так и ошибками политики цен и рядом других факторов, не благоприятствующих сдаче сырья госзаготовителям по их ценам. Значительная роль частника опасна тем дезорганизующим влиянием, какое он оказывает на рынок, на цены. Повышение цен частником ведет зачастую к срыву госзаготовительных цен и, следовательно, к срыву государственных и кооперативных заготовок. Поэтому все меры государства и кооперации должны быть направлены к овладению целиком заготовками основных видов сырья, чтобы обеспечить сырьевое снабжение промышленности, усилить экспорт сырья за границу и тем заложить прочный фундамент для индустриализации страны.

В. Карпинский.

Основные начала нашего аграрного законодательства[1]).

Согласно конституции СССР, должны быть установлены центральной властью «общие начала землеустройства и землепользования». Кроме этого формального соображения, издание такого закона диктуется безусловной необходимостью единства нашей аграрной политики и полного соответствия ее общей политике пролетарского государства, строящего социализм. Очевидно, такая выдержанная аграрная политика невозможна или по меньшей мере крайне затруднительна, пока не установлены основные начала аграрного законодательства, обязательные для всех союзных республик.

К разрешению этой задачи, на 10-м году советской власти, можно бы подходить не только на основе достаточно известных теоретических предпосылок, но и на основе достаточно богатого опыта (аграрное законодательство союзных республик), как и на основе достаточно определившихся перспектив социалистического строительства. К величайшему сожалению, имеющиеся законопроекты совершенно неудовлетворительны ни в том, ни в другом, ни в третьем отношении. Задача дать теоретически выдержанные и практически обоснованные руководящие положения в аграрной области застала наши теоретические силы и наши земельные органы в состоянии полной неподготовленности, если не растерянности. Это наглядно иллюстрируется уже наличием двух разнородных законопроектов (один—комиссии законодательных предположений при СНК СССР, другой—СНК РСФСР), это обнаруживается и анализом обоих законопроектов.

СНК СССР и СНК РСФСР не приняли этих законопроектов к рассмотрению и постановили подвергнуть их предварительной свободной дискуссии.

Наша теория, наша классовая политика заставляет нас пред'являть следующие принципиальные требования к аграрному законодательству пролетарского государства, строящего социализм:

1) сохранение, укрепление, развитие начал национализации земли;

2) содействие развитию производительных сил сельского хозяйства на основе обобществления земледелия, содействие переходу от национализации земли к социализации земли—к социализму в земледелии.

Как соподчиненные требования:

3) содействие общему под'ему производительных сил сельского хозяйства в существующих его формах;

[1]) В порядке обсуждения. *Ред.*

4) особая защита прав и интересов пролетарских и полупролетарских элементов сельского населения.

Посмотрим, насколько удовлетворяют этим основным требованиям имеющиеся законопроекты.

По линии национализации земли.

Конечно, оба проекта устанавливают в точных терминах основное начало—национализации земли, имеющееся в земельных кодексах всех союзных республик: все земли в пределах СССР составляют государственную собственность. Частная собственность на землю в СССР не допускается. Но получило ли это начало дальнейшее развитие и укрепление в проектах? К сожалению, не получило ни в том ни в другом проекте. Наоборот, в обоих проектах есть умаление этого принципа, чтобы не сказать прямое отступление от него.

Во-1-х, в проектах нет точного определения содержания права государственной собственности на землю (что в той или иной степени есть во всех земельных кодексах). Нет, напр., в главе об «основных положениях», при перечислении суб'ектов землепользования, общего и прямого указания о праве государства на непосредственное пользование землей. Об этом упоминается лишь в главе о государственных земельных имуществах, на ряду со сдачей земель в аренду. Нет также указания о праве государства на распоряжение всеми землями. Есть лишь упоминание о праве на распоряжение остающимися в составе государственных земельных имуществ землями. В проекте КЗП (комиссии законодательных предположений при СНК СССР) отсутствует самое понятие единого государственного земельного фонда, об'емлющего все земли (понятие это имеется во всех земельных кодексах). В проекте СНК РСФСР такое понятие есть, но весь этот фонд находится не в распоряжении, а лишь «на учете» государственных органов.

Напомним, что наш первый земельный кодекс—совсем забытый «основной закон о социализации земли» от 27 января 1918 г.—прямо говорил о праве государства на распоряжение всеми землями (ст. 5) и на первое место в числе суб'ектов непосредственного землепользования определенно ставил государство (ст. 20, раздел II, под заголовком: «кто имеет право пользоваться землей»).

Во-2-х, оба проекта берут, без малейшей критики, из существующих земельных кодексов право бессрочности землепользования. Правда, защитники проектов об'ясняют, что бессрочность в данном случае следует понимать, примерно, так, как бессрочный вклад в банк: последний получает лишь право временного пользования вкладом, а собственник вклада сохраняет за собой право в любое время воспользоваться им частично или полностью. Может быть, это сравнение и остроумно, но совершенно неприменимо к данному случаю. Бессрочность землепользования в земельных кодексах и в обоих проектах понимается вовсе не так, что земля предоставляется во временное пользование без указания срока, но с безоговорочным правом государства как на распоряжение, так и на непосредственное пользование любым участком земли. Наоборот, права государства на предоставленную в трудовое пользование землю строго ограничены и сведены к

ничтожному минимуму. Права же землепользователя очень широки, разработаны весьма подробно и притом обязанности его почти совсем не определены. За государством, по проектам, не оставлено даже права контроля за осуществлением землепользования (в земельных кодексах такое право есть). Государство, по своей инициативе, сохраняет право воспользоваться отданной землей лишь в одном случае: надобность в участке для таких посторонних земледелию целей, как «пути сообщения, разработка ценных ископаемых и т. п.» (КЗП, 12,ж; СНК, 15,в).

Необходимо прибавить, что во всех почти случаях непосредственным землепользователем, по проектам и в действительности, является двор. А двор—это хозяйственная («семейно-трудовая») единица, существующая, независимо от смены входящих в нее физических лиц, неопределенно долгое, «вечное» время, при чем право на землю от выбывших лиц переходит к вновь прибывшим. Проект КЗП к тому же закрепляет за двором предоставленный ему участок земли и об'являет его неподлежащим поравнению (ст. 48).

Таким образом, дело не только в том, что термин «бессрочное землепользование» неопределенен, двусмыслен, но и в том, что термин этот в проектах (как и в земельных кодексах) совершенно определенно толкуется, как закрепление земли за пользователем в постоянное, в известном смысле даже «наследственное», «вечное» владение на правах пользования, «пользовладение» (употребляя старое юридическое выражение). Нечего особо пояснять, что такое понимание есть прямое отступление от принципа национализации земли.

В-з-ьих, проект СНК провозглашает также безвозмездность землепользования как для «трудовых земледельцев», так и для городских поселений и для государственных учреждений и предприятий (ст. 4 и 7). Проект КЗП обходит этот вопрос для трудовых земледельцев и городских поселений, но признает безвозмездность землепользования для государственных предприятий и учреждений (ст. 53). Заметим, что существующие земельные кодексы не знают безвозмездности землепользования (кроме арендного). Напомним также, что закон 1918 года требовал из'ятия дифференциальной ренты «на общественные нужды в распоряжение органов советской власти» (ст. 17).

Здесь термин совершенно ясен; нет нужды, да и нет никакой возможности ссылаться на пример с банком (банк ведь платит вкладчику за пользование его собственностью). Аргументация сторонников проекта СНК здесь иная. Секция права и государства Коммунистической Академии, высказавшись в большинстве за безвозмездность, пишет: «Большинство исходило из следующих соображений. Национализация, отмена частной собственности на землю, означает переход земельной ренты к государству. Государство же не предполагает брать плату, аренду за трудовое пользование землею, так как земельная рента не есть доход с земли, а является частью неоплаченного труда (при капитализме—прибавочной стоимости) в пользу земельного собственника»[1]). Позвольте, товарищи, нельзя же так аргументи-

[1]) «На Аграрном Фронте», № 9, 1926 г., стр. 124. В этом и следующем номерах напечатано много интересного материала к проектам аграрного закона. Курсив авторов документа.

ровать: безвозмездность трудового землепользования необходимо установить, так как государство не предполагает брать плату за трудовое пользование землей! Ведь это просто повторение иными словами того, что требуется доказать. Вместо делового анализа того, что фактически представляет собою так называемое «трудовое землепользование», вы просто пасуете перед старой эсэровской вывеской, прикрывающей факты совершенно разного, противоположного социально-экономического порядка. Можно спорить о том, какие виды земельной ренты и в какой степени сохранились после национализации земли, но нельзя, нам кажется, сомневаться в том, что, поскольку у нас сохранились еще рамки товарного и в известной части капиталистического производства в земледелии, постольку сохранилась возможность получения землепользователем добавочного дохода в зависимости от разного качества земли, разного расстояния от рынка и других условий. А раз это так, то государству нет никаких оснований отказываться от из'ятия этого добавочного дохода на общественные нужды. Во всяком случае зарекаться от этого, включая определенный пункт в основной аграрный закон, нельзя.

На этом аргументация против платности землепользования еще не заканчивается. Желая, видимо, теоретически опорочить, с социалистической точки зрения, систему рентного обложения, секция права цитирует из Ленина следующее место: «Прямой насмешкой над марксизмом является утверждение Каутского, что передача крупных имений государству и сдача их мелкими участками в аренду малоземельным крестьянам осуществляла бы «нечто от социализма». Мы уже сказали, что тут нет никакого социализма. Но этого мало. Тут нет и буржуазно-демократической революции, доведенной до конца» (Ленин, том XV, стр. 520).

Выходит так, будто рентное обложение путем установления непосредственных арендных отношений между пролетарским государством и землепользователем есть порядок, неприемлемый не только с социалистической, но и с последовательной буржуазно-демократической точки зрения. А вот теперешнее бессрочное и безвозмездное трудовое землепользование это есть порядок, заключающий в себе элементы социализма!

Мы вынуждены заявить, что, разумеется, такой чепухи у Ленина нет. Все дело в том, что приведенная цитата относится у Ленина к буржуазно-демократическому, а не пролетарскому государству. В этом легко убедиться каждому читателю. Чтобы не оставалось никаких сомнений, мы приведем из того же тома, несколькими страницами раньше, следующее место: «Курьезнее всего, однако, что Каутский хочет видеть «кое-что от социализма» в раздаче мелких участков земли в аренду. На самом деле это мелкобуржуазный лозунг, и «от социализма» тут ничего нет. Если «государство», сдающее земли в аренду, не будет государством типа Коммуны, а будет парламентарной буржуазной республикой (именно таково постоянное предположение Каутского), то сдача земли мелкими участками будет типичной либеральной реформой» (Ленин, том XV, стр. 514, изд. ГИЗ, 1923 г. Курсив автора).

А какого же типа у нас государство, товарищи? Полегче же с Лениным, немножечко полегче! Наше пролетарское государство, сдавая землю в аренду мелким производителям и вовле-

кая их в сферу социалистического производства и распределения множеством имеющихся у него способов, этим путем, несомненно, осуществило бы шаг к социализму в земледелии. Доказывать это в настоящее время как будто нет нужды [1]).

В 4-х, оба проекта говорят о постепенном исключении из состава государственных земельных имуществ земель, передаваемых в пользование, но ни слова не говорят о запасном фонде для целей обобществления земледелия.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что представленные законопроекты, с точки зрения сохранения и развития принципа национализации земли, весьма неудовлетворительны. В них право государственной собственности на землю сводится почти на-нет для подавляющего большинства используемых в сельском хозяйстве земель (за исключением нескольких процентов площади под совхозами и под участками, сданными в аренду). Почти все земли передаются, по существу дела, в раздел частным хозяйствам на правах постоянного и безвозмездного пользования с автоматическим переходом земли от одного состава членов хозяйства к другому ad infinitum (до бесконечности). Права советского государства на эти земли, в сущности, не больше прав любого буржуазного государства на изъятие земли из частной собственности. Государственная собственность на землю реально выражается лишь в запрещении купли, продажи, дарения, завещания, залога земли. Права государственной собственности целиком и полностью распространяются лишь на так называемые государственные земельные имущества, состоящие в наибольшей части из неосвоенных хозяйственно земель.

Здесь, кстати, будет упомянуть о тенденции НКЗ РСФСР передать в раздел между крестьянами остающуюся у государства часть земельного фонда. В печати опубликованы следующие сведения [2]). На 1 октября 1924 г. государственные земельные имущества РСФСР составляли 14.209.000 десятин. Из них культурные земли (под совхозами, лугами, доходными статьями) занимают всего 30% (совхозы в том числе—16%). Остальное — хозяйственно неосвоенные земли (государственный земельный запас). К ним следует прибавить еще не менее 8.654.000 десятин недавно обезлесенной площади. Всего государственные земельные имущества составят, таким образом, 22.863.000 десятин.

С этим огромным земельным фондом предположено распорядиться в течение ближайших 5 лет следующим образом. Обезлесенная площадь передается в раздел целиком (5.591.000 десятин уже передано). Из основного фонда передаются 6.453.000 десятин (1.126.000 десятин уже передано). Всего будет передано 15.107.000 десятин (66%). При этом в наиболее культурных, заселенных районах в раздел пойдут почти все государственные земельные имущества: весь государственный земельный запас полностью, а из земель, находящихся сейчас в государственном пользовании,—почти все доходные статьи, часть лугов и часть совхозов. Из остающихся у государства 7.756.000 десятин подавляющее большинство придется на земли отдаленных окраин, нуждающиеся для хозяйственного освоения в предварительной мелиорации (осушение, обводнение).

Возражать принципиально против передачи крестьянам добавочного количества земель, конечно, нельзя. Но вопрос имеет чрезвычайную практическую важность и требует предварительного обсуждения в самых широких партийных и советских кругах. К сожалению, этого сделано не было. В печати появилось лишь фактическое сообщение о предположенной (и в значительной мере уже состоявшейся) передаче наибольшей части государственных земельных имуществ. Вслед за тем опубликовано было постановление ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении 157 статьи земельного кодекса следующим примечанием: «Государственные земельные имущества могут быть предоставляемы трудовым землепользователям в бессрочное и безвозмездное пользование на основании особых договоров под условием выполнения землепользователями специальных правил, устанавливаемых инструкцией НКЗ РСФСР» (постановление от 11 октября 1926 г.). Таким образом, в порядке примечания, вводится существенное изменение в одно из основных положений аграрного закона (вводится безвозмездность и договорное начало); а важнейший вопрос о содержании договора предоставляется целиком и полностью на усмотрение ведомства.

Подвергать обсуждению в настоящей статье вопрос о судьбах многомиллионного фонда государственных земель мы не можем. Обращаем на него серьезное внимание партии. Партия должна выяснить: насколько описанная выше политика в данном вопросе согласована с перспективами социалистического строительства в земледелии? Насколько вызывается необходимостью передача столь значительного количества земель? И (в случае необходимости) каковы должны быть условия, на которых государство передает в частное пользование новое значительное количество земель? Что такая передача должна быть организована на началах гораздо более рациональных с точки зрения коллективизации и техники земледелия, чем существующее трудовое землепользование, это несомненно. Правильное практическое разрешение этого вопроса будет иметь громаднейшее значение для социалистического строительства в земледелии.

Развитые нами соображения об основных чертах закона по линии национализации земли могут встретить такое возражение: принципиально это все правильно, но практически не имеет никакого значения. Ни срочности, ни платности, ни тем более непосредственного использования земель государством в сколько-нибудь значительных размерах в настоящее время осуществить невозможно. Такое возражение было бы совершенно несостоятельно. Основной аграрный закон пишется не на два—три года, а на длинный ряд лет, в течение которых возможны крупные перемены. Даже в ближайшие годы вполне возможна, скажем, такая реформа, как переход к обложению поземельной ренты, чему прямо противоречила бы безвозмездность и бессрочность землепользования, провозглашаемая проектами. В аграрном за-

[1]) Напомним, что Ленин, в споре с Каутским, подчеркивал, как отличительную черту нашей пролетарской социалистической аграрной политики, благоприятствование коллективизации земледелия и указывал на наличие у пролетарского государства возможности проводить такую политику (власть, земля, заводы, товары). Том XV стр. 513—522.

[2]) «Экон. Жизнь», № 230 от 6 окт. 1926 г., статья Столярова.

коне Союза не должно быть ничего, что не согласовалось бы с основными принципами нашей аграрной политики, из которых первый—сохранение, развитие и использование для социалистического строительства национализации земли.

По линии обобществления земледелия.

Значительно хуже обстоит дело в обоих законопроектах по линии обобществления земледелия. Особенно плох, чтобы не сказать—никуда негоден, проект СНК РСФСР. В этом проекте нет буквально ни одной статьи, которая бы говорила об особом содействии, благоприятствовании со стороны закона обобществлению земледелия. Более того: в нем нет даже простого упоминания о коллективном земледелии, об организациях по коллективной обработке земли. Их можно лишь подразумевать под «об'единениями трудовых земледельцев», под «сельскохозяйственными товариществами, дворами и другими об'единениями», упоминаемыми между прочим в одном-двух местах проекта (см. ст. 8). Не угодно ли: сельскохозяйственное товарищество, двор и другие об'единения, в качестве возможных землепользователей на ряду со стоящим на первом месте единоличником,—это буквально все, что считают нужным сказать в основном аграрном законе советского государства авторы данного проекта и защитники его.

Не сказано также в проекте ясно и прямо, «всеми буквами», как говорят французы, о государственных социалистических предприятиях по земледелию, о совхозах. Они тоже лишь подразумеваются под использованием государственных земельных имуществ «путем непосредственного ведения хозяйства земельными органами», упоминаемым на ряду («или—или») с путем сдачи этих имуществ в аренду (ст. 22). Может быть, все-таки пролетарское государство предпочитает социалистический путь капиталистическому? Может быть, оно употребляет определенные меры для оказания такого предпочтения? Может быть, оно связывает с совхозами определенные цели и задачи? Обо всем этом—ни словечка!

В таком случае что же социалистического, коллективистического остается в разбираемом проекте? Ровно ничего. В нем тщательно выскоблено, вытравлено все, что есть социалистического в нашей аграрной практике, в наших (правда, не всех) земельных кодексах. Ни национализация земли сама по себе, ни ведение земледельческого хозяйства в отдельных случаях государственными органами само по себе, ни предоставление земли в пользование «дворам и другим об'единениям», ни весь так называемый трудовой порядок землепользования,—все эти черты сами по себе не являются, конечно, социалистическими чертами. Проект в настоящем его виде приемлем целиком для любого мелкобуржуазного демократа, желающего радикальным образом разрешить аграрный вопрос.

Проект КЗП в данном отношении отличается лишь немногим: О совхозах читаем буквально то же самое и ни слова больше (ст. 59). Но в этом проекте прямо и точно упоминаются «сельскохозяйственные коллективы (коммуна, артель и т. п.)», и есть одна статья, благоприятствующая образованию коллективов предоставлением права на выдел из земельного общества с землей к одному месту и без согласия на то земельного общества (ст. 46). Однако, этим и ограничивается, по проекту, благоприятствование со стороны государства коллективизации земледелия. Наоборот, в проекте есть статья, препятствующая коллективизации: земельному обществу предоставляется право обращать земли сельскохозяйственных коллективов в трудовое пользование земельного общества (ст. 29, б). Во всех остальных, достаточно многочисленных—67—пунктах этого проекта вопрос о благоприятствовании коллективизации и социализации земледелия никак не затрагивается.

Несмотря на наличие статьи 46-й, проект КЗП следует признать, с точки зрения коллективизации земледелия, пожалуй, даже худшим, чем проект СНК. Дело в том, что проект КЗП, предоставляя право землепользования двору, коллективу и земельному обществу, допускает последнее в качестве землепользователя лишь «в тех случаях, когда оно перешло к совместному (товарищескому) пользованию землей» (ст. 15, в). Это означает не более не менее как вычеркивание одним взмахом пера из фактического состава землепользователей почти всех земельных обществ. (А земельные общества, в качестве землепользователей, в нашем союзе, как известно, преобладают). Правда, размахнувшись столь широко в статье 15-й, авторы проекта бьют отбой в статье 48-й, признавая здесь земли, отведенные земельным обществам в порядке законодательства союзных республик, «законно закрепленными» за этими обществами. Очевидно, статья 15 должна регулировать предоставление земель в пользование лишь в будущем, а существующие земельные общества, каковы бы они ни были, сохраняют свои земельные права полностью. Какая же перспектива здесь намечается в результате применения статьи 15-й?

Перед крестьянином будут только два пути: получить землю либо в составе двора, либо в составе коллектива (земельное общество, пользующееся землей на товарищеских началах, по сути дела, тот же коллектив). Ясно, какой путь изберет крестьянин в подавляющем большинстве случаев: двор, а не коллектив. Ставить крестьянина перед выбором: либо двор, либо коллектив — значит уничтожать ту общественную связь, которая соединяет сейчас почти повсеместно отдельных землепользователей с государством и первых между собою, значит определенно толкать крестьянина на путь хуторского, фермерского хозяйства. Как это согласуется с перспективами социалистического строительства в деревне, предоставляем судить читателю.

Оба проекта, с точки зрения коллективизации и социализации земледелия, не только не представляют никакого шага вперед по сравнению с первым аграрным законом и с существующим аграрным законодательством, а являются прямо бегом назад без оглядки. Многие товарищи лишь презрительно морщатся при одном упоминании о старом, «эсэровском» законе о социализации земли. Но в этом законе есть много правильного с точки зрения содействия обобществлению земледелия. Закон ставил в качестве землепользователей на первое, после государства, место сельскохозяйственные коммуны, на второе место—

сельскохозяйственные товарищества, на третье место—сельские общества и на четвертое место—отдельные семьи и лица (ст. 20). Земля, по закону, предоставлялась «в первую очередь тем, кто желает работать на ней не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы» (ст. 21). «Для занятия земледелием в личных интересах» право на землю имело «в первую очередь—безземельное и малоземельное местное земледельческое население и местные сельскохозяйственные рабочие (батраки) на равных условиях» (ст. 22). Сверх того: «при установлении порядка передачи земли в пользование предпочтение отдается трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами» (примечание к ст. 22). Государство прямо обязывалось поощрять обобществление земледельческих хозяйств: «Ст. 35. Российская Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным». «В целях скорейшего развития социалистического земледелия, государство оказывает новоселам всяческое содействие для планомерного и научного ведения коллективного хозяйства» (примечание к ст. 34).

Вот как ставился в старом законе вопрос по линии благоприятствования обобществлению земледелия,—по второй главной линии, которая вместе с принципом национализации должна, несомненно, красной нитью проходить по всему аграрному закону каждого советского, идущего к социализму, государства. Что же взято из этих формулировок в проекты? Н и ч е г о. Взяты действительно эсэровские—утопические и мелкобуржуазные—черты и огулом выброшены черты социалистические. Конечно, эти формулировки первого закона устарели, нуждаются в переработке. Но разве их общий смысл, их направление тоже устарели? Разве мы с нэпом отказались от задачи «скорейшего развития социалистического земледелия»? Не только не отказались, но, как писал Ленин в последних своих статьях, как будто всеми усвоенных,—мы нашли теперь конкретные пути и способы обобществления земледелия (коллективизация, кооперативное земледелие). Признаем же открыто, что в изданных с нэпом земельных кодексах (особенно в кодексе РСФСР) мы «перенэпили», отступили назад больше, чем надо было, и не станем повторять этой ошибки теперь, при выработке общесоюзного аграрного закона.

Эта ошибка была еще извинительна ранее, когда стояла задача как можно быстрее и во что бы то ни стало восстановить разрушенное сельское хозяйство. Теперь эта задача разрешена. Сельское хозяйство восстановлено в довоенных размерах. Пора энергичнее приступить к разрешению дальнейшей и нашей главной задачи, как коммунистов: к обобществлению земледелия. Стоять в этом вопросе на позиции первых времен нэпа значит итти назад.

Мы отметаем прочь, как совершенно несостоятельное, непродуманное, возражение, которое делают некоторые товарищи, что нельзя-де возвращаться теперь к политике принудительного насаждения коммун. Ни о чем подобном нет и речи. Речь идет о выработке такой системы аграрного законодательства, которая вполне удовлетворяя нуждам и потребностям теперешнего землевладельца в его массе, в то же время давала бы ряд существенных экономических выгод земледельцам, переходящим к коллективной обработке земли. В 1918 г. мы могли лишь мечтать о предоставлении таких выгод, а теперь мы имеем возможность фактически дать их, и не только в порядке землепользования и землеустройства, а и по другим линиям (особенно по снабжению земледельца средствами производства и кредитом). Вспоминать, в возражение против этого, «принудительное насаждение» можно, только не подумав или не поняв способов перехода от мелкого частного земледелия к обобществленному земледелию. Мы не предлагаем ничего другого, как установить и начать последовательно проводить в области землепользования и землеустройства, примерно, такую же систему экономического благоприятствования социалистическим, коллективистическим началам, какая проводится у нас в области промышленности и торговли, где, как известно, мы не только с самого начала нэпа ввели такую систему (наши налоговые декреты), но и определенно переходим в дальнейшее наступление на частнохозяйственные элементы (напр., плановое снабжение такими машинами, как тракторы, расторжение через суд по мотивам государственной пользы арендных договоров с частными предпринимателями, ряд экономических мер на транспорте и т. п.).

Мысль о содействии обобществлению земледелия вовсе не так уж чужда даже нашим существующим земельным кодексам, как это может показаться, если судить по проектам общего аграрного закона. Если бы авторы этих проектов хоть одним глазком заглянули в земельные кодексы, то не могли бы не заметить там целого ряда статей, благоприятствующих коллективизации и социализации земледелия. Во всех кодексах есть особая глава, посвященная совхозам, в которой им ставится задача «служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его о б о б щ е с т в л е н и я». А в проектах самое слово «совхоз» избегается. В отношении содействия коллективизации мы находим в земельном кодексе УССР такую статью: «Членам КНС (комитетов незаможных селян), с утверждения общего собрания комитета, предоставляется право выхода, в н е з а в и с и м о с т и о т к о л и ч е с т в а их по отношению к общему числу граждан села, п р и у с л о в и и п е р е х о д а к т о в а р и щ е с к о м у с п о с о б у з е м л е п о л ь з о в а н и я» (примечание к ст. 138). Чтобы оценить значение этой статьи, напомним, что выход из общества с землей допускается вообще лишь при наличии не менее одной пятой членов, требующих выдела. В земельном кодексе БССР находим статью 118-ю, гласящую: «При участково-чересполосной форме (единственная в БССР форма, помимо товарищеской) группа дворов для образования поселка имеет право во всякое время с согласия общества, а д л я о р г а н и з а ц и и к о л л е к т и в а (а р т е л и, к о м м у н ы, о б щ е с т в е н н о й з а п а ш к и) и б е з е г о с о г л а с и я, выйти с землею к одному месту». Ярко выраженная привилегия, способствующая образованию колхозов!

По линии предоставления земель из государственного запаса УССР в п е р в у ю о ч е р е д ь отводит землю ч л е н а м с е л ь с к о-

хозяйственных товариществ из КНС; во вторую очередь—безземельному и малоземельному местному земледельческому населению и т. д. (Ст. 6 земельного кодекса). В земельном кодексе БССР есть аналогичная статья—10-я. По линии землеустройства можно бы указать на 178-ю статью земельного кодекса УССР, дающую об'единениям незаможного селянства особые льготы по оплате расходов внутриселенного землеустройства (примечание к статье). И т. д.

Вместо того, чтобы взять эти определенные, с точки зрения социалистической, плюсы аграрного законодательства отдельных республик, развить и дополнить их, авторы разбираемых проектов пошли слепо вслед за наиболее отсталым, наиболее проникнутым индивидуалистическими стремлениями, наиболее рассчитанным на единоличника земельным кодексом РСФСР. Во всем этом обширном кодексе есть всего-навсего одна статья, содействующая в известной мере коллективизации: право землепользователей, переходящих к общественной обработке земли, охранить свои участки от поравнения и уменьшения, хотя бы они и превышали норму (ст. 115). Ни в главе о товарищеском порядке землепользования, ни в главах о переделах и выделах, ни в отделе о землеустройстве и переселении земельного кодекса РСФСР нет ни одной статьи, благоприятствующей коллективизации земледелия. Нет и в проектах.

Не станем давать примерных формулировок, но глубоко уверены в том, что не только социалистический пролетариат и деревенская беднота, но и все передовое крестьянство будет приветствовать включение в основной земельный закон (а за ним и во все земельные кодексы) положений в духе приведенных выше статей кодексов УССР и БССР и пунктов, развивающих и дополняющих эти статьи. Например, почему на земельные органы советского государства, строящего социализм, до сих пор не возложена прямая задача пропаганды, организационной инициативы и всемерного, по всем линиям их работы, практического содействия коллективизации земледелия? Первым земельным законом такая задача, как мы видели, на них возлагалась. Но об этом нет ни слова ни в одном нашем земельном кодексе и ни в одном проекте. Если судить по действующим кодексам и по проектам, то в задачи нашего, советского землеустройства отнюдь не входит коллективизация земледелия, а лишь «упорядочение существующих землепользований и образование новых, соответственно правам на землю и требованиям хозяйственно-технической целесообразности» (ст. 165 кодекса РСФСР, ст. 61 КЗП, ст. 22 СНК). А соответственно требованиям социалистического строительства? Ни словечка! Туго, совсем туго идет в этом направлении мысль составителей наших земельных законов! Слишком тяготеет над ними господствующий в современном земледелии частнохозяйственный его характер.

Нам могут возразить, что все эти соображения о благоприятствовании обобществлению земледелия относятся, собственно, к практической аграрной политике и должны найти себе место в текущем аграрном законодательстве союзных республик и даже в текущих распоряжениях земельных органов. Возражение — совершенно неосновательное. Во-первых, речь идет, конечно, только о том, чтобы данный всесоюзный закон содержал лишь основные принципы нашей аграрной политики, выраженные в форме достаточно категорической и общеобязательной для всех союзных республик и в то же время допускающей конкретное применение их сообразно с особенностями каждой страны. Во-вторых, в аграрном законодательстве союзных республик уже заложены такие основные принципы аграрной политики, только принципы эти не совсем одинаковы и применение их недостаточно выдержано. Следовательно, есть не только полная возможность формулировать во всесоюзном законе общие принципы аграрной политики уже и на основе опыта, но есть и настоятельнейшая необходимость такой формулировки. Ибо не может же аграрное законодательство союзных республик итти вразброд в наиважнейших вопросах, ибо, при единстве в нашем Союзе руководящего класса и руководящей партии,—единой, в основных чертах, должна быть и аграрная политика. В-третьих, защитники представленных проектов, которые стали бы возражать против включения во всесоюзный аграрный закон всесторонне развитого и последовательно проведенного принципа благоприятствования обобществленному земледелию, тем самым выдали бы себя с головой: ведь в их проектах со всей тщательностью и последовательностью разработан другой общий принцип—благоприятствования частному земледелию.

По линии развития производительных сил.

Без всякого сомнения, содействие развитию производительных сил сельского хозяйства также должно быть одним из основных принципов аграрной политики. Без развития производительных сил невозможно не только социалистическое строительство, но и никакое движение вперед, без него застой, регресс, гибель. Мы все достаточно это усвоили не только теоретически, но и практически—на ходе нашей революции. Военный коммунизм был отменен именно потому, что он стеснял, делал невозможным развитие производительных сил. Он был допустим и необходим лишь временно, как исторически неизбежный метод военно-политической борьбы. В основу сменившей его новой экономической политики и положено развитие производительных сил.

Отсюда делается чрезвычайно простой вывод для аграрной политики. Большая предпосылка: необходимо содействовать развитию производительных сил. Малая предпосылка: господствующая форма развития производительных сил в сельском хозяйстве—частное земледелие. Вывод: необходимо содействовать развитию частного земледелия.

Безукоризненно—с точки зрения школьной логики. Ну, а как с точки зрения марксовой диалектики? Как со стороны развития общественно-экономических отношений в земледелии? Как со стороны перехода к социализму в земледелии? А так, что из проектов основного аграрного закона вычеркивается всякий намек на содействие обобществлению земледелия и остается одно голое содействие частному хозяйству в земледелии!

На этот вопиющий дефект аграрных проектов достаточно было бы указать пальцем, чтобы отбросить их оба. Но, повидимому, дело не обстоит так просто. Оказывается, что самый принцип развития производительных сил толкуется по разному. Так, напр., секция права и государства Коммунистической Академии в об'яснительной записке к своим постановлениям по поводу проектов «Общих начал землепользования и землеустройства» пишет: «В основу их должны быть положены интересы окончательного, возможно безболезненного, уничтожения всех пережитков дореволюционной деревни и свободного развития производительных сил, не стесняя этого развития лишними рогатками, но одновременно обеспечивая возможность перехода крестьянского хозяйства к социализму»[1]).

Таким образом, принцип развития производительных сил толкуется в смысле свободного развития их, и такое толкование должно, очевидно, служить теоретическим обоснованием той позиции исключительного благоприятствования развитию частного земледелия, которую занимают авторы и защитники обоих проектов. (Секция права приняла за основу проект СНК и внесла в него лишь незначительные поправки).

На первой части выдвинутого положения—«уничтожение всех пережитков дореволюционной деревни» — мы останавливаться не будем. Это одна из тех фраз, широковещательный характер которых обратно пропорционален их конкретному содержанию. Разберемся подробно в вопросе, что может означать вторая часть тезиса: «свободное развитие производительных сил».

Под производительными силами, в прямом, узком смысле материальных производительных сил, разумеются, орудия, машины, раб. скот, обрабат. площадь земли и т. п. Свободное развитие производительных сил в таком случае должно означать ничем не стесненное, беспрепятственное умножение, расширение, улучшение всего этого. В таком смысле свободное развитие производительных сил является, конечно, основным законом всякого идущего вперед общества, основным требованием всякого передового класса. Всякая социальная революция имеет тот коренной смысл, что она освобождает производительные силы от стеснений, наложенных на них старым строем. Наша социалистическая революция освободила производительные силы от пут частной собственности, что особенно наглядно выражается в том, что те средства, которые раньше удерживались классом капиталистов и помещиков, идут теперь на развитие промышленности и сельского хозяйства. Это элементарно.

Но если мы примем такое толкование вышеприведенного тезиса, то останется совершенно непонятной оговорка о «лишних рогатках». Ведь ясно, что умножению и улучшению материальных производительных сил не следует ставить не только лишних, но вообще никаких «рогаток».

Но возможно и другое понимание того же тезиса. Материальные производительные силы пускаются в ход путем приложения к ним человеческой рабочей силы, в процессе труда, при этом люди вступают друг к другу в определенные производственные отношения, так что развитие производительных сил происходит не иначе, как в форме тех или иных производственных отношений. Форма отношений изменяется в зависимости от развития материальных производительных сил. До сих пор в истории человеческого общества это развитие происходило стихийно, т. е. лишь отдельные частицы развития зависели от сознательных усилий отдельных лиц, а все развитие в целом и его результат не зависели от руководящего воздействия человеческой воли, какого-либо общественного органа. Соответственно этому стихийно же возникали и развивались формы производственных отношений, так что в каждый период мы находим в обществе, на ряду с господствующей формой производственных отношений, формы отживающие и вновь растущие. Что же означает в таком случае «свободное развитие производительных сил»? Не что иное, как беспрепятственное, независимое от направляющей человеческой воли, стихийное развитие производственных отношений. Для нашего Советского Союза это означает отказ от вмешательства государства в стихийную борьбу между собою разных форм производственных отношений (каковых у нас, как известно, насчитывается до пяти), отказ от планового руководства развитием производительных сил, отказ от социалистического строительства.

[1]) «На Аграрном Фронте» № 9, 1926.

Но если мы примем это второе толкование тезиса, то останется совершенно непонятной не только первая, но и особенно вторая оговорка о каком-то особом «обеспечении возможности перехода крестьянского хозяйства к социализму». Зачем тогда такое обеспечение, и как его можно осуществить, раз мы провозглашаем свободную игру сил?

Мы видим, таким образом, что этот тезис о «свободе развития производительных сил»—чрезвычайно путаный, внутреннепротиворечивый тезис, могущий породить множество недоразумений. Но, может быть, наша критика слишком «придирчива»? Может быть, здесь простая обмолвка, описка, а по существу дела авторы стоят на общепринятой позиции развертывания, под'ема производительных сил сельского хозяйства? Пожалуй, мы так и считали бы, встретив такую фразу в речи или статье. Но мы находим ее в официальном документе, который, надо полагать, тщательно продуман. Кроме того, в том же документе этот тезис нашел конкретное применение, и нам остается лишь посмотреть, как он применен.

1) Оба проекта единодушно устанавливают полную свободу хозяйственного использования земли (проект КЗП—7,а, 44; проект СНК—10,а). Это наиболее ясное, прямое приложение принципа свободы развития производительных сил. Далее идет целый ряд статей, расчищающих свободную дорогу для развития производительных сил в господствующей сейчас в деревне форме производственных отношений,—в частнособственнической форме.

Оба проекта согласно выдвигают на первое место частного землепользователя: «двор», по проекту КЗП (15,а), «трудового земледельца», по проекту СНК (4,а). КЗП подчеркивает в особой статье (24), что право на землю может быть осуществлено и без вхождения в земельное общество. В проекте

СНК это вытекает из существа других статей (4,а, 8) [1]. Сверх того, КЗП устанавливает для каждого двора отдельно или совместно право выхода из земельного общества с землей (45), т.-е. декларируется не что иное, как право единоличника разрушать одну из коллективных форм землепользования.

3) Оба проекта формулируют право частной собственности на «все сооружения, постройки, посевы и растения и вообще все, соединенное с поверхностью участка земли» (КЗП, 8; СНК, 11). При чем у СНК это право ничем не ограничено. У КЗП упомянутое имущество можно отчуждать кому угодно и как угодно лишь на своз или на снос. Имущество же, хозяйственно-неотделимое от земли, может быть отчуждено лишь в случае перехода участка к новому пользователю—этому последнему. Конечно, без такого ограничения продажа неотделимого имущества по усмотрению собственника означала бы также и продажу участка земли, на котором оно находится [2]). И фактически бывают такие случаи продажи земли под видом продажи имущества (по значительно повышенной цене).

4) Оба проекта намечают отмену поравнения земли, т.-е. отмену, в глазах бедняцко-середняцкой массы, одного из завоеваний Октябрьской революции. Проект СНК здесь осторожнее: у него союзные республики устанавливают момент, с которого поравнение может и не производиться, становится необязательным (9). КЗП категорически об'являет, что земли, закрепленные республиканским законодательством за пользователями, «дальнейшему поравнению не подлежат» (48).

5) Проект КЗП содержит ряд пунктов, охраняющих частное земледельческое хозяйство, как дееспособную хозяйственную единицу, и особо поощряющих наиболее дееспособные из них. Право на землю и право собственности на имущество принадлежит двору в составе всех его членов, независимо от пола и возраста; на это имущество не может быть обращено взыскание за личные долги отдельных членов двора (19 и 20). Раздел земельного участка двора допускается лишь при условии возможности образования новых земледельческих хозяйств на выделяемых им землях (21). Союзным республикам предоставляется право устанавливать нормы недробимости хозяйств (22). Хозяева, произведшие существенные улучшения участков, имеют право на возмещение затрат при переходе их участков к другим пользователям (65), а также ограждаются от вмешательства земельного общества при выделении хуторов и отрубов (41).

6) Конечно, устанавливается обязательство для государства возместить землепользователя за из'ятие у него земли и за убытки, связанные с этим (КЗП, 14; СНК, 17).

Помимо всех этих особых пунктов, поощряющих свободное развитие производительных сил (в форме частнособственнического хозяйства, разумеется), в том же направлении действуют уже известные нам общие положения, ограничивающие до минимальнейшей степени права государства на предоставленную в пользование землю.

Обращаясь к существующим земельным кодексам, мы убеждаемся, что авторы проектов взяли из них почти все пункты, поощряющие развитие частного земледелия, и тщательно обошли все статьи, ограничивающие права частного хозяина в пользу коллективного землепользования (не говоря уже о статьях, поощряющих коллективное земледелие). Ни в одном земельном кодексе нет статьи, закрепляющей навсегда землю за частным пользователем. В РСФСР земля закрепляется за волостями, селениями и об'единениями, но не за дворами (ст. 141). В УССР—то же. В БССР земля закрепляется, правда, и за дворами, но ряд статей не только возлагает на НКЗ обязанность устанавливать «предельную трудовую норму хозяйств отдельных районов» (94), не только дает право изменять местоположение, размеры и границы участков при землеустройстве и ради государственных и общественных надобностей (95), но дает также право, помимо указанных случаев, обрезывать участки, превышающие по своим размерам установленные предельные нормы (96). В УССР частный землепользователь может получить землю лишь в составе земельного общества и при условии подчинения ему (10) и т. д.

Нас могут спросить: к чему же вы клоните речь? Не к тому ли, чтобы принудительным образом заставить крестьянство перейти к определенным, товарищеским формам земледелия? Не к тому ли, чтобы отказаться от какого-либо содействия развитию крестьянского хозяйства в формах, ему сейчас наиболее привычных?

Нет, конечно, мы не к этому клоним. Мы клоним, во-первых, к тому, чтобы раз и навсегда выбросить из нашего теоретического арсенала такие штуки, как «свобода развития производительных сил» и т. п., от которых дурно пахнет фритредерством и буржуазно-демократическим обманом. Строго разграничим: развитие, «развертывание», «развязывание» производительных сил—да, это принцип, почва, на которой мы стоим, с добавлением сюда начал планового руководства. Свобода развития, развертывания производительных сил — нет, это фальш, это не наш лозунг. Никогда и нигде в истории ни один класс, пришедший к власти, не осуществлял такого лозунга. Как и другие свободы, этот лозунг фактически означал насильственное подавление таких форм производственных отношений, которые не соответствовали интересам победившего класса, а свободу и даже больше—всяческое содействие он означал лишь для тех форм, которые были выгодны для этого класса. И у наших товарищей, столь непродуманно выдвинувших этот лозунг, фактически никакой свободы не вышло, а получился на деле законопроект, благоприятствующий исключительно развитию частного земледелия.

Поэтому, во-вторых, мы клоним к тому, чтобы задача содействия развитию земледелия в формах частного хозяйства ни в коем случае не подавляла, не вытесняла задачи содействия обобществлению земледелия. Как бы важна ни была первая задача в данный момент, как бы велик ни был сейчас участок хозяйственного фронта, на котором она ставится,—все же эта временная и частная задача не должна заслонять от нас главную, коренную задачу социалистического строительства. Первая задача должна быть подчинена второй.

---

[1]) Вообще, если в проекте СНК нет по данному вопросу аналогичных статей, то потому лишь, что желали сделать его возможно более кратким.

[2]) В параллель с этим следует поставить предложения некоторых из высказывавшихся в прениях по проектам в Коммунистической Академии разрешить отчуждение земельных участков переселяющихся членов земельного общества этому обществу за известную компенсацию. Таких отступлений от государственной собственности на землю допускать нельзя.

На ряду со статьями, которые предоставляли бы мелкому земледельцу известную свободу хозяйствования и содействовали бы развитию частного хозяйства на земле, в аграрном законе должна быть серия систематически разработанных статей, которые давали бы ряд существенных экономических выгод для перехода частных хозяев к коллективным формам земледелия и тем в сильнейшей степени содействовали бы развитию коллективного земледелия. А в разбираемых проектах есть статьи первого рода, но нет статей второго рода. Задача содействия развитию крестьянского хозяйства, как оно есть, в умах авторов проектов и их защитников совершенно вытеснила основную задачу нашего аграрного законодательства—содействовать развитию коллективного земледелия. В этом один из главнейших недостатков обоих проектов, требующий коренной их переработки.

Мы не имеем возможности, за недостатком места, остановиться подробно на четвертом из основных начал нашей аграрной политики—на особой защите интересов пролетарского и полупролетарского населения деревни. Отметим лишь, что необходимость сего никем, как будто, не отрицается, но тем не менее в обоих проектах нет ни одной статьи соответствующего характера. В некоторых кодексах, и в старом земельном законе, как мы видели, такие статьи есть.

Проект же КЗП, статьями о земельных обществах, наносит прямой ущерб интересам пролетарских элементов. Согласно этому проекту, членами земельного общества могут быть лишь дворы и лица, входящие в состав дворов, при этом право решающего голоса принадлежит всем, независимо от социально-экономического положения. Таким образом, граждане, имеющие по нашей конституции все права и участвующие собственным трудом в сельском хозяйстве, но не ведущие самостоятельного земледельческого хозяйства (батраки, пастухи, кузнецы и т. д.) лишаются права на участие в земельном обществе. Наоборот, лица, лишенные по конституции избирательных прав (кулаки, сельские торговцы, духовенство и т. п.) сохраняют право состоять полномочными членами земельного общества, раз они ведут самостоятельное земледельческое хозяйство.

Безусловно необходимо ввести в общесоюзный аграрный закон положения, которые требовали бы от законодательства союзных республик определенных статей, защищающих интересы пролетарских и полупролетарских элементов деревни.

Общее наше заключение к представленным проектам: их надо подвергнуть коренной переработке. С изданием декрета такой громадной важности, как общесоюзный аграрный закон, спешить нельзя. Надо поставить все относящиеся сюда вопросы на самое широкое обсуждение.

Ю. Ларин.

Об извращениях при проведении национальной политики.

(*Начало статьи см. в № 23—24 за 1926 г.*).

4. Перегибы национализации и режим экономии.

Киевское областное отделение «Известий ЦИК и ВЦИК» за № 3629 пишет 2 июля 1926 года главной конторе «Известий» в Москву: «В связи с постановлением комиссии по украинизации, нам необходимо добавить вывески на украинском языке. В виду этого просим разрешить нам сверхсметный расход в сумме не менее 50 руб. В виду отсутствия до сих пор вывески на украинском языке, заведующий киевским отделением привлечен к уголовной ответственности» (прислано отд. распр. «Известий ЦИК» за № 2181).

Сам по себе, взятый отдельно, факт может показаться мелким, дело идет о каких-то 50 рублях. Но фактов таких «сверхсметных расходов» масса,—столько, сколько на Украине было вывесок не на украинском языке. Одно это постановление о вывесках означает накладной расход в миллионы рублей. Остановимся на его пользе и смысле.

На государственных учреждениях в пределах Украины обязательно должны быть вывески на украинском языке и, поскольку есть иноязычное население, еще на другом языке, наиболее распространенном в данной местности. Такова должна быть правильная линия. Было бы нелепо, если бы на жел.-дор. станции в пределах Украины крестьянин не мог бы понять надписи, на какую платформу надо итти и т. п. Но точно так же недопустимо воспрещать делать на госучреждениях Украины, параллельно с украинским, вывески, напр., на русском языке, ибо это там наиболее распространенный после украинского язык (а в некоторых местах еврейский, греческий, польский, немецкий и другие). Надо помнить, что на Украине в целом, считая вместе и город и деревню, около четверти населения не говорит по-украински. Разрешать вывески госучреждений, а равно афиши, надписи в кино и т. п. только на украинском языке значило бы топтать ногами права весьма значительной части населения (а в городах—большинства жителей). Почему

в Одессе, где подавляющее большинство жителей говорит по-русски, а не по-украински—на почте вывеска «до востребования»—должна быть только по-украински и по-французски? Это установлено на Одесской почте в ноябре 1926 г. членом ЦКК нашей партии. Есть нечто кривое в такой манере украинизации.

Этим можно ограничиться о вывесках публично-правовых органов государства: здесь необходим и украинский язык и параллельный текст для неговорящего по-украински населения. Иной порядок недопустим для учреждений, в которые гражданин должен обращаться, как совет, суд, жел. дорога и т. д. Другое дело—такие учреждения, куда никто не обязан обращаться: парикмахерская, фотография, контора газеты и т. п. Сами эти учреждения заинтересованы в привлечении стригущихся, снимающихся, подписывающихся на газету и т. п. Потому, если интересы привлечения обслуживаемого населения этого требуют,—они прибьют вывеску не то что на украинском, а и на китайском языке. А если не требуют, то зачем заставлять выбрасывать деньги на ветер? Мы заставляем все органы и предприятия во имя режима экономии сокращать расходы даже на такие заведомо полезные цели, как содержание рабочих домов отдыха, и передавать эти дома Цустраху. А здесь украинская власть заставляет увеличивать расходы, относящиеся к разряду ненужных для предприятия и учреждения. В самом деле, московские «Известия» печатаются на русском языке и могут иметь подписчиков, только читающих по-русски: во имя какого «принципа» следует обязывать их иметь еще украинскую вывеску на киевском отделении конторы? Это значит действовать не по лозунгу: «За режим экономии», а по язвительной «крокодильей» пародии: «Зарежь экономию».

Единственный смысл—создать внешнюю видимость, что Киев, Одесса, Харьков и т. п. центры—сплошь украинские по языку города. Но какая цена такой «потемкинской деревне», кроме поддержки исторической традиции Потемкина, как раз по Днепру на Украине создававшего для царицы Екатерины свои картонные декорации?

Перед нами издание Укрнаркомвнудела, под редакцией замнаркома т. Черлюнчакевича, специально по вопросу о национальном районировании Украины.

Там приведены официальные украинские цифры, что в Днепропетровске и в Одессе меньше чем по пяти процентов украинцев, в Киеве меньше пятнадцати и т. д. Словом, в крупнейших городах Украины украинцы составляют лишь небольшое меньшинство. На каком же основании требовать тогда обязательных параллельных вывесок по-украински на таких предприятиях и учреждениях, куда никто не обязан ходить и которые обслуживают только это городское население? А между тем за невыполнение этого распоряжения о ненужном расточительстве, как мы видели, на Украине привлекают к уголовной ответственности. Повторяем: если кооперативная столовая или газета обслуживает говорящее по-украински население, то она такую повесит и вывеску, а если среди клиентов нет говорящих по-украински, то не к чему проводить и принудительную «украинизацию вывесок».

Гораздо лучше было бы для роста украинской культуры затратить на новые учебные книги на украинском языке, затратить на новые высшие, средние и прочие украинские школы те большие деньги, какие выбрасываются на ветер для показной «украинизации» путем принудительного изготовления вывесок с переводами на тех учреждениях и предприятиях, которые не имеют характера публично-правовых. Тратить деньги на улучшение украинских школ, на более широкое снабжение говорящего по-украински населения понятной ему литературой—это советский метод (способ) украинизации. А заставлять под угрозой уголовного суда производить ненужный расход на новую украинскую вывеску, обслуживающую отделение русской газеты, т.-е. только читающих по-русски, это значит—слова из песни не выкинешь,—незаметно для себя скатываться к петлюровскому способу украинизации, т.-е. к заботе не о росте культуры, а о внешности, о декорации. Такая декорация заслоняет действительно стоящую перед нами задачу содействия росту украинской культуры—видимостью, будто все уже украинизировано, будто задача разрешена. Получается двойной вред для дела развития украинской культуры: 1) отвлечение от него внимания к принудительному проведению внешне-показных мер бюрократического благополучия (вывески, афиши и т. п.), 2) возбуждение недовольства неукраинского населения против украинской культуры, как связанной с национальным обесправливанием (например, запрещение афиш на неукраинском языке) всего остального населения.

Принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими соответствующих публично-правовых органов государства (судов, железных дорог и проч.)—не только не вредна, но необходима. Не могут и не должны быть терпимы служащие, которые не желают знать языка обслуживаемого ими населения. Наоборот, принудительность недопустима и вредна там и тогда, где она стесняет население в употреблении неукраинского языка или навязывает ему обязательно украинский (да еще под страхом уголовной кары). Поэтому госорганы обязаны отвечать на неукраинском языке на соответственные обращения из населения; не могут закреплять за украинским языком монополию в городских театрах и в деле афиш, надписей в кино и т. п.; не должны требовать украинского или только украинского делопроизводства в общественных организациях, в составе которых преобладают неговорящие по-украински члены и т. д., и т. п. Поэтому же должны быть пересмотрены и уточнены и существующие на Украине постановления о вывесках. Пора поставить работу по национализации более внимательно и серьезно, с большей ответственностью за извращения правильной линии и тем самым с более реальной по прочности результатностью.

В самом деле, можно ли назвать иначе, как позорным, такие, например, документы, перепечатываемые из газеты «Киевский Пролетарий» № 241 от 19 октября 1926 г., сообщенные там завнацменом окрисполкома тов. Гулько: «Акт. Червня, 27 дня 1926 р. м. Київ. Я, дозорчий 2 уч., Раковського району Вайнтреб, згідно почто-телеграми за підписом начміськмілрозшуку за ч. 2147 склавцей акт в присутности Завідуючого Іудейсь-

кого дитяч. Будинку Глухонімих № 43 що міститься по вул. Троцького Будинок 43 та двох нижчепідписаних понятих—Гольдфайна Б. О., що мешкає по Софійской вул. буд. 15, кім. 11, та Алтер Над. Адольфовна, яка мешкає по вул. Троцького 43, про те, що при огляді вывіски зазначенного будинку выявлено, що вона написана на українській та еврейській мові. Завідуючому оголошено, що згідно почто-телеграми (підстава—постанова РНК від 16 липня 1926 р.), вывіска повинна бути тільки мові українській, про що складено акта».

После этого последовал суд 30 августа 1926 г. («Діло № 1607—Судовій наказ», напечатано там же): народный судья 9-го участка города Киева «на підставі 406, 407, 408 ст. УКК и 219 ст. кар. кодексу» постановил оштрафовать за это преступление на два рубля в доход Украинской республики. По стольким статьям карается на Украине судом такое преступление, как смелость на еврейском доме глухонемых иметь вывеску не на одном украинском, а также и на еврейском языке? Странно, непонятно, не верится, хотя и напечатано в «Киевском Пролетарии». За такие протоколы, циркуляры («постанова РНК від 16 липня 1926 р.) и суды надо снимать, предавать суду и исключать из партии тех, кто такие дела возбуждает, такие распоряжения делает и такие приговоры выносит. Сюда прямо относится следующее постановление XII с'езда партии об извращениях национальной политики в национальных республиках: «Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистских традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата—уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей». И в другом месте той же резолюции: «В некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик». С'езд партии об'явил про эти пережитки, что «прямая борьба с ними является обязанностью членов партии». Мы ждем от коммунистических руководителей Украины поэтому не только устранения отдельных указываемых недочетов, но и введения в систему практики суровой судебной и партийной кары против подобных проявлений.

5. Язык трудовой школы.

На осенней сессии ВЦИК 1926 г. поставлен был доклад Наркомпроса об осуществлении всеобщего начального обучения. Этот же вопрос обсуждался и в других союзных республиках.

В ряду встающих в связи с ним задач, стоит также задача обеспечить правильное разрешение вопроса о языке обучения в трудовой школе.

Принципиально программой партии и советской конституцией вопрос давно решен: учить надо на том языке, который понятен детям, который является для них разговорным дома, ибо на нем легче учиться, скорее можно чему-либо научиться. Но принципиальные требования нашей программы и конституции не так легко сразу полностью провести в жизнь. Пережитки прошлого, невысокий уровень общей политической культуры, бедность страны, неизбежная пока надолго еще наличность в госаппарате многих чуждых нашим взглядам элементов, некоторая топорность и недостаточная разработанность при первоначальном проведении новых принципов и ряд других причин,—все это приучило нас в различных областях жизни не удивляться наличности частичных извращений правильной политики. Больше того: при нынешней совокупности отношений в СССР появление таких отдельных извращений неизбежно, и надо обращать специальное внимание на их искоренение.

Особенно верно это в отношении применения того или иного языка в качестве языка школьного обучения. Наш Союз состоит из нескольких десятков национальных республик и национальных автономных областей. В каждой из них имеются крупные национальные меньшинства по отношению к преобладающей по численности национальности данной республики или области. Народ, в одной республике или области составляющий большинство населения, в другой является меньшинством. Едва ли не единственным исключением из более крупных по численности народов являются у нас в этом отношении евреи, которые во всех республиках в меньшинстве. При таких условиях каждый сколько-нибудь численный народ в СССР—в одних республиках или областях заинтересован в прочной охране прав национальных меньшинств, а в других сам может просмотреть или допустить извращения в национальной школьной политике, поскольку недостаточен еще партийно-пролетарский контроль над машиной госуправления и поскольку как раз в области языка школы особенно сильно давление непролетарских националистических элементов. Просвещенский аппарат—это в основном аппарат интеллигентский, притом пока интеллигентский преимущественно мелкобуржуазного и среднебуржуазного происхождения. Этот слой всегда и везде являлся наиболее ревностным представителем шовинистско-националистических тенденций. Для национальной интеллигенции какого-либо народа вопрос о расширении или сужении применения ее языка — это вопрос хлеба, вопрос борьбы с конкурентами по обслуживанию тех же потребностей на другом языке.

К тому же всем нашим национальным республикам и областям прежде всего приходится заботиться о развитии местных национальных культур, подавлявшихся до революции царизмом. Естественное сосредоточение на этой задаче ослабляло внимание к возможности недообслуживания национальных меньшинств данной республики или области и даже вызывало иногда местами прямые перегибы. А необходимость обращаться для проведения в жизнь развития местной национальной культуры к местной

национальной непролетарской интеллигенции, широко пропитанной националистическими настроениями и частью прямо входившей ранее в буржуазно-шовинистские организации—еще более усиливала возможность превращения этих «перегибов» в прямые извращения.

Вот почему среди поступающих в «Правду» (и не только в «Правду») разных жалоб в связи с проведением национализации на местах, в той части жалоб, какая оправдывается проверкой,—особенно много жалоб на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения. Ни родители, ни дети не хотят употребления непонятного или малопонятного им языка, не являющегося их обычным разговорным языком. А он порою принудительно навязывается школе по ложно понятым «национальным» соображениям, превращающимся на деле в националистическое обесправление, стоящее в кричащем противоречии с нашей программой и конституцией. То дети украинских казаков на Кубани обучаются на русском языке, то дети с русским разговорным языком принуждены учиться по-белорусски и т. д., и т. п. Понятен вред от этих извращений и для успехов ученья и политический. Из переданных мне «Правдой» материалов приведу в виде образца только отрывок из одного письма (совершенно типичный). Пишет, в виду начала нового учебного сезона, член союза водников из очень крупного украинского города (точно указавший свой адрес и проч. и давший возможность проверки сообщенных им данных).

А пишет он так: «Моя дочь учится в трудшколе (такой-то) в окраинной части города (на такой-то улице). Состав детей этой школы по официальным данным следующий:

Русских	337 чел.	70 проц.
Евреев	75 чел.	15 проц.
Украинцев	46 чел.	9 проц.
Прочих	29 чел.	6 проц.

«Подавляющее русское большинство—это не какой-нибудь нетрудовой элемент. Почти половина по тем же данным приходится на детей рабочих, несколько меньше—на детей служащих и только одна десятая часть русских—дети нечленов профсоюзов. И все же школа украинизируется полностью. Просьба родителей, чтобы разрешили им собраться для обсуждения ходатайства об отмене украинизации, была отклонена. Родители негодуют каждый в отдельности, а дети плачут. Что выйдет из их занятий, если преподавание будет вестись на чужом для них языке, малопонятном для 91% учащихся. В качестве аргумента (такое-то должностное лицо) заявил родителям, что они и их дети не знают украинского языка вследствие насильственной руссификации их бывшим царским правительством. Но ведь мы никогда не были украинцами, и большинство из нас родилось за пределами Украины. Я, например, родился в Вологодской губернии и сюда приехал 25 лет назад. Когда у меня появились и стали подрастать дети, они росли тут же в городе среди русских. Я не купец и не помещик, а у рабочих и служащих не было столько денег, чтобы посылать своих детей на лето в украинскую деревню. Мои дети не виноваты, что не знают украинского языка. Говорят, что в нашем городе будет оставлено русских всего три школы. Что же делать нам русским? Прошу редакцию помочь нашему родительскому горю. Всякие жалобы остаются здесь без результатов, среди родителей ходят упорные слухи, благодаря влиятельному инспектору наробраза, бывшему петлюровцу».

Мы нарочно привели этот отрывок во всей неприкосновенности,—рядом с изложением сообщения о принудительной украинизации русской школы «слухи» о могуществе «инспектора наробраза» и проч., чтобы дать пример политического преломления подобных фактов. Можно добавить еще, что дело идет о городе с сотнями тысяч жителей, из которых по украинской официальной статистике, на украинцев приходится менее десятой части. «Харьковский Пролетарий» от 17 октября 1926 года о всей Украине в целом сообщает: «По данным Наркомпроса школы соцвоса уже украинизировались на 87,8%». Значит для всех неукраинцев осталось 12,2%. Между тем неукраинского населения на Украине по официальным данным почти вдвое больший процент. Значит, украинизация школ проводилась так усиленно, что половина неукраинского населения уже лишена школ на родном языке. Такое сверхусердие явно не правильно.

Чтобы обеспечить во всех республиках устранение всяких извращений в области языка трудовой школы и в отношении к школьному обслуживанию нацменьшинств вообще,—необходимо повсюду провести ряд определенных практических мероприятий. Несколько времени назад особая комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна наметила с этой целью следующие меры:

«1. Язык обучения детей в школах устанавливается безотносительно к их исповеданию и (национальному) происхождению—на основе того, каким языком дети пользуются в семье.

2. По заявлению родителей должны быть организуемы или преобразуемы в отношении языка отдельные школы или отдельные классы национальных меньшинств во всех случаях, когда количество детей для обучения на данном языке составляет не менее 25 человек.

3. В городах (и прочих поселениях) с разноязычным населением количество школ на разных языках должно устанавливаться по числу разноязычных детей школьного возраста данного города (или поселения), определяемому согласно заявлению их родителей об употребляемом в домашней жизни языке.

4. Должно быть совершенно уравнено материальное снабжение, бюджетные ассигновки, обеспечение помещениями, должным количеством педагогического персонала и школьных пособий и организационное обслуживание (напр., созданием пионерских отрядов) всех школ с разными языками преподавания, находящихся в одном городе или в одном местечке или в одном селении».

Проведение таких мероприятий во всех союзных республиках и применение на практике уголовных кар за их нарушение, вместе с привлечением внимания пролетарской общественности к этой стороне дела, составит значительный шаг к устранению возможных извращений в школьной политике и поможет без-

болезненному изживанию трений и осложнений в национальных отношениях между всеми населяющими СССР народами. Элементарная правильность этих мер не вызывает сомнения с точки зрения нашей программы и конституции. Октябрьская сессия ВЦИК РСФСР в своем постановлении о всеобщем обучении оговорила специально вопрос о языке в духе изложенного постановления указанной комиссии, согласно одобренному президиумом предложению ее членов.

6. Национализация и административное районирование.

Последние полтора—два года почти на каждой сессии ЦИК и С'езде Советов вновь обсуждается вопрос о достаточности практического обеспечения проведения в жизнь тех национальных прав, какие предоставлены национальным меньшинствам основными законами Союза Советских Республик. Последний (третий) С'езд Советов СССР в 1925 году прямо постановил обязать все союзные республики усилить меры по обеспечению прав национальных меньшинств, как образование национальных советов и др. В следующем 1926 г. сессия ЦИК СССР по общему докладу украинского правительства специально поручила Украине усилить охрану прав и обслуживание национальных меньшинств на Украине. В обоих случаях этим постановлениям предшествовало очень оживленное обсуждение, наглядно показавшее достаточную важность вопроса.

Кое-что осуществлено за эти годы и на деле. Например, переданы Украине от РСФСР населенные украинцами части Курской и Воронежской губерний, а к РСФСР перешел великорусский Таганрогский округ; начата организация украинских школ на Кубани; Белоруссии передан Гомель с уездами; учреждено на Украине в деревнях несколько сот польских, немецких, русских, еврейских и других неукраинских сельсоветов и т. д., и т. п. Но главная часть работы еще впереди, и подвигается она крайне медленно, особенно в городах Украины. Достаточно указать, например, такие центры, как Одесса, Днепропетровск (Екатеринослав) или Киев. По официальной украинской статистике в Одессе всего 2,9 процента украинцев, в Днепропетровске 4,7 проц. и в Киеве 13 проц. Для девяти десятых населения Одессы и Днепропетровска разговорным языком являются русский и еврейский (по таблицам, изданным в 1925 г. Укрнаркомвнуделом под ред. зам. наркома т. Черлюнчакевича). Если взять Киев, то там, например, есть часть города, называемая «Подол», территориально отделенная от остального города и по числу жителей превышающая многие губернские города. Населен Подол почти исключительно евреями, при чем разговорным языком у подольских евреев служит обычно еврейский. Ясно, что на Подоле должен существовать районный совет еврейский, в некоторых других частях Киева районные советы русские и т. д., а общегородской совет должен применять и русский, и еврейский, и украинский языки. Было бы совершенно дико из'ять из городских учреждений Киева русский и еврейский языки и применять исключительно украинский, раз в городе говорит по-украински лишь сравнительно небольшая часть жителей. Поступать так, значило бы в отношении языка оторвать советы от населения. Вышло бы не так, что избираемые населением советы обслуживают население на понятном

ему языке, а наоборот,—что население должно переучиться и приспособиться к употребляющему неизвестный ему язык совету. Это означало бы полное извращение «советской демократии» и явно противоречащее общепартийной директиве «бюрократическое командование».

В подобном же положении Одесса, в которой должны быть районные советы с русским или еврейским языком и общегородской совет с тем и другим. В таком же положении Днепропетровск и ряд других городов. Между тем проведения такой практики в городах в сколько-нибудь надлежащем размере не видно.

Само собой разумеется, что находящиеся в этих городах окружные учреждения, обслуживающие округ, населенный говорящими по-украински крестьянами, должны работать на украинском языке. Поскольку в их округ входят также районные единицы, работающие на другом языке в виду особого состава своего населения,—окружное учреждение должно иметь переводчиков для возможности связи с ними. Ведь на Украине в разных округах существуют уже в сельских местностях районные советы неукраинских национальностей: то польский, то русский, то еврейский, то немецкий и т. д. Раз за населением этих районов признано право иметь районный совет на своем языке, то окружное учреждение должно озаботиться возможностью быть для этого районного совета понятным. А равно для городских советов тех городов данного округа, языком которых является не украинский, а какой-либо другой.

В свою очередь, городской совет должен быть обязан обслуживать на их языке возможно большее количество жителей города. Какая-то минимальная граница тут неизбежна. Если в Одессу приедет один японец, то нельзя обязать Одесский совет перевести на японский язык делопроизводство своих судов, милиции, всех отделов и городских учреждений. Но если в городе из каждой сотни жителей хотя бы десяток говорит на одном каком-либо языке (напр., на украинском в таком городе Украины, где подавляющее большинство населения не говорит по-украински и где совет поэтому не должен быть украинизирован)— там должна быть обеспечена возможность употребления в местных советских органах и соответственного языка. Недопустимы имеющие иногда место случаи запрещения служащим в целях «национализации аппарата» обслуживать население устно и письменно на том языке, на каком население к ним обращается и какой они знают.

Никоим образом не следует думать, что недочеты в нашей национально-административной географии существуют только на Украине.

Пример Украины мы берем только потому, что там все эти несообразности ярче бросаются в глаза благодаря большой пестроте населения [1]), благодаря развитой городской жизни, благо-

[1]) По упомянутому изданию УкрНКВД из 91 города Украины только 40 городов (преимущественно мелкие) имеют украинское большинство (см. «Нац. состав сов. Укр.» стр. 119—121). К городам с подавляющим преобладанием русских и евреев относятся Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Николаев, Луганск, Мариуполь, Бердянск, Сталин, (Юзово) Житомир, Мелитополь, Умань, Зиновьевск, (Елисаветград), Кременчуг, Бердичев, Чернигов и многие другие, украинизация городских советов в которых была бы поэтому совершенно неуместна.

даря сравнительной культурности жителей и т. д. Отчасти благодаря большему нажиму со стороны мелкобуржуазной интеллигенции в сторону припудительной украинизации неукраинского населения, чем в других национальных республиках, где национальная мелкобуржуазная интеллигенция гораздо малочисленнее, чем на Украине. Недостаточный отпор этому нажиму на Украине со стороны нашей партийной организации должен быть изжит.

Сама недостаточность эта имеет достаточно об'яснений в истории советского строительства на Украине. Как непрерывное и не в обстановке войны и борьбы с бандитизмом, оно началось на ряд лет позже, чем в центральной Великоруссии. В состав нашей украинской организации всего несколько лет назад влилось много членов других партий (напр., боротьбистов), среди которых об'ективно понятна большая трудность в первые же годы полного изживания до конца всех настроений, ранее отделявших их от большевиков и т. д. Но теперь пора уже от исторических об'яснений перейти к изменению практики. Перейти по-честному, по-большевистскому, без увиливания и выкручивания, без бюрократической отговорки, без ложного понимания «престижа». Как раз Украина, как самая передовая и большая из национальных советских республик, должна послужить всем им в этом отношении примером. В тех частях РСФСР, какие не входят в автономные республики или национальные области, но отличаются пестротой национального состава,—роль нажима молодой подымающейся национальной мелкобуржуазной интеллигенции играет шовинистическая традиция старого великорусского чиновничества. Потому определенные гарантии в области национально-административной географии должны быть проведены для всего СССР, а не только для национальных республик и областей.

Несколько времени назад упоминавшаяся уже мною комиссия в составе т.т. М. И. Калинина, Ю. Ларина, Бройдо и Диманштейна разработала на основании имеющихся материалов следующие меры в этой области:

«1. В имеющих отдельные советы городах и прочих поселениях, преобладающая часть населения которых говорит на другом языке, чем большинство населения данной республики,—должен в качестве языка делопроизводства советов и их органов употребляться язык большинства населения данного города, местечка или иного поселения.

2. Предоставить национальным меньшинствам селений, местечек и городов фактическую возможность выделиться в самостоятельные, территориально обособленные советы с правом пользоваться родным языком преобладающей части выделяющихся в делопроизводстве вновь образуемых советов и их учреждений.

3. В местах с разноязычным населением должен быть обеспечен разноязычный состав местных советов с употреблением соответственных языков в их делопроизводстве и учреждениях.

4. Во всех городах (и иных поселениях), где какое-либо национальное меньшинство составляет не менее одной десятой населения, должна быть обеспечена возможность дачи советскими учреждениями письменных и устных ответов на том языке, на каком поступило к ним обращение (то же относится и к судопроизводству, составлению милицейских протоколов, к финорганам и проч.).

5. Признать уголовно наказуемым воспрещение обращаться в советские учреждения на языке нацменьшинств (ст. 4), а равно воспрещение служащим советских органов давать устные и письменные ответы на языке нацменьшинств (ст. 4)».

* * *

Наблюдаемые у нас иногда извращения национальной политики, это—проявление буржуазного давления на пролетариат. Это оппозиция по отношению к общепартийной линии. С нею надо покончить не менее решительно, чем со всякою оппозицией, выражающей в каких-либо формах буржуазное давление на пролетариат.

С. Тимов.

Аграрно-крестьянский вопрос в Румынии.

Румыния до войны была и после нее осталась аграрной страной, в которой подавляющее большинство населения составляет крестьянство, а сельское хозяйство образует основу всего народного хозяйства. Неудивительно поэтому, что в ряду проблем современной румынской действительности аграрно-крестьянскому вопросу принадлежит самое почетное место.

I.

На всем протяжении своего самостоятельного существования румынская буржуазия лелеяла мечту о «Великой Румынии», которая об'единила бы всех говорящих на румынском наречии и простиралась от Тиссы до Днестра. Крестьянские массы, расположенные по ту сторону границ, говорящие на румынском или близком к этому последнему языке, представляли собой об'ект притяжения для господствующих классов Румынии. Они стремились к захвату соседних территорий, населенных румынскими меньшинствами, при чем для того, чтобы осуществить когда-нибудь свою мечту, они кормили крестьянские массы собственной страны легендой о том, что спасение от всех зол лежит в об'единении всех румын, что только в об'единении всех земель, населенных румынами,—залог независимости и процветания страны. Свои захватнические планы господствующие классы Румынии прикрывали идеей национального об'единения.

Последняя империалистическая война, в которой приняла участие и Румыния, и последовавшие за ней события дали возможность господствующим классам Румынии осуществить свой идеал. Румыния вступила в войну 27-го августа 1916 года, но спустя только 3 месяца ее войско было опрокинуто и $^2/_3$ страны были оккупированы австро-венгерскими, болгарскими и турецкими войсками. Когда же произошла революция в России, Румыния заключила мир с противником (май 1918 г., в Бухаресте) и этим окончательно выбыла из строя.

Несмотря на это, Румыния была «вознаграждена» союзниками за участие в войне. Усиление Румынии и превращение ее из маленького хилого государства в сильную военную державу, черпающую свои воинские ресурсы из многочисленного крестьянского населения, было в интересах великих империалистических держав, и в первую очередь Франции. Великая, сильная Румыния должна была стать,—и действительно стала,—жандармом, агентом великих империалистических акул против опасностей возрождения Австро-Венгерской монархии, с одной стороны,

и заслоном и плацдармом для военных интервенций против революционной России, с другой. Исходя именно из этих соображений, союзники сделали все возможное для того, чтобы оттор гнуть те или иные провинции от Австро-Венгрии и России и присоединить их к Румынии.

Но послевоенный период был, как известно, периодом революционных потрясений, когда раскаты революции в России громким эхом отдавались по всему миру, а в Центральной Европе короны монархов слетали одна за другой. Лозунг Октябрьской революции о самоопределении народов и действительное самоопределение национальностей в России под властью советов стали могущественнейшим революционным фактором современной действительности. Румынская буржуазия решила воспользоваться этим историческим моментом и свои империалистические замыслы осуществить под флагом самоопределения народов. Для этой цели она развила бешенную агитацию на окраинах Австро-Венгрии и России и, расставив широчайшую сеть подкупа двинула туда свою армию, отвлекая таким образом внимание крестьянства от его собственных нужд.

После того, как близлежащие провинции, составлявшие об'ект притяжения для румынского империализма, оказались оккупированными, началось «самоопределение народов». 27-го марта (9 апреля) 1918 г. «Сфатул-Церий» в Кишиневе принял резолюцию о присоединении «Молдавской демократической республики (Бессарабии)» к «родине-матери»—Румынии. 15 (28) ноября 1918 г. «Всеобщий с'езд Буковины» в Черновицах принял постановление о «безусловном и вечном присоединении Буковины в старых границах до Черемуша, Калачино и Днестра с королевством Румынии», а 18 ноября (1 декабря) 1919 г. «Национальное Собрание» в Алба-Юлия декретировало «воссоединение всех румын и территорий, ими населенных, с Румынией». Все эти постановления были провозглашены под предлогом самоопределения народов: жадная румынская буржуазия удачно использовала лозунги момента. Народам были обещаны все политические свободы, покровительство нацменьшинствам и т. п. Сознавая всю свою беспочвенность, не будучи никогда уполномочены подлинным населением, местные заправилы, движимые иностранным золотом и перспективой министерских портфелей, пытались опереться на отсталые крестьянские массы, мало разбиравшиеся в тонкостях и подоплеке событий, и вставили во все постановления о присоединении к Румынии пункт об аграрной реформе. Статья первая постановления «Сфатул-Церия» так и гласит: «Сфатул-Церий» будет продолжать существовать до разрешения и осуществления аграрной реформы соответственно нуждам и требованиям народа; эти постановления будут признаны румынским правительством». Аграрная реформа в Трансильвании была гарантирована статьей пятой постановления в Алба-Юлия. Но это было только тактическим маневром, великим лицемерием, ибо, помимо всего прочего, присоединение провинций к Румынии означало об'ективно контрреволюцию, уничтожение завоеваний, сделанных народами, свергнувшими «своих» монархов и приступивших к осуществлению, между прочим, и аграрной реформы в революционном порядке.

Медовый месяц «национального об'единения» длился недолго. Все новоприсоединенные провинции вышли из революции и успели познать благо последней. Но спустя несколько недель, а в Бессарабии буквально несколько **дней**, после оккупации все эти завоевания были раздавлены сапогом жандармов, а там, где население оказывало сопротивление,—сокрушающим огнем румынских пушек. От свобод и данных обещаний не осталось и помину, **а захваченные крестьянством земли были возвращены собственникам-помещикам.** И хотя ежегодно (24 января) румынские оккупанты в провинциях насильственно сгоняют на площади городов и деревень народ, для того, чтобы он участвовал в «хоре», танце, долженствующем символизировать единение всех румын, но этот день национального праздника румынской националистической буржуазии является одновременно и днем национального **траура** тех многочисленных народов,—в том числе и румынского крестьянства ново-присоединенных провинций, которые волею великих держав-победительниц, оказались закованными в цепи национального и социально-экономического рабства.

II.

Немногочисленная румынская буржуазия поработила свыше 9 миллионов народа, из них $7^1/_2$ милл. новых крестьян. До войны Румыния была небольшим государством, теперь она, увеличив свою территорию в $2^1/_2$ раза, стала **первым** по величине государством на Балканах. Присоединение новых провинций, из которых некоторые (Трансильвания и Банат) промышленно развитые, не только не лишило страны ее крестьянского характера, но даже несколько усугубило его. Как до войны, так и теперь **крестьянство представляет собой численно подавляющий фактор.** При этом значение его тем более велико, что классовое самосознание румынского крестьянства куда выше, чем до войны. Присоединение промышленно-развитых провинций: Трансильвании и Баната, трудящиеся которых располагали старыми и сильными политическими и профессиональными организациями означало увеличение кадров промышленного пролетариата в Румынии, его мощи и удельного веса в политической жизни страны. Бессарабский пролетариат и крестьянство, непосредственно боровшиеся с российским пролетариатом и крестьянством, будучи оторваны от России, воодушевляемые геройскими подвигами российских трудящихся на фронте гражданской войны, немедленно повели борьбу против оккупантов, держа курс на вооруженное восстание и соединение с Красной армией. Крестьянство самой Румынии требовало расплаты за свою кровь: **аграрной реформы.** Румынская олигархия вынуждена была пойти на уступки, **декретировав отчуждение помещичьих земель и введя всеобщее избирательное право.**

Положение вещей в Румынии характеризуется в первые годы после войны всеобщим хаосом и **растерянностью господствующего класса**, обстоятельствами, выражавшими **факт увеличения и обострения в стране классовых интересов и национальных антагонизмов.** Крестьянское движение приняло массовый и угрожающий характер и привело к созданию **царанистской** (крестьянской) партии, какой довоенная Румыния совершенно не знала. Полевение рабочего класса выразилось в росте левого крыла социалистической партии, ориентировавшегося в сторону III Интернационала и быстро охватившего своим влиянием **весь** рабочий класс Румынии. Буржуазия испытывала смертельный страх за свою судьбу, опасаясь вторжения Красной армии в Бессарабию извне и взрыва изнутри. В таких именно условиях крупная буржуазия и помещики вынуждены были уступить власть (1 декабря 1919 г.) правительству **Ал. Вайды-Воевода**, выдвинутому партиями, опиравшимися, главным образом, на крестьянство и городскую мелкую буржуазию Трансильвании, Старого Королевства и Бессарабии. Это правительство было за удовлетворение местных нужд провинций, за реформы и изменение методов правления, за урегулирование отношений с Советской Республикой (выражая этим усталость масс, жаждавших мира). Премьер Вайда-Воевода вступил в переговоры с советским правительством с целью урегулирования румынско-советских отношений, минвнудел, д-р Лупу, разработал квартирный закон, предусматривавший насильственное вселение в буржуазные особняки, а народный учитель Михалаке, министр земледелия, которого швейцар не впустил в его кабинет, приняв его за крестьянина, разработал радикальный закон об аграрной реформе. Но все это происходило медленно в министерских кабинетах, в стране же и провинциях все оставалось попрежнему. Поэтому полукрестьянское правительство Вайды-Воевода—Лупу быстро потеряло симпатии в глазах населения. Бывший же мининдел в этом правительстве ген. **Авереску** начал уже точить свой штык.

Выйдя популярным из войны, этот уроженец Бессарабии сумел использовать свою популярность среди солдат для того, чтобы осуществить свои карьеристские цели. Расположившись в Бухаресте, он принимал крестьянские делегации одну за другой, давая им обещание осуществить раздел помещичьих земель если придет к власти. С правыми вождями социалистической партии он составил «заговор» с целью свержения короля и установления республики.

Рабочие массы были тогда революционно настроены и рвались в бой. При растерянности буржуазии, под'еме в крестьянстве и соседстве с Советской Россией пролетариату, при поддержке крестьянства, легко было захватить власть и покончить с буржуазией. Но официальные вожди социалистической партии, в особенности лидеры рабочего движения в быв. австро-венгерских провинциях, выросшие на почве австрийского оппортунизма, были далеко от этой мысли и самостоятельным действиям предпочли коалиции... с генералом. Коммунисты же были и организационно и тем более идейно слишком еще слабы, чтобы понять задачи момента, в том числе проблему рабоче-крестьянского блока, и суметь возглавить движение рабоче-крестьянских масс и повести их к победе. Опираясь на крестьянство и заручившись пассивной помощью организованного пролетариата, ген. Авереску мог, конечно, пригрозить королю и вынудить у него власть. Правительство Вайды-Воевода не соответствовало интересам крупной буржуазии и двора, но его пришлось терпеть временно в угоду стране и провинциям. Однако, когда популярность его была потеряна и И. Михалаке, член крестьянской партии, хотел внести

в парламент радикальный проект закона об аграрной реформе, король с этим не согласился и предложил правительству подать в отставку.

13 марта 1920 г. у власти стал кабинет, возглавляемый ген. Авереску. Когда этот генерал договаривался с вождями социалистов, рабочее движение достигло апогея своего развития. Но он, рассчитывая на наивность и тупоумие румынских меньшевиков, мог быть достаточно честным и циничным, чтобы заявить им (это исторический факт) следующее—мы будем итти вместе до свержения короля, но с момента прихода моего к власти, наши пути расходятся.

Ставленник буржуазии прекрасно понял допустимость временного компромисса (впрочем, в данном случае ничего ему не стоившего), не вредящего конечной цели, и сдержал потом свое слово: придя к власти, он, конечно, не свергнул короля, но зато подавил вспыхнувшую всеобщую забастовку и арестовал весь с'езд социалистической партии (май 1921 г.), высказавшийся за присоединение к III Интернационалу, обезглавив, таким образом, профессиональное и политическое движение рабочего класса Румынии.

Окончательно декретировав и начав проводить аграрную реформу, он успокоил несколько крестьянство, выполнил свою историческую миссию и должен был уступить власть другим.

Дело в том, что крупный торгово-промышленный и финансовый капитал, организованный в национально-либеральную партию, с небольшими только перерывами правящую Румынией со времени ее основания, мог допускать к власти другие партии только тогда, когда не считал возможным брать на себя ответственность за положение и компрометировать себя в глазах населения. Но когда революционный под'ем после подавления рабочего движения и успокоения крестьянства об'явлением реформы пошел на убыль, финансовый капитал решил, что наступило его время. Тогда, когда партии сменялись у кормила власти, крупный капитал обогащался на грабеже новых провинций. Обмен по низкому курсу русских рублей в Бессарабии, австрийских крон в остальных провинциях и кредитных билетов, выпущенных во время оккупации немцами в Старом Королевстве, был одним из многочисленных средств, позволивших буржуазии наживать миллионные состояния на счет форменной экспроприации достояния народных масс. Прибыльность отдельных предприятий и банков в Румынии достигала в то время свыше 100%. О том, как росло накопление и, следовательно, экономическая мощь румынской буржуазии, можно судить по следующим данным о развитии банковых и торгово-промышленных учреждений в стране, организованных в виде акционерных обществ [1]):

Год	Число	Сумма капиталов в леях.
1919 г.	929	1.982.084.376
1920 »	1.154	5.168.242.8[illegible]9
1921 »	1.266	8.095.429.263
1922 »	1.650	12.162.027.638
1923 »	1.943	17.810.091.869
1924 »	2.085	20.154.086.869

Данные эти приобретут для нас тем большее значение, если мы примем во внимание не только абсолютный рост накопления

[1]) См. «Statistika societâtilor pe actiuni din Romania in anul», 1924.

(концентрация капиталов), происшедший на расширенном базисе «Великой Румынии», но и те качественные изменения, которые произошли в экономической и финансовой жизни послевоенной Румынии и характеризующиеся централизацией капиталов. Один наш товарищ (Фабиан) вычислил на страницах румынской партийной печати в 1922 г., что из 542 банков, бывших в 1920 г. в Румынии и обладавших капиталом в 1.966.663.899 лей, 18 из них владели капиталами в 1.150.000.000 лей, т.-е. 73% всех средств, вложенных в финансовые учреждения Румынии. Над всей страной господствуют только 2 группы банков: одна (менее могущественная) возглавляется банком «Мармарош Бланк и К-о», другая (более могущественная) «Банка Романяска», представляющая почти исключительно национально-румынский капитал и олицетворяющая экономическую и политическую мощь румынской крупной торгово-промышленной и финансовой националистической буржуазии.

Когда рабочее движение было разгромлено и крестьянство, в ожидании осуществления обещанной реформы, притихло, в стране наступило внешнее успокоение, и финансовая олигархия нашла возможным взять власть в свои руки. В декабре 1921 г. авересканский парламент был распущен и назначено правительство Ионеля Братиану, главы финансовой олигархии Старого Королевства, правившего по март 1926 г.

III.

С приходом финансового капитала к власти открывается новая и важнейшая страница в истории современной Румынии и в то же время новый период в деле самой бесшабашной и неслыханной экспроприации достояния крестьянских масс.

Выше мы пытались показать силу финансового капитала Румынии. Здесь заметим, что это могущество финансовой олигархии относится не к Румынии вообще, а к буржуазии Старого Королевства. В этом отношении очень показательны данные относительно распределения акционерных обществ по историческим областям Румынии: Старое Королевство обладает 50% акционерных обществ, но 80% их капиталов в то время, как все провинции имеют только 20% капиталов. Это очень важное обстоятельство, ибо финансовый капитал Старого Королевства, будучи более могущественен, чем подобный же капитал в новых территориях, пытается подчинить себе эти последние. Захват новых провинций был первым этапом осуществления националистического идеала румынской буржуазии, захват же богатств этих провинций должен служить вторым этапом подлинного осуществления «Великой Румынии». Правительство Братиану начало именно с этого. В марте 1922 г. оно провело выборы в парламент и с помощью террора получило в палате депутатов 306 мест из общего числа 414. В сенате оппозиция имела только 12 мест. С этого момента и начинается дело консолидации «Великой Румынии», соответственно интересам финансового капитала Старого Королевства. Специальные законы об'единили провинции со Старым Королевством в административном, школьном, церковном и пр. отношении. Провинции были лишены какой бы то ни было видимости самоуправления. Для того же, чтобы присвоить себе

богатства новоприсоединенных провинций был принят ряд соответствующих законов.

Из новых нровинций Трансильвания и Банат—самые богатые и промышленно-развитые области. В них имеются: крупная металлургическая промышленность, уголь, железная руда, золотые и серебряные россыпи и пр. и пр., но все это находилось в руках местной, главным образом, венгерской и немецкой буржуазии. Желая лишить ее мощи и присвоить себе эти богатства, румынская буржуазия начала с «национализации» отдельных крупнейших предприятий. Это мероприятие заключалось в том, что особыми законами владельцы предприятий обязывались переписать существующие акции на именные и предоставить 60% их румынам. Таким образом, румынская буржуазия обеспечила себе господство в ряде крупнейших предприятий, изгнав оттуда буржуазию новоприсоединенных провинций.

Но румынская буржуазия имеет врага еще в лице иностранного капитала, пытающегося завладеть богатствами страны. Поэтому палата депутатов приняла 27 июня 1924 г. «закон о рудниках», признающий собственностью государства все минеральные залежи земли. Национализация недр земли предусматривается и 19 ст. новой конституции. Статьей 20-й предусмотрена национализация и источников двигательной силы (падение воды и пр.) Ограничив возможность конкуренции иностранного и национального капиталов, буржуазия взялась за подчинение своим интересам и самого национального достояния страны: закон о переводе на хозяйственный расчет и контроль государственных экономических предприятий (принят 6 апреля 1924 г.) допускает участие в них частного капитала, что означает подчинение средств государственного казначейства интересам последнего.

Об'ективный смысл всего этого законодательства заключается в том, что крупный торгово-промышленный и финансовый капитал Старой Румынии стремится обеспечить за собой монопольное право на эксплоатацию масс своей страны и в первую очередь крестьянства. Несмотря на это, румынская буржуазия пытается опереться в этой своей борьбе на то же крестьянство, рисуя в глазах последнего свою борьбу против национального и иностранного капиталов, как борьбу за экономическую и политическую независимость Румынии вообще. Эта тенденция румынской буржуазии находит свое выражение в том факте, что по последней административной реформе, во многих округах Старого Королевства включены соприкасающиеся местности новых провинций, а ко многим городским центрам, населенным нацменшинствами, присоединены села, в которых преобладает чисто румынский элемент. Все это сделано с той целью, чтобы недовольным национальным меньшинствам противопоставить румынские крестьянские массы (при выборах в парламент, общинное самоуправление и пр. случаях). В Бессарабии же, например, в школьные интернаты принимаются исключительно дети молдавского крестьянства, которых воспитывают в националистически-фашистском духе. Таким образом, румынская националистическая буржуазия хочет возложить на крестьянство роль того фактора, который должен контр-балансировать все враждебные ей силы (нацменьшинств, пролетариата и пр.).

Но политика крупного капитала разорительна прежде всего для крестьянства. С момента декретирования аграрной реформы и всеобщего избирательного права, Румыния окончательно вступила на путь буржуазной революции. Помещики в той или иной степени расстались с землей и перевели свои капиталы в промышленность. Буржуазия, разбогатев на войне и обнищании масс в первые годы после войны, получила возможность начать борьбу с буржуазией новоприсоединенных провинций. Хотя развитие румынской промышленности, работающей исключительно на внутренний рынок, находится в неразрывной зависимости от покупательной способности крестьянских масс, румынская буржуазия, по мере успешности этой борьбы, получает возможность расширять свою экономическую базу, даже на основе той ограниченной емкости, которую, вследствие низкой покупательной способности крестьянства, представляет местный рынок. Этому обстоятельству и обязана, думаем мы, политика пренебрежения интересами сельского хозяйства румынской буржуазии. В то время, как промышленность защищена стеной запретительных пошлин агрикультура подчинена исключительному режиму экспортных ставок. Аграрный кризис, поставивший Румынию в исключительно тяжелое экономическое и финансовое положение, является продуктом экономической политики румынской буржуазии. Он же способствует под'ему политической активности крестьянства, которое категорически выступает против законодательства последних лет. Крестьянство, как и мелкая буржуазия, заинтересовано в дешевых товарах, ввозимых из-за границы, в то время, как крупный отечественный капитал пытается воспрепятствовать проникновению в страну продуктов иностранной промышленности. Отсюда и создается единый фронт крестьянства и мелкой буржуазии с иностранным капиталом против крупного торгово-промышленного и финансового капитала Старого Королевства.

С другой стороны, буржуазия новоприсоединенных провинций в своей борьбе против буржуазии Старого Королевства также пытается,—и вполне удачно,—опереться на крестьянство. Общеизвестен факт, что до сих пор ни одна из общерумынских партий не имеет влияния на немецкое и венгерское крестьянство Трансильвании и Баната, которое идет за своими национальными областными партиями, возглавляемыми помещиками и крупной буржуазией. Только крестьянство Бессарабии, в которой буржуазия очень слаба, идет своим самостоятельным путем. Все румынские партии в той или иной степени опираются на крестьянство и добиваются его поддержки. Так что, если позволительно сделать абстракцию от некоторых моментов и рассматривать послевоенную румынскую действительность только в свете аграрно-крестьянского вопроса, то можно без преувеличения сказать, что сущность борьбы классов и партий в современной Румынии сводится к борьбе крестьянства за право на самостоятельное существование, с одной стороны, и к борьбе за влияние на него с целью экономического и политического подчинения своим классовым интересам со стороны буржуазии, с другой. Только пролетариат, в лице своего авангарда—коммунистической партии—преследует по отношению к крестьянству не цели эксплоатации, а ищет союза для совместной борьбы под своей гегемонией. И в зависимости

от того, какой из буржуазных партий удастся окончательно взять на буксир крестьянство и в какой степени удастся пролетариату связаться с ним, будут зависеть ближайшие судьбы современной Румынии.

IV.

Аграрная реформа в Румынии была декретирована под влиянием революционных событий в России, и это вынуждены теперь признать даже буржуазные писатели.

«С 1913 года по 1917 год вопрос об аграрной реформе остался висеть в воздухе,—пишет по этому поводу Теодор Рышкану, выходец из помещичьей среды в своей книге «Аграрная проблема в Румынии». Возможно, что он и в дальнейшем остался бы в подобном положении, если бы не произошла русская революция, уничтожившая царский режим. В России во время революции крестьянство экспроприировало помещиков и поделило их землю между собой. Этот опасный факт мог бы заразить и наши крестьянские массы, которые сталкивались с русскими солдатами на фронте. Наши правящие круги посоветовали тогда королю Фердинанду, в целях избежания русских революционных заразительных идей, взять на себя инициативу аграрной реформы и экспроприировать крупных собственников. Эту печальную миссию король, находившийся между молотом и наковальней, и вынужден был исполнить» [1]). 14 декабря 1918 г. впервые появился королевский декрет об аграрной реформе в стране. Ясно, что она была не столько осознанной необходимостью, сколько контрреволюционной мерой со стороны господствующих классов. Этот факт имеет для нас не только историческое значение, свидетельствуя о том, что аграрная реформа в Румынии представляет собой одно из международных завоеваний российского пролетариата и крестьянства, но дает нам понять ряд явлений из текущей действительности в области аграрной политики и земельных отношений.

Будучи вынужденной событиями на декретирование реформы, буржуазия в то же время всеми силами старалась оттянуть ее осуществление. Поэтому законы, устанавливающие детали реформы в отдельных провинциях, появились на много позже. 13 марта 1920 г. вышел закон об аграрной реформе в Бессарабии. Закон от 17 июля 1921 г. устанавливал условия реформы в Олтении, Мунтении, Молдавии и Добрудже. 23-го июля 1921 г. была декретирована реформа в Трансильвании, Банате, Кришане и Марамуреше, 23-го же июля 1921 г.—в Буковине. В дальнейшем эти законы дополнялись и видоизменялись новыми законодательными актами. Согласно закону от 14 декабря 1918 г. в Старом Королевстве должны были быть отчуждены за выкуп земли, принадлежащие государству и королю, частным лицам и иностранцам, а также разным обществам и учреждениям. Всего должно было быть отчуждено 2.224.588,5 гектара земли. Законом, внесенным 20 января 1921 г. в палату депутатов, было признано необходимым отчуждение еще 450.000 гект. Помещикам оставлялось от 100 до 500 гектаров, а крестьяне должны были получить участки до 5 гект. за выкуп в течение 20 лет по цене средней арендной платы за 1917—1920 г.г., увеличенной в 40 раз.

[1]) D-r Teodor Râscanu. «Problema pâmantului in România», Bucuresti, 1922, стр. 250—251.

Стоимость отчуждаемой земли выплачивается помещикам правительством в специальной ренте, которой с 1922 по начало 1926 г. выдано на сумму 5.451.854.427 лей.

Более подробно нормы отчуждения и наделения можно усмотреть из следующих данных:

	Предел оставляемой помещикам земли.		Максимальный размер надела.	
	Миним.	Максим.	Крест.	Колониз.
Старое Королевство	100 га	500 га	5 га	7 га
Бессарабия	25 »	100 »	8 »	10 »
Трансильвания . . .	100 »	287,5	4,28	—
Буковина	5,75	250 »	4 »	6 »

Эта табличка представляет собою, так сказать, политическую географию земельной реформы в Румынии. Из нее не трудно заключить, что чем меньше предел неотчуждаемой земли, тем больше размер крестьянского надела. В Бессарабии, прошедшей через горнило русских революций и соприкасающейся с СССР, крестьяне получили большие наделы, в старой же Румынии, расположенной по отношению к Советскому Союзу за Бессарабией, наделы меньшие, а в Трансильвании, соприкасающейся с контрреволюционной Венгрией, они еще меньше. Так лишний раз сказалось влияние революционных событий в России.

Чтобы правильнее оценить результаты реформы, посмотрим как распределялась земельная собственность до реформы [1]):

Область.	Площадь в гект.	%	Число владельц.	%
1. Старая Румыния.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	3.153.645	40,3	920.939	95,40
Средняя собствен. (10—100 г.) . . .	862.400	11,0	38,723	3,96
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	3.810.100	48,7	965.047	100,0
Всего . .	7.826.045	100,0	965,047	100,0
2. Бессарабия.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	626.382	25,00	216.563	74,64
Средняя собствен. (10—100 г.) . . .	1.155.300	30,00	71.586	24,67
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	1.718.148	45,00	1.993	0,69
Всего . .	3.499.830	100,0	290.142	100,0
3. Трансильвания.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	2.947.000	35,55	942.500	88,7
Средняя собствен. (10—100 г.) . .	2.476.000	29,87	113.887	10,8
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	2.866.000	34,58	4.597	0,5
Всего . .	8.289.000	100,0	1.060.984	100,0
4. Буковина.				
Мелк. собствен. (1/2—10 г.)	264.688	25,33	191.737	96,27
Средняя собствен. (10—100 г.) . .	152.094	14,63	6.606	3,32
Крупная собствен. (свыше 100 г.) .	627.508	60,04	835	0,41
Всего . .	1.044.290	100,0	199.178	100,0

Крупной собственности, представленной горсточкой лиц, принадлежало, как мы видим, почетное место, как в Старом Коро-

[1]) «La Roumanie Economique», 1921.

левстве, так и в новоприсоединенных провинциях. Реформа внесла некоторые изменения в это положение вещей. По официальным данным, опубликованным в правительственной печати, к началу 1925 г. было отчуждено 5.854.649 гектаров. Пользуясь этими данными, мы можем себе представить следующую картину отчуждения и наделения в собственность землею:

Область.	Отчуждено (в гектар.).	Наделено (в гектар.).	Количество наделенных.
Старая Румыния	2.703.462	1.396.664	413.932
Трансильвания	1.580.776	43.770	45.928
Бессарабия	1.491.920	1.098.045	357.016
Буковина	73.491	11.440	36.800
Всего	5.854.649	2.549.919	853.676

Эти данные касаются окончательно отчужденной земли и окончательно наделенных землею. Но помимо этого, находились к тому времени в процессе отчуждения 105.322 гектара в Трансильвании и 2.683 гект. в Буковине. Также имелась значительная группа крестьян временно наделенных: в Старом Королевстве—167.412 душ с 439.212 гект. и в Трансильвании—289.145 душ с 367.252 гект. Если считать работы по наделению этих крестьян теперь законченными, то всего, следовательно, наделено 1.310.233 душ с 3.356.383 гект. земли [1]).

Было бы, однако, грубейшей непростительнейшей ошибкой с нашей стороны придавать этим официальным, а поэтому тенденциозным данным сколько-нибудь серьезное значение. Прежде всего необходимо иметь в виду, что когда румынская статистика повествует о «наделенных крестьянах», то на самом деле речь идет о крестьянах, за которыми признано право на получение наделов, которые обрабатывают отчужденную помещичью землю на правах аренды, но которые фактически еще не получили земли. По открытому признанию секретаря аграрного комитета М. Константинеску, даже из числа этих крестьян 400.000 семей не смогут быть удовлетворены землею в одном только Старом Королевстве; за несколькими же миллионами сельских жителей, нуждающихся в земле, совершенно не было признано право на получение таковой. Из отчужденных помещичьих земель фактически отмерено 2.135.963 га, из них органами земельного кадастра разбито на участки (наделы) только 369.328 га земли [2]), т.-е. пока-что результаты реформы, которой так кичится румынская буржуазия, свелись к наделению в собственность крестьян всего несколькими тысячами гектаров земли. Несмотря па это, реформа считается законченной и правительство ликвидирует органы, ведавшие проведением ее в жизнь.

Но этого мало. Было бы, ведь, неправильно рассматривать аграрный вопрос только с точки зрения распределения земельной собственности. Аграрно-крестьянский вопрос вообще необходимо рассматривать не только в плоскости поземельных отношений, но

[1]) См. заявление бывш. субсекретаря по земельным делам Т. Чипьяну («Viitorul» от 4 января 1925 г.) о результатах аграрной реформы, а также Anuarul «Statistic al Romaniei», 1924.

[2]) Mitita Constantinescu, secretaire generale du comité agraire de Roumanie. «L'Evolution de la propriéte rurale et la réforme agraire en Roumanie». Bucuresti, 1925. Стр. 127.

в свете всей политики по отношению к крестьянству. Отчуждение помещичьих земель совершенно не обозначает еще, что эти последние попали в руки крестьянства. Право на землю имел всякий гражданин, и поэтому землю получали и правительственные чиновники, в частности местные власти: офицеры, инвалиды, учителя, священники и пр. элемент, непосредственного отношения к земледелию не имеющий. Обойденными при наделении землею оказались молодежь, сироты войны, бедняки, не сумевшие дать взяток власть имущим и пр., и пр. Рышкану так описывает составление местными властями списков лиц, подлежащих наделению землею: при составлении списков сельскими старостами, и нотариусами, эти последние «совершали многочисленные злоупотребления, покровительствуя крестьянам с наибольшей способностью давать взятки, своим родственникам, любимчикам и т. д. Священникам и учителям предоставлялись бо́льшие и наилучшие участки земли. Покровительствуя всем этим господам, старосты и нотариусы делали это в ущерб малоземельным, бедным крестьянам, в ущерб вдовам и сиротам погибших на фронте, которые не знали, куда им обращаться для защиты своих прав. Сколько сирот и вдов погибших на войне, имея право на землю, были исключены из списков под различными предлогами только для того, чтобы полагающийся им гектар земли был предоставлен господину учителю или господину финансовому инспектору» [1]). Мало того, что многие крестьяне не получили земли, но лучшие участки земли попали в руки чуждого элемента, а для тех крестьян, которые и получили землю, реформа, благодаря невыносимой системе взяточничества и подкупа, оказалась разорительной.

То, что господствующий класс потерял на частичном лишении земли, то он теперь пытается выиграть на политике цен, на экспроприации у крестьянства продукта его труда. Экономическая политика румынской буржуазии, пополнившей свои ряды лишившимися земли помещиками, это—изощренная система подлинного грабежа крестьянства. Со времени окончания войны в Румынии установлены высокие вывозные таможенные пошлины, граничащие с запретительными, на продукты сельского хозяйства. К. Гарофлид считает, что половина доходов по государственному бюджету Румынии образуется из вывозных пошлин, которые отнимают у крестьянства 40% (сорок) его чистого дохода [2]). Временами экспорт урожая совершенно запрещается, цены на внутреннем рынке падают, экспортеры скупают за бесценок хлеб, потом запрет снимается, хлеб вывозится и буржуазия выигрывает разницу между внутренними ценами и ценами на мировом рынке.

Порождением экономической политики румынской буржуазии является тяжелый аграрный кризис, переживаемый сельским хозяйством страны. В бухарестской экономической печати неоднократно приводились цифры, свидетельствующие о том, что урожайность после войны упала по всем основным культурам сельского хозяйства. Нынешняя Румыния, будучи по своей территории в $2\frac{1}{2}$ раза больше довоенной, производит меньше, чем последняя. М. Бедереу вычислил, что продукция сельского

[1]) D-r Teodor Râscanu. «Problema pâmântului in România». Bucuresti, 1922. Стр. 270.

[2]) Const. Garoflid. «Un program agrar». 1924. Стр. 34.

хозяйства Румынии после войны уменьшилась на 30,5%[1]). С. Кикош утверждает, что экспорт пшеницы, главнейшего предмета румынского вывоза, уменьшился после войны на 95% (девяносто-пять)[2]). Противники аграрной реформы пытаются взвалить ответственность за кризис на эту последнюю, но на самом деле в нем повинна не реформа, а саботаж правительством и помещиками этой самой реформы и его экономическая политика по отношению к крестьянству. Затяжка в проведении реформы привела к созданию общей неуверенности и неурегулированности земельных отношений. Помещики не обрабатывали своих земель, запускали и передавали их потом в таком состоянии, что их нельзя будет обрабатывать еще много лет спустя.

У нас поэтому не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что аграрный вопрос в Румынии даже только в смысле утоления земельной нужды крестьянства, не получил своего разрешения и что он еще долгие годы будет стоять в порядке дня, пока его не разрешит рабоче-крестьянское правительство. В настоящее время в румынской деревне происходит усиленный процесс дифференциации и пролетаризации крестьянства. Отсутствие сельскохозяйственного инвентаря, разорительность реформы, тяжесть налогового обложения, привели к тому, что крестьяне уже начали распродавать свои наделы и расставаться со своею землею, которую не в силах обрабатывать. Об'явление неотчуждаемости крестьянских наделов ничем крестьянству помочь, конечно, не может,—эта мера только закабалит его к помещикам и перекупщикам, ибо крестьяне вынуждены будут распродавать свои клочки земли незаконно, в обход и вопреки закону.

В факте распродажи крестьянских наделов мы видим начало ликвидации земельной реформы в Румынии. На всем протяжении своего господства румынские помещики, вынуждавшиеся время от времени обстоятельствами на уступки крестьянству, исходили при реформах из интересов крупного землевладения. То же произошло и при последней реформе: замысел законодателя заключался в том, чтобы сохранить по мере возможности крупное землевладение, вызвать к жизни крепкое середняцкое хозяйство и поставить мелкую крестьянскую собственность в такие условия, чтобы она, не будучи в силах существовать самостоятельно и независимо, служила источником рабочих рук для первых двух. Недаром поэтому М. Константинеску говорит в своей книге, что «цель аграрной реформы в Румынии заключалась не в наделении всех крестьян, а в более справедливом (?!) (plus equitable) распределении» собственности[3]). Этому и обязана затея с неотчуждаемостью в течение 5 лет после окончательного выкупа крестьянских наделов, полученных в результате всех реформ, произведенных до сих пор, и преследующая прикрепление крестьян к своей земле.

Дальнейшее развитие аграрных отношений в Румынии пойдет, вероятно, по линии концентрации земли и укрепления крупного землевладения, создания середняцкого слоя крестьян, который неизбежно выделит крепкое кулачество, и пролетаризации

[1]) M. A. Bădărău. «Agricultura noastra de dupâ razboi». «Argus» от 7 января 1921 г.

[2]) «Argus» от 9 февраля 1925 г.

[3]) Цитир. сочинение, стр. 402.

остальной части крестьянства. Что развитие пойдет именно в этом направлении можно судить по тому факту, что по закону о выборах в сельскохозяйственные камеры малоземельное крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат лишены избирательного права, т.-е. буржуазия в предвидении обострения классовой борьбы в деревне, вытекающей из процесса расслоения, уже предпринимает предохранительные меры.

V.

Описанное нами положение вещей в деревне служит источником политической активности румынского крестьянства после войны. Массовое крестьянское движение, нашедшее свое идеологическое выражение в теории так называемого «царанизма» и организационное воплощение в создании крестьянской (царанистской) партии могло сложиться только на почве недовольства аграрной реформой подавляющего большинства крестьянства. Как мы уже отметили выше, все политические партии Румынии пытаются опереться на крестьянство, но самой массовой партией, ведущей за собою крестьянство, является, только царанистская. За нею следуют: национально-румынская партия, опирающаяся, между прочим, на румынское крестьянство Трансильвании, и национальные партии венгров и немцев, имеющие под своим исключительным влиянием немецкое и венгерское крестьянство. О сколько-нибудь значительном влиянии румынской коммунистической партии на крестьянство пока-что, к сожалению, не приходится говорить.

Пришедшая в марте месяце прошлого года народная партия ген. Авереску, ведшая за собой крестьянство в первые годы после войны, но потом потерявшая свое влияние на него во время нахождения у власти, вновь пытается взять на буксир крестьянство, обещая ему пересмотреть реформу в тех местах, где она была неправильно проведена и вообще устранить все злоупотребления, связанные с наделением землею. Эти обещания—хитрый тактический маневр буржуазии, вызываемый желанием выбить важнейший козырь из рук мелкобуржуазных партий, имеющих под своим влиянием крестьянство и обещающих ему пересмотреть аграрную реформу.

Генерал Авереску является сейчас общепризнанным агентом крупного капитала, представленного национал-либеральной партией и выполняет, в конечном счете, ее задания. До войны в Румынии существовали две партии, чередовавшиеся у власти: консервативная (помещиков) и либералов (молодой буржуазии). Образование «Великой Румынии», окончательное вступление ее на путь буржуазной революции заставило исчезнуть консерваторов и привело к образованию новых партий, оспаривающих у либералов право на монопольное правление страной. При организационной слабости пролетариата, единственным серьезным противником крупной буржуазии является в настоящий момент крестьянство и мелкая буржуазия, организованные в царанистскую и национально-румынскую партию и олицетворяющие в условиях современной действительности «силы» румынской демократии. В 1920 г. ген. Авереску, нейтрализовав крестьянство аграрной реформой, разбил силы румынского пролетариата, теперь же, пользуясь сла-

бостью рабочего движения, он пытается разбить силы румынской демократии, т.-е. политически уничтожить румынское крестьянство. Для этой цели он вступил в блок с венгерскими и немецкими магнатами и на последних (1926 г.) выборах в парламент и заполучил все голоса немецкого и трансильванского крестьянства Трансильвании и Баната, т.-е. об'ективно, используя национальные антагонизмы в стране, направил крестьянство Трансильвании и Баната против крестьянства Старого Королевства и Бессарабии. От национальной партии генералу удалось отколоть и присоединить к себе правую группу Вас. Гольдиша; к партии же Авереску примкнула и группа быв. видного цараниста Мегединца.

На ряду с этим правительство ген. Авереску открыто поддерживает фашистское движение, которое также пытается вовлечь в свои ряды крестьянство и для этой цели настаивает на проведении политики в пользу последнего.

Очутившись перед фактом концентрации и усиления сил реакции, царанистская и национально-румынская партии слились (октябрь 1926 г.) в одну национально-царанистскую партию, которая ставит себе целью борьбу с нынешним авересканским правительством и крупным капиталом и приход к власти с целью установления режима в пользу крестьянства и городских мелкобуржуазных масс.

Возникает вопрос: способна ли на самом деле новая партия к сколько-нибудь серьезной борьбе против либералов, терзающих страну и их ставленников—авересканцев? На это необходимо самым категорическим образом ответить: нет. Ибо, партия царанистов—это не партия борьбы, а партия радикальной фразеологии и социального примирения. Ее цель заключается в облегчении положения крестьянства, но не с помощью беспощадной классовой борьбы против буржуазии и помещиков, а с помощью примирения и притупления классовых противоречий между крестьянством и господствующими классами. Припомним, что не так давно, в марте 1926 г., в момент ухода либералов от власти К. Сторе, один из «левых» вождей царанистов, ничего другого не нашел сказать, как, взойдя на парламентскую трибуну, воззвать к примирению и соглашению. Он говорил, обращаясь к либералам, представителям финансового капитала, с пафосом, что «компромисс и соглашение воплощают собою политическую мудрость» и что он—монархист, потому что «монархия является примиряющим и уравновешивающим фактором», а другой теоретик царанизма проф. Маджару во всех своих литературных писаниях утверждает, что улучшение материального положения крестьянства необходимо в целях создания внутреннего рынка для отечественной промышленности, т.-е. фактически исходит не из интересов крестьянства, а хочет подчинить эти последние интересам развития капитализма в стране, долженствующего еще больше ухудшить положение трудящихся масс. Если ровно 20 лет назад (в 1907 г.) румынская буржуазия и помещики подавили руками ген. Авереску открытое восстание крестьянства, расстреляв 11 тысяч повстанцев, а после войны предотвратили революцию нейтрализацией крестьянства аграрной реформой, то теперь они пытаются окончательно подчинить его себе политически с помощью разжижения крестьянской партии в других партиях и группировках. Поэтому об'единение

крестьянской партии с правой национально-румынской партией об'ективно прежде всего в интересах крупного торгово-промышленного и финансового капитала Старого Королевства, об'единенного в национал-либеральную партию, ибо означает поправение царанистской партии, что уже выразилось в исключении из ее программы пункта о признании существования классовой борьбы, и отказе от лозунга вторичной аграрной реформы, приближение к остальным существующим в стране буржуазным партиям и вступление на путь примирения с господствующим классом. Крестьянская партия, впервые образовавшаяся после войны, была создана руками самих либералов, потому что существовавшие партии были скомпрометированы в глазах крестьянства, и только левая радикальная партия могла удержать его от революционных выступлений. Но теперь потребность в такой партии прошла, и румынская буржуазия старается во что бы то ни стало ее уничтожить. Она пытается вернуть страну к системе двух правящих партий, существовавшей до войны, чередующихся у власти и гарантирующих друг другу преемственность на основе общего буржуазного порядка вещей. Ее идеал—слияние всех существующих партий, соперничающих с либералами, в одну сильную партию твердого порядка, которой можно было бы без риска поручить управление страной. Аграрная партия, в составе авересканцев, националистов-трансильванцев и царанистов,—вот тот преемник, который должен в будущем разделять власть вместе с либералами. И происшедшее слияние царанистской и национальной партий это—этап именно к подобной партии, партии предательства интересов крестьянства и прислуживания финансовому капиталу. Поэтому, учитывая практику царанистского движения в самой Румынии, и в особенности печальный опыт хорватского движения в Юго-Славии, мы утверждаем, что современное политическое крестьянское движение Румынии вступило в самую опасную фазу своего существования и что если события будут в дальнейшем так развиваться, то партия неизбежно завершит свой круг развития окончательным предательством интересов крестьянства и полной капитуляцией перед крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазией старой Румынии.

Таким образом, в 20-ю годовщину после своего открытого вооруженного восстания против гнета эксплоатации и насилия румынское крестьянство оказывается в таком положении, что воочию должно убедиться в том, что всякое движение, направленное против буржуазии, но не об'единенное с передовым отрядом пролетариата, заранее обречено на неудачу, и что выход из создавшегося положения заключается только в борьбе под гегемонией пролетариата. Собственно говоря, только теперь, после вступления на путь предательства вождей царанистов, открываются широчайшие перспективы развития крестьянского движения. И от наших (коммунистов) усилий зависит, в какую сторону и в каком направлении пойдет это движение. Мы должны напрячь все наши силы, чтобы извлечь крестьянские массы из-под разлагающего влияния проституированных и предательских вождей и направить движение масс в общее революционное русло великого освободительного движения пролетариата, руководимого компартией. На данной стадии развития классовой борьбы в Румынии мы можем повести против буржуазии почти

все крестьянство, но точкой нашей опоры в деревне должны стать сельскохозяйственный пролетариат и бедняцкая часть деревни, которые до сих пор совершенно игнорировались и которые в своей совокупности представляют собою подавляющее большинство румынского крестьянства.

Проблема завоевания крестьянства пролетариатом выступает, следовательно, как одна из очередных задач румынской компартии. В ряду движущих сил революции в Румынии крестьянство является самым решающим фактором. В грядущей схватке между пролетариатом и буржуазией из всех внутренних сил румынской пролетарской революции крестьянству суждено сыграть решающую роль. Поэтому проблема пролетарской революции в Румынии это—проблема завоевания крестьянских масс. На пути к завоеванию этих масс стоит ряд трудностей, одна из которых заключается в том, что прежде, чем завоевать эти массы, необходимо их высвободить из-под влияния мелкобуржуазных партий и особенно радикальной фразеологии царанистов. Но рассматриваемое влияние пролетариата на другие слои населения возможно только с идеологическим и внутриорганизационным ростом самого авангарда пролетариата. Поэтому центр тяжести в деле собирания и организации движущих сил революции в Румынии, в том числе вовлечения крестьянства в русло революционного движения, заключается в создании коммунистической партии, в подлинном большевистском смысле этого слова.

Ал. Ильин.

Старая система новых союзов.

(К крушению балканского и европейского Локарно).

I.

Становится уже своего рода трюизмом, что Версаль и Локарно—тезис и антитезис в мировой политике.

Версаль это безмерное торжество французского империализма, поставившего на колени Германию и «версализирующего» всю Европу.

Но чем дальше от Версаля, тем больше и больше рассеивался мираж французской победы. Финансовая язва, неудача проводимой насильственными методами смычки лотарингской руды с рурским углем (рурская авантюра), сопротивление рурскому прыжку Пуанкарэ со стороны англо-американского капитала и, наконец, планомерная и успешная борьба британского империализма с французской гегемонией на континенте, борьба, в которой возрождающаяся Германия приняла участие на стороне Великобритании,—все это приводит Францию к Локарно. В Локарно Англия одержала решительную победу над Францией. Заняв место арбитра между Францией и Германией, Англия оказалась в состоянии серьезно влиять на внешнюю политику обоих этих государств. Это, в свою очередь, открывало дорогу английской гегемонии на всем континенте[1]). Локарнское поражение Франции было особо ощутительно для нее еще потому, что Англия, подчиняя Францию своему непосредственному контролю, как гарант, и контролю через руководимую Великобританией Лигу Наций, фактически ставила непреодолимые препятствия к выполнению Францией союзных обязательств, вытекающих из франко-польского и франко-чешского договоров. Таким образом, Локарно ослабляло позиции Франции не только в центре Европы, но и на периферии.

II.

Форейн Оффис не остановился на уже достигнутых успехах, а стремился углубить и развить их дальше. Балканское Локарно и должно было в пределах Балканского полуострова запечатлеть происшедшую в пользу Англии перегруппировку европейских сил. Балканский гарантийный пакт, заключенный под эгидой Англии, должен был закрепить английскую геге-

[1]) Следует заметить, что Локарно предшествовало принятие плана Дауэса, который ставил под англо-американский контроль эксплоатацию Францией Германии и предоставлял Англии и САСШ соответствующий пай в этом „деле".

монию на балканской периферии (не возлагая на самого инспиратора каких-либо гарантийных обязательств) и способствовать вытеснению и падению франко-итальянского влияния.

План балканского Локарно, выдвинутый английским империализмом, само собой разумеется, не мог обойтись без антисоветского жала. В этом отношении балканское Локарно, опять-таки являлось прямым продолжением Локарно. Если Локарно, по замыслам Чемберлена, одной из своих задач ставило создание антисоветского блока центрально-европейских государств, включающего и новообращенную Германию, то балканское Локарно также должно было явиться организацией балканских и, может-быть, средне-европейских государств, направленной под гегемонией Великобритании против СССР. Участие в новом блоке Румынии и гарантирование ее границ со стороны других участников пакта (хотя бы и на общих основаниях) совершенно ясно выявляло антисоветский характер всей этой авантюры.

Рупором, через который Чемберлен оповестил мир о проекте балканского Локарно, был Рентис, мининдел Греции. Греция в те времена (1925 г.) представляла собой креатуру Англии на Балканах. Но, помимо этого, Греция была заинтересована в балканском Локарно, в виду крайней напряженности своих отношений с Юго-Славией. Дело в том, что аппетиты Юго-Славии разыгрались на греческий порт Салоники и ж.-д. ветку Гевгели—Салоники, имеющие большое стратегическое и экономическое значение. Приобретение Салоник также давало Юго-Славии выход в Эгейское море.

Таким образом, для Юго-Славии заключение балканского гарантийного пакта до удовлетворения ее притязаний па Салоники было явно невыгодно и неприемлемо. Поэтому Юго-Славия решительно воспротивилась планам балканского Локарно и в свою очередь потребовала «сначала разрешения спорных вопросов, а потом уже заключения гарантийного пакта». Иными словами, прежде чем закрепить статус-кво, его нужно изменить!

III.

Так или иначе, сопротивление Юго-Славии, этого сильнейшего претендующего на роль гегемона на Балканах государства, было достаточным, чтобы заставить английскую дипломатию отступить. Не приходится сомневаться в том, что позиция Юго-Славии в вопросе о балканском Локарно была поддержана Францией, которая к этому времени уже начала проявлять лихорадочную деятельность по локализации локарнских успехов английской дипломатии. Эта деятельность выразилась в ряде дипломатических выступлений и интриг, имевших целью добиться на предстоявшей женевской сессии Лиги Наций (март 1926 г.) одновременного с Германией предоставления Польше места в Совете Лиги. Для достижения этой цели Франция, оперируя жупелом возрожденного германского империализма, успешно проводит подготовку того блока стран-преемниц, который в решающую минуту в Женеве оказался на ее стороне против Чемберлена. Английской дипломатии не удалось свести концы с концами: ее, благожелательная Германии, линия вступила в противоречие с интересами ряда государств, в которых, казалось бы, после поражения Франции в Локарно английское влияние должно

было возрасти. Вместо этого, как мы уже знаем, после поражения Чемберлена в Женеве, произошла новая перегруппировка европейских сил, выдвинувшая в первую линию «ведущих» стран Италию и Францию.

IV.

Противоположность французского Версаля — английскому Локарно вступила в стадию дальнейших превращений. Италия и Франция в полной мере воспользовались, может быть, временным, но все же ослаблением позиций британского империализма на континенте, последовавшим в результате беспримерного провала Чемберлена на мартовской сессии Лиги и вступления Англии в полосу тягчайших социальных кризисов (всеобщая и горняцкая забастовки).

Английская идея общего соглашения сдается в архив. Франция и Италия принуждены были это сделать, потому что они не были в состоянии осуществить общее соглашение европейских государств под своей единоличной гегемонией. Так же неприемлемо было для них английское Локарно, воплощающее идею английской гегемонии на континенте.

Локарно в новой итало-французской редакции—это система сепаратных союзов и соглашений, заключаемых помимо Англии и помимо Лиги Наций.

Перейдя к системе сепаратных союзов, Италия и Франция наперегонки бросаются заключать их. Так, подписание итало-испанского договора Франция спешит парализовать заключением франко-испанского договора. Далее Франция идет на сепаратное соглашение с Германией (железный синдикат, свидание Бриана с Штреземаном в Туари). К этому ее толкает жесточайший финансовый кризис, боязнь остаться с глазу на глаз с «оздоровителями» Франции—Англией и Америкой—и, наконец, возросшая политическая и экономическая мощь Германии.

С принятием Германии в Лигу Наций начинается новый тур борьбы империалистических сил в Европе. Намечаются новые блоки и группировки капиталистических государств.

Правда, так называемая политика Туари в настоящий момент претерпевает кризис. Экономические и политические факторы, толкающие Францию на сближение с Германией, парализуются противоречиями между этими двумя странами, противоречиями империализма, обостренными Версалем. Британская и итальянская дипломатия также приложили не мало усилий к тому, чтобы воспрепятствовать франко-германскому сближению. Кризис Туари, несмотря на то, что необходимость экономической и политической обороны от англо-американской гегемонии сознается и во Франции, и в Германии, показывает, что времена открытых блоков между европейскими империалистическими государствами еще не наступили. Относительность и неустойчивость экономической стабилизации капитализма имеет свой рефлекс и в политике. Так называемые «великие» державы мечутся в поисках «наилучшей» политической комбинации и не находят ее. Наибольшим постоянством отличается англо-итальянское сотрудничество (свидания Чемберлена и Муссолини в Раппало и Ливорно), подчас выливающееся в открытую коалицию против

Франции, с одной стороны, и СССР и стран Востока,—с другой. Фактическая англо-итальянская коалиция стремится перетянуть на свою сторону Германию и полностью изолировать Францию и СССР. Играя на франко-германских противоречиях и способствуя итало-германскому сближению, Англия пытается восстановить свою локарнскую гегемонию. Нам все же кажется, что Локарно было зенитом английского влияния на континенте. Англия не сможет полностью отвоевать утерянные позиции. Кризис империи, промышленный и социальный кризис на самом английском острове помешают свободе и успеху действий английской дипломатии. Уже теперь Англия начинает бороться за роль арбитра в сепаратных соглашениях (франко-германское и итало-германское), что неизбежно поведет к оформлению блоков империалистических государств и присоединению самой Англии к одному из этих блоков.

«Отрицание отрицания», т.-е. сепаратные соглашения послелокарнского периода, разрушающие здание английского Локарно, начались именно с Балканского полуострова. Английский проект общебалканского соглашения под английской гегемонией канул в небытие. На смену ему пришли сепаратные переговоры Италии и Франции с Румынией и Юго-Славией. Переговоры с Румынией уже увенчались заключением итало-румынского и франко-румынского договоров. Разбору этих договоров, в виду их характерности для послелокарнской ситуации на Балканах и в Европе, мы и посвятим следующую часть нашей статьи. Но предварительно—несколько слов о месте итальянского империализма в развертывающейся борьбе.

V.

Италия, вступив в ряды индустриальных стран, но лишенная топливных и сырьевых ресурсов, проявляет исключительную активность в области внешней политики. Сочетая в себе приемы старой буржуазной дипломатии и беспринципность ренегата от социализма, Муссолини ловко лавирует на международной арене и выступает то в качестве арбитра (Локарно), то «злого гения» Лиги Наций (Женева), то «честного маклера». В государствах Малой Антанты и Балканского полуострова Италия считает себя «особо заинтересованной». И действительно, Италия имеет все шансы на то, чтобы значительно усилить свое влияние в этих странах. Непрекращающаяся борьба между Англией и Францией за гегемонию на континенте предоставляет Италии роль «третьего-радующегося». Пользуясь поочередно ослаблением французского (Локарно) и английского империализма (мартовский крах), Италия начинает претендовать на роль руководителя Малой Антанты и гегемона на Балканах. Под углом зрения этих новых устремлений Италии и следует рассматривать итало-румынские переговоры, закончившиеся подписанием гарантийного договора.

VI.

Румынию на подписание гарантийного пакта с Италией толкали весьма серьезные причины. Важнейшей из них нужно считать желание добиться ясности в вопросе о Бессарабии. Дело в том, что под парижским протоколом 1920 г., «закрепляющим» Бессарабию за Румынией, отсутствует итальянская подпись. Подпись Италии и последующая подпись Японии обозначали бы полную ратификацию бессарабского протокола. Уже давно румынская дипломатия охотится за этой недающейся подписью. Но Италия, не желая портить своих отношений с СССР, в которых она заинтересована и политически и экономически, уклонялась от дачи своей подписи под этот разбойнический акт.

С бессарабским же вопросом тесно соприкасается проблема гарантий. Эта проблема чрезвычайно остро стоит для Румынии, увеличившей свою территорию, в результате мирных договоров, за счет Австрии и Венгрии более чем в два раза, по сравнению с ее довоенными размерами. Провал английского проекта балканского гарантийного пакта не оставлял перед Румынией иного выхода, кроме заключения сепаратных договоров с Италией и Францией о сохранении статус-кво, созданного Сан-Жерменом и Трианоном. Однако, отсутствие под парижским протоколом именно итальянской подписи в то время, как Англия и Франция уже его ратифицировали, заставляло румынское правительство придавать переговорам с Италией большее значение, чем переговорам с Францией. Все было подчинено достижению заветной мечты румынского империализма—окончательной ратификации парижского протокола. Для этого Румыния, после прихода к власти полуфашистского правительства генерала Авереску (апрель 1926 г.), не останавливается перед такой «жертвой», как перемена ориентации. Английская ориентация Румынии меняется на итальянскую. Перемена Румынией внешне-политической ориентации выявилась уже на мартовской сессии Лиги Наций. К перемене ориентации Румынию также побудила необходимость поддержать в Женеве, в противовес притязаниям Германии на постоянное место в Совете Лиги, притязания Польши, общей с Румынией союзницы против СССР. А за спиной Германии в те времена стояла Англия.

Итак, Румыния оказывается в об'ятиях Муссолини и Бриана, этих истинных победителей на женевском действе.

Подписание итало-румынского гарантийного договора последовало, наконец, после многомесячных переговоров, в Риме 16-го сентября 1926 года. Чтобы подчеркнуть свою преданность итальянскому империализму, румынский премьер-министр ген. Авереску лично выехал в Рим для подписания договора. Содержание заключенного договора в основном сводится к следующему. Италия и Румыния сотрудничают и оказывают друг другу поддержку в вопросах международной политики. В случае международных осложнений, оба государства совместно принимают меры для защиты своих интересов. Все споры и несогласия, возникающие между Италией и Румынией, передаются на разрешение третейского суда. В случае же «непровоцированного нападения» на одну из договаривающихся сторон, Румыния и Италия обязуются оказать друг другу политическую и дипломатическую поддержку. Иными словами, Италия и Румыния взаимно гарантируют территориальное статус-кво. Договор заключен сроком на 5 лет. К договору приложена переписка Муссолини с Авереску о бессарабском вопросе. В своем письме к Авереску Муссолини пишет, что ратификация парижского протокола итальянским правительством «последует лишь тогда, когда это сможет быть сделано без ущерба для общих интересов

Италии». В ответном письме Авереску констатирует, что ратификация Италией парижского соглашения «есть лишь вопрос времени и подходящей обстановки».

Отсутствие в итало-румынском гарантийном пакте специального упоминания о Бессарабии, как того добивалось румынское правительство, и отказ Италии в немедленной ратификации парижского соглашения, безусловно, является поражением Румынии, правда, как это мы увидим из дальнейшего изложения, поражением весьма относительным.

Такой исход переговоров с Италией вызвал бурю протестов со стороны румынской оппозиционной прессы. Оппозиционная печать в один голос заявляет, что договор унизителен для Румынии и является успехом Италии и СССР. По мнению же бывшего премьер-министра Братиану, вождя либеральной партии (крупно-капиталистической), находящейся теперь в оппозиции, договор даже «поощряет (!) СССР». Ко всей этой шумихе нужно относится с большой осторожностью. В значительной степени все эти протесты продиктованы узкопартийными целями и интересами парламентской борьбы с теперешним правительством. Также вполне правдоподобно сообщение венского «Рейхспоста» о том, что кампания против итало-румынского договора в Румынии инспирируется Францией, борющейся с Италией за преобладающее влияние на Румынию. На самом деле, итало-румынский договор не так уже невыгоден для Румынии, как это изображает оппозиция. В самом деле. Договор гарантирует территориальное статус-кво. Но тем самым договор является косвенным подтверждением присоединения Бессарабии к Румынии. Но мало этого. Носятся упорные слухи, не верить которым нет никаких оснований, что к заключенному договору приложено тайное соглашение, по которому Румынии обеспечивается военная поддержка со стороны Италии и ратификация парижского протокола в течение ближайших месяцев. Слухи о военной конвенции вполне согласуются с той работой, которая проводится Италией по вооружению Румынии на суше и на море (заказы итальянцам на подводные лодки, пулеметы и пр.)[1]). Получение Румынией итальянского займа также говорит о все растущем итало-румынском сотрудничестве в экономической и политической области. В свете этих данных заключение итало-румынского договора приходится рассматривать, как значительный успех Румынии в ее антисоветской политике. Во всяком случае, гарантирование Италией всех румынских границ, хотя бы и без специального упоминания восточных, приближает ратификацию парижского протокола. Ратификация, по выражению Авереску, «есть лишь вопрос времени и подходящей обстановки». Таким образом, мы видим, что итало-румынский договор наделен антисоветским жалом, к тому же весьма плохо прикрытым. Действительно. Что может быть более враждебным со стороны Италии по отношению к СССР, чем санкционирование (путем заключения гарантийного пакта с Румынией) захвата Бессарабии? Далее. Неужели Румыния—этот кипящий котел социальных и национальных противоречий, вдобавок отягощенная до сих пор

[1]) Статья была уже написана, когда появились разоблачения о вывозе из Италии через Австрию в Румынию и Болгарию оружия и снаряжения под видом „фруктов".

неразрешенным бессарабским вопросом,—является наилучшим местом для приложения итальянских капиталов, которых у самой Италии нехватает? И, наконец, что может означать «итальянская ориентация авиационной и морской политики Румынии», государства до сих пор не урегулировавшего своих отношений с СССР?

Теперь мы в праве спросить себя, почему Италия пошла на столь тесное сближение с Румынией, или что она выигрывает от заключения итало-румынского договора?

Начнем по порядку: договор с Румынией закрепляет итальянское влияние на Румынию и на Малую Антанту, членом которой Румыния является. Иными словами, договор с Румынией—один из этапов империалистической борьбы Италии с Францией и Англией за гегемонию на континенте. Кроме того, договор, ставя Румынию в зависимое от Италии положение, обеспечивает румынские рынки для итальянских товаров и открывает итальянцам дорогу к румынской нефти (своей нефти у Италии нет). Наконец, вооружая полуфашистскую Румынию, фашистская Италия косвенно или прямо выполняет директивы британского империализма по подготовке похода против СССР. Трогательная коалиция Италии и Великобритании находит новое поприще для «совместной работы».

VII.

Выше мы уже отмечали, что Франция всячески стремится парализовать растущее на европейском континенте влияние Италии. Поэтому она на итало-румынские переговоры поспешила ответить самостоятельными переговорами с Румынией. После перехода к системе сепаратных соглашений переговоры с Румынией приобретали для Франции особый интерес. Ведь в лице Румынии Франция имела члена Малой Антанты, в которой нужно было во что бы то ни стало восстановить сильно пошатнувшееся французское влияние. Успешный ход итало-румынских переговоров действовал на Францию подстегивающим образом. Именно из-за конкуренции с итальянским империализмом чтобы забежать вперед, Франция заключает гарантийный договор с Румынией уже 10-го июня, т.-е. на несколько месяцев раньше Рима. Однако, заключение франко-румынского договора до самого последнего времени держалось в тайне. Первые газетные сообщения о договоре появились всего за несколько дней до окончания итало-румынских переговоров. До сих пор, точного текста франко-румынского договора мы не имеем[1]). Но и сведения, почерпнутые из прессы, дают яркое представление о новом договоре.

Франко-румынский договор во многом аналогичен итало-румынскому. Здесь так же, как и в итало-румынском договоре, упоминается международное сотрудничество, третейское разбирательство всех возникающих споров и взаимная гарантия территориального статус-кво. Однако, помощь друг другу, в случае «непровоцированного нападения» на одну из договаривающихся сторон, в франко-румынском договоре, судя по имеющимся у нас

[1]) Статья была написана еще до опубликования договора.

данным, предусматривается даже в более решительных формах, чем в итало-румынском договоре. В этом отношении франко-румынский договор напоминает военный союз, правда, как уверяет парижский «Журналь», союз «оборонительный».

Совершенно очевидно, что заключение Францией подобного договора с Румынией является глубоко враждебным актом по отношению к СССР. Ратифицируя в свое время парижский протокол, Франция, конечно, также недружелюбно поступала по отношению к СССР. Но в те времена отсутствовали нормальные дипломатические отношения между СССР и Францией. Это до некоторой степени может служить «оправданием» Франции. Теперь же, когда Москва и Париж обменялись посольствами, вторичное санкционирование румынского грабежа и гарантирование всех границ теперешней Румынии (чего не было даже при ратификации Францией парижского протокола) является губительным ударом по франко-советским отношениям. А обещание взаимной военной поддержки, в случае «непровоцированного нападения?» Какой смысл оно имеет?—Только один: французская армия должна будет поддерживать румынскую армию, когда эта последняя вместе с своей польской союзницей, по указке из Лондона, будет двинута против СССР. Договор, заключенный Францией с Румынией в целях борьбы с англо-итальянским влиянием на континенте, льет воду на мельницу Чемберлена и потакает антисоветским планам английского империализма. Франция работает не на себя. Договор Франции с Румынией не предупредил заключения итало-румынского договора и роста итальянского влияния в Румынии за счет французского. В выигрыше от договора—исключительно Румыния, уже склонявшаяся, было, к мирному разрешению бессарабского вопроса совместно с СССР, и... Чемберлен. Пренебрегать же дружественными отношениями с СССР Франция в настоящий момент ни в коем случае не может. В момент коренной перегруппировки европейских сил, когда Франция пытается уйти от британской опеки путем самостоятельного сговора с Германией, находящейся с Советским Союзом в более или менее дружественных отношениях, вступать в конфликт с СССР Франции крайне невыгодно. Но, как говорится, кого бог захочет погубить, того он лишает разума!

VIII.

Версаль—Локарно—система сепаратных соглашений. Таков путь, который проделала мировая политика после войны.

Лига Наций—лишь рамка для старой картины борьбы империалистических блоков. Система сепаратных соглашений срывает с Лиги Наций последние пацифистские покровы и превращает ее в бюро по регистрации договоров, направляемых одной группой членов Лиги против другой.

Антисоветская сторона в работе буржуазной дипломатии все усиливается. Если европейское и балканское Локарно создавали для СССР угрозу в общей форме путем организации антисоветских блоков капиталистических государств, то итало-румынский и франко-румынский договоры, являющиеся звеньями намечающейся цепи соглашений, обозначают вполне конкретную подготовку к нападению империализма на первую Республику Труда.

Послелокарнские сепаратные союзы так же, как и предвоенные империалистические коалиции, неудержимо влекут к новым мировым конфликтам и столкновениям.

Вступление Германии в Лигу Наций под аккомпанемент пацифистских лицемеров,—нет побежденных, нет победителей,— и участие ее в империалистической игре на стороне того или иного вызревающего военного блока подготовляет новых побежденных и новых победителей.

Европа на всех парах по рельсам «системы сепаратных союзов» мчится к новой империалистической войне. История повторяется. Вернее, повторится, если международный пролетариат своевременно не свернет шею мировой буржуазии.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.—Декабристы. Сборник статей. Центроархив. Государственное издательство, 1927 г., 94 стр. Цена 80 коп.

Сборник статей М. Н. Покровского—«Декабристы» отличается от других работ, посвященных тому же вопросу, рядом очень ценных качеств. Во всех статьях автор дал классовую характеристику различных течений среди декабристов, их политических программ и тактики. Это—достоинство методологического порядка. Кроме того, надо отметить новизну содержания,—все они написаны в период 1922—26 гг. на основе первоисточников.—и популярное изложение. Сборник «возмещает отсутствие задуманной, но не написанной книжки», которая служила бы популярным введением к работам, издаваемым Центроархивом к столетнему юбилею 14-го декабря.

Несмотря на некоторую дробность статей, весь сборник в целом дает четкую характеристику «декабристов», остроумно и легко написан, а поэтому будет являться необходимым пособием для первоначального ознакомления с этой темой. Но, я думаю, что и специалист-историк не может пройти мимо этой книжки, т. к. т. Покровский дает интересную схему, с которой не может не считаться даже и «специалист».

Предпосылкой «декабристского» движения т. Покровский считает разложение крепостного хозяйства и рост промышленного капитала. Эти экономические причины породили соответствующую идеологию. Носителями этой идеологии явились помещики-дворяне, из которых вышли почти все «декабристы». На первый взгляд получается как будто странное явление: помещик в роли идеолога промышленного капитала. Анализируя положение помещиков, т. Покровский устанавливает, что в двух вопросах интересы развивающегося промышленного капитала совпадали с стремлениями части помещиков: в освобождении крестьян, в ликвидации барщинного хозяйства и уничтожении самодержавия.

Эти два пункта мы найдем у всех течений декабристов. Однако, прослеживая экономическое положение помещиков, т. Покровский установил, что союзником промышленного капитала «была группа средних землевладельцев центральной полосы России» (15 стр.). Поэтому нет ничего удивительного в том, «что, кроме прогрессивных помещиков, декабристская масса отражала в некоторой степени интересы и передовой буржуазии» (67 стр.).

В других местах он еще более энергично подчеркивает буржуазный характер декабристского движения, например: «среда декабристов, это есть среда помещиков, и в то же время идеология декабристов есть идеология промышленного капитала» (12 стр.). Эта точка зрения ставит крест над полународническими и буржуазными «теориями», которые рассматривали декабристское движение вне связи с классовыми интересами.

В дальнейшем т. Покровский конкретизирует свою точку зрения. Разбирая программы и тактику Северного и Южного обществ, он устанавливает два совершенно различных течения. Настоящим центром декабрьского движения был юг, а не север, между которыми было чисто классовое различие. «Тут перед нами отчетливо два крыла движения, правое и левое. Не в том суть, что одни хотели конституции, другие—республики. Разница шла глубже» (45). Северное общество больше выражало интересы помещика, поэтому оно было против самодержавия,

но за сохранение «дворянского государства», за цензовую конституцию и за созыв депутатов по «сословиям». Проект конституции Никиты Муравьева наиболее полно выражал интересы помещиков, но он шел навстречу интересам промышленного капитала, поскольку «ценз» давал возможность буржуазии принять участие в управлении страной.

Совершенно иное мы видим в Южном обществе, которое возглавлялось Пестелем. Покровский рассматривает Пестеля как мелкобуржуазного революционера «с головы до пяток». «Пестель имеет все основания быть названным идеологом мелкобуржуазного крыла декабристов, и с этим тесно связаны основные черты его политической физиономии» (24 стр.). Программа южан носит революционный, антидворянский характер. Там имеется: демократическая республика, уничтожение сословий, своеобразная «национализация» земли и еще ряд требований, подтверждающих мелкобуржуазность его идеологов.

В области тактики между обоими течениями декабристов также было большое различие. Тактика северян заключалась «в давлении на власть»: восстание 14-го декабря это только демонстрация—не более, которая устраивалась с целью вынудить правительство вступить в переговоры с восставшими, а если придет Константин,—«тогда покориться обстоятельствам». Не то на юге; их тактика—революционный захват власти. Северяне боялись революционных методов борьбы, в то время как южане с одним полком устроили революционное восстание. Лидер Северного общества Трубецкой «сознательно стремился сорвать революцию» (47 стр.), рассказывая Николаю о Южном обществе и о Пестеле.

Связи декабристов с солдатами были очень слабы: «презрения к массам было и на юге совершенно достаточно»—пишет Покровский. Все же южане были связаны с солдатской массой через группу «Соединенных Славян», о которых мы до сих пор очень мало знаем. По социальному и служебному положению это были самые «низы» среди декабристов. К сожалению, о них у т. Покровского сказано очень мало, а характеристика программы исчерпывается всего одной фразой: «низложение крепостнического строя вооруженной рукой почти исчерпывало их несложную программу» (73). Желательно было бы их характеристику расширить и увязать с общим текстом изложения.

Перейдем теперь к частным замечаниям. В отдельных местах встречаются характеристики, которые отходят, даже противоречат общей схеме. Пестеля т. Покровский рассматривает как якобинца, мелкого буржуа, а на стр. 64 заявляет, «что у Пестеля был уклон в сторону мелкой буржуазии, «мужицкого капитализма», этот вопрос в нашей литературе спорный», а дальше совершенно отбрасывает мелкобуржуазность Пестеля и рассматривает его, как идеолога «буржуазной России, очищенной от всего крепостнического». Нам кажется, что игнорировать мелкобуржуазные черты политической идеологии Пестеля и Южного общества нельзя.

В статье «Два вооруженных восстания» т. Покровский увлекается «интеллигентностью» декабристов и с этой стороны анализирует их тактику. Мы считаем, что эта замена классовой характеристики профессиональной особенностью неверна. Военный интеллигент покрывает в этих характеристиках помещика, землевладельца. «Итак, декабристы были не просто дворяне, это была дворянская интеллигенция, и революционерами они стали не в силу своего дворянского звания, а потому, что они были интеллигенты, несмотря на свое дворянское происхождение» (стр. 78—79. Подчеркнуто мной. *А. С.*). С такой характеристикой никак нельзя согласиться. В данном случае т. Покровский отрывает «дворянина-интеллигента» от землевладельца-помещика, а ведь только последнее обстоятельство указывает на клас-

совую базу декабристов и на характер их политических программ. В цитированном мною месте т. Покровский, несомненно, делает уступку той «легенде» о декабристах, против которой в этом же сборнике помещены три статьи.

Признав в «декабристах» за решающее военно-интеллигентскую черту, он под этим углом зрения рассматривает всю их тактику. Но ведь их тактика определялась программами, говорил ранее сам автор, следовательно, тогда и программные различия, которые ранее т. Покровский характеризовал, как классовые различия,—надо выводить из «военно-интеллигентской» черты, а это уже решительное противоречие и со схемой самого автора и с марксистской методологией. Со стороны служебной не было никакой разницы между Пестелем и Трубецким, оба полковники, значит в одном чине, и оба военные специалисты, но это не помешало одному быть оппортунистом, а другому—революционером. Поэтому нельзя согласиться и с заключением автора сборника: «Восстание декабристов было интеллигентской революцией в самом подлинном смысле этого слова» (82 стр.). Однако, отсутствие опоры в массах солдат, ремесленников и крестьян надо об'яснять все же не тем, что декабристы «интеллигенты», а из их классовой характеристики, а «интеллигент» для большинства декабристов, особенно для Северного общества вовсе не является классовым признаком.

В статье «Два вооруженных восстания» проводится точка зрения, которая, как мне кажется, находится в решительном противоречии с общим характером статей всего сборника и представляет частично возврат к 4-томнику, от которого т. Покровский так далеко продвинулся вперед, а частично уступку «революционной легенде». Пожалуй, эту точку зрения можно об'яснить лишь тем, что «Два вооруженных восстания» представляют отрывок из статьи, идея которой состояла в сопоставлении восстания декабристов с декабрьским вооруженным восстанием 1905 года, при сравнении с которым отрыв декабристов от масс кажется особенно ярким.

Но сборник в целом позволяет понять не только происхождение вышеуказанной «легенды», но и действительную суть декабристского движения.

Ар. С.

СКОТТ НИРИНГ и ДЖОЗЕФ ФРИМЕН.—Дипломатия доллара. «Прибой»—Ленинград, стр. 226, тираж 4.000 экз.

«Мировая литература об империализме обогатилась новой хорошей марксистской работой»—так заканчивалась рецензия тов. Иоэльсона о «Дипломатии доллара», помещенная в одном из наших журналов.

Это, несомненно,—преувеличенная оценка качеств рецензируемой работы.

Скотт Ниринг, «основной» автор книги, несколько известен своими докладами в «Деловом клубе» и «Цекубу». Нельзя сказать, чтобы экономические доклады Скотт Ниринга были особенно интересны. Теоретическая беспомощность в них соединялась с довольно азбучными и старыми фактами.

В своей описательной части книга является нужной и полезной. Авторы дают интересное описание механики американского империализма и его «мирной» и военной экспансии. В книге преимущественно говорится об экспансии Сев.-Амер. Соед. Штатов на американском материке и прилегающих островах. Сравнительно меньше внимания посвящается проникновению американского капитала в другие части света. Это, в известной степени, уменьшает злободневность книги.

Авторы пытаются дифференцировать методы империалистической экспансии, употребляя при этом термины современной дипломатии.

Они пытаются показать, как в отдельных сферах своей деятельности американский империализм применяет различную тактику. В Канаде преобладает экономическое проникновение; в Китае мы имеем «сферы влияния»; в Гаванне, Панаме и Мексике—политическое регулирование; на Караибских островах, Никарагуа—вооруженное вмешательство; на Кубе—захват без аннексий; на Филиппинах—завоевание и куплю; в Европе—систему долгов, как своеобразный метод экономической экспансии. Ясно, что провести водораздел между отдельными методами капиталистической экспансии трудно. Это отлично понимают и сами авторы, указывая, что «между экономическим проникновением капитала и политическим вмешательством не существует пограничной межи» (стр. 36). Но все же иллюстрации экспансии в отдельных странах, приводимые в книге, весьма интересны, как показатель разнообразных методов, использовываемых империализмом.

Факты, сухие факты безжалостно вскрывают истинную подоплеку бесконечных революций в больших и малых государствах Латинской Америки. Нефть, сахар, стратегическое значение того или иного острова обращают на себя внимание империалистической буржуазии Соединенных Штатов Северной Америки, а страны, имеющие «счастье» обладать вышеуказанными достоинствами, становятся об'ектом этого внимания. Мексика, Куба, Виргинские острова становятся ареной, на которой во всю ширь разворачивается империалистическая политика Соединенных Штатов.

Самые брутальные действия сопровождаются дипломатическими декларациями, составленными в весьма возвышенных и мягких тонах. Чего стоит, например, письмо президента САСШ Куллиджа. адресованное законодательному собранию Филиппинских островов.

Население Филиппинских островов пыталось дипломатическим путем заставить президента Куллиджа дать им независимость. При этом филиппинские власти базировались на обещании президента Вильсона, заявившего в 1920 году, что население Филиппинских островов успешно поддержало «твердую власть», и потому Соединенные Штаты могут и должны даровать обитателям островов независимость, «которую они так честно заслужили».

Куллидж в своем послании пытается доказать филиппинским гражданам, что независимость «будет несчастьем и легко может стать катастрофой для населения Филиппин». Куллидж уверяет, что «хотя за последнюю четверть века филиппинский народ достиг удивительных успехов, тем не менее он отнюдь еще не обладает в достаточной мере теми средствами и тем опытом, которые необходимы, чтобы взвалить на свои плечи тяжелое бремя, связанное с политической независимостью».

Такою же «заботливостью» об опекаемом населении захваченных стран проникнуты и другие дипломатические документы, приводимые в рецензируемой книге.

Весьма интересны страницы, посвященные истории американского проникновения в Китай. В довольно популярной форме в книге излагается возникновение лозунга политики «открытых дверей», возникновение противоречия Соединенных Штатов с Англией и царской Россией. Последнее противоречие играло большую роль в общем комплексе империалистических противоречий в Китае. Попытка американских банкиров получить свою долю участия в Восточно-Китайской и Южно-Манчжур-

ской железных дорогах потерпела неудачу в 1910 году благодаря тому, что Россия и Япония не только не хотели позволить американским банкирам контролировать свои дороги, но и не допустили постройки дороги-соперницы.

На протяжении книги приводится целый ряд интересных фактов, дипломатических документов, характеристик отдельных деятелей, служащих прекрасной иллюстрацией к империалистической политике САСШ.

Несколькими штрихами дают авторы тип агента империализма в колонии. Вот краткая биография американского генерального консула в Гаванне: Франк Штейнгарт явился в Кубу в качестве сержанта первой американской оккупационной армии; затем он стал чиновником, заведующим архивом и американским генеральным консулом после эвакуации войск. Теперь он представляется обывательскому воображению чем-то в роде Рокфеллера Кубы, так как является «главой гаваннской компании электродороги, электроосвещения и электросилы», с капиталом в 36 миллионов долларов.

Авторы останавливаются и на товарном экспорте САСШ. Авторы совершенно правильно указывают, что, «пока Соединенные Штаты вывозили сырье и продукты питания, естественным местом сбыта этих предметов была Европа» (стр. 15). Индустриализация же американского экспорта изменила направление экспорта значительной массы товаров. «Пути экспорта,—говорится в книге,—резко изменились, и этот не лишенный своеобразного трагизма факт хорошо иллюстрируют цифры, показывающие, в какие страны вывозились товары» (стр. 16).

В чем «трагичность» и для кого «трагично» изменение путей американского экспорта неизвестно, но не в этом дело. Скверно то, что авторы приводят довольно устарелые цифры. 1922 год вовсе не характерен для основных тенденций американского экспорта.

Кризис в САСШ 1923—24 гг., а за ним план Дауэса внесли существенные коррективы во внешнюю торговую политику САСШ, в частности, в направление экспорта. В книге, которая выпускается в 1925 г., не трудно привести свежие цифры, тем более, что их не так трудно найти в любом издании американского департамента торговли.

Неверно также утверждение авторов, «что в Африке фактически нет рынков для товаров Соединенных Штатов» (стр. 16). В Египте фордовские автомобили и плуги с успехом конкурируют с французской и итальянской продукцией.

Сравнительно меньше внимания, как мы уже указывали выше, обращается авторами на проникновение американского капитала в Европу. В этой части речь идет, главным образом, о военных долгах и «экономическом ограблении Германии».

«Исторически довольно обычно,—пишут Скотт Ниринг и Фримен,—что победители налагают тяжелое бремя на побежденных. Но еще не было такого случая, чтобы приглашение «симпатичного» союзника обошлось четырем государствам в 25 миллиардов долларов» (стр. 180).

Эти 25 миллиардов европейских долгов являются тем рычагом, благодаря которому САСШ ворочают европейскими делами.

В отношении эксплоатации Германии авторы допускают ошибку, сваливая в одну кучу версальский договор и план Дауэса, соединяя их как части некой единой системы (стр. 182). Движущие силы и активные суб'екты версальского договора существенно отличаются от таковых в плане Дауэса.

Переходим теперь к «теории» указанных авторов. Говорить о том, что она является марксистской—по меньшей мере преувеличение.

На протяжении всей книги мы не находим ни одной ссылки, ни малейшего упоминания о том, что в природе существует марксистская теория капитализма и империализма.

Правда, авторы не ставили перед собой непосредственной задачи теоретического анализа империализма, но те потуги «теоретизирования», которые имеются во вводной части книги и иногда проскальзывают в ее описательной части, не служат на пользу книге.

Большим недостатком теоретической части рецензируемой книги является нечеткая формулировка и американизированная «деляческая» терминология.

Но важно отметить т е о р е т и ч е с к и й подход авторов к и м п е р и а л и з м у. Они определяют империализм «с исторической точки зрения» как «экономическую мощь торгово-промышленного класса» (стр. 7)!!

В следующей строке авторы признают империализм «стадией, через которую проходит общество на известной ступени своего развития», не оговаривая, однако, нигде, что эта стадия последняя в истории капитализма.

С благородным негодованием излагают они всякие мерзости империалистической политики, но в благоговении застывают перед самим империалистическим колоссом. Авторы теоретически безоружны и поэтому не видят глиняных ног колосса.

Империализм для них некое величественное здание, которое все время растет ввысь.

«Военная мощь и экономическая выгода,—пишут они,—именно в этих словах может быть выражена истинная и полная империалистическая программа любого из крупных современных промышленных государств. Основные положения просты. Их детали и разветвления могут быть бесконечно разнообразны. Для *в ы п о л н е н и я э т о й п р о г р а м м ы п о т р е б у ю т с я н е д н и и г о д ы, н о д е с я т и л е т и я и ц е л ы е п о к о л е н и я. Э т о—с л о ж н о е с о о р у ж е н и е, о с н о в а н и е м к о т о р о г о с л у ж а т г л у б о к о з а л е г а ю щ и е э к о н о м и ч е с к и е и с о ц и а л ь н ы е с и л ы*» (стр. 176, курсив наш. *Дм. Б.*).

Каким безнадежным фатализмом проникнуты эти строки «марксистской» книги!

Нечеткость формулировок и терминологии относятся не только к вопросам империализма, но и к аналитическим экскурсиям авторов в область к а п и т а л и з м а в о о б щ е.

Правильные подчас мысли облекаются в столь американско-деляческую форму, что из них выхолащивается их действительное содержание. Особенно это чувствуется в теории авторов об «излишках» или «избытках».

Вот несколько примеров формулировок подобного рода.

«Собственники нового богатства или «капитала», названного так в отличие от земли, которая была основной формой собственности в земледельческом обществе, стали в силу обладания промышленным капиталом владельцами очень крупных экономических избытков, создаваемых машинным производством» (стр. 6).

Или другой пример такой же нечеткости:

«Экономическая необходимость диктовала им свою волю: каждое современное промышленное общество (что под «каждым промышленным обществом» следует разуметь—неизвестно. *Д и. Б.*) вынуждено расширять внешние рынки для сбыта излишков своей продукции, вынуждено устанавливать свой контроль над продовольствием, топливом, минералами, лесами и проч. сырьем, вынуждено пользоваться различной экономической кон'юнктурой для реализации своего избыточного капитала» (стр. 6).

Столь же своеобразные формулировки отдельных теоретических положений разбросаны по всей книге: «наибольшая чистая прибыль», «страны максимальной прибыли», «главнейшие торгово-промышленные группы Европы», «класс капиталистов, который распоряжается хозяйственной жизнью современных обществ» и т. п.

Такова «Дипломатия доллара». Беспомощная в теоретической части, эта книга приводит весьма интересный описательный и документальный материал, характеризующий современный империализм. Это оправдывает перевод книги на русский язык, но ни в коей мере не дает ей права называться марксистской.

Дм. Б.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 г.

НА ЕЖЕДНЕВНЫЕ ГАЗЕТЫ:

„ПРАВДА" Центральный орган ВКП (б).

Подписная цена:

На 1 мес. 1 руб. — коп.	На 6 мес. 5 руб. 50 коп.
» 3 » 2 » 85 »	» 12 » 10 » — »

„БЕДНОТА" Ежедневная крестьянская газета.

Подписная цена:

На 1 мес. — руб. 70 коп.	На 6 мес. 3 » 90 »
» 3 » 2 » — »	» 12 » 7 » 50 »

„Комсомольская ПРАВДА"

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ.

Подписная цена:

На 1 мес. — руб. 75 коп.	На 6 мес. 4 руб. 25 коп.
» 3 » 2 » 15 »	» 12 » 8 » 25 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в главной конторе изд-ва

„ПРАВДА" и „БЕДНОТА"

МОСКВА,

Мал. Черкасский пер., 3/4,

а также во всех отделениях „ПРАВДЫ" и почтово-телеграфных конторах.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год.

„ПРОЖЕКТОР"

Двухнедельный иллюстрированный, литературно-художественный и сатирический журнал.

Под ред. Н. Бухарина и А. Воронского. 5-й год издания.

„ПРОЖЕКТОР"—единственный в СССР художеств. журнал, равный по технике издания лучшим европейским журналам.

„ПРОЖЕКТОР" выходит два раза в месяц, об'емом не менее 32 стр.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—60 к., 3 м.—1 р. 75 к., 6 м.—3 р. 40 к., 12 м.—6 р. 50 к.—Цена отдельного номера 35 к.

„РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ"

Центральный руководящий орган рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров.—Двухнедельный журнал.

4-й год издания.

„Рабкор" печатает руководящий материал по всем очередным вопросам рабселькоровского движения.

„РАБКОР" уделяет большое внимание всему новому в области стенгазетного дела.

„РАБКОР" выходит под редакцией: М. И. Ульяновой, В. С. Попова-Дубовского, Л. С. Сосновского, В. Н. Васильевского, А. Н. Зуева, А. М. Романовского и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—50 к., 3 м.—1 р. 40 к., 6 м.—2 р. 75 к., 12 м.—5 р.—Цена отдельн. номера 30 к.

„ПРЕДПРИЯТИЕ"

Большой ежемесячн. иллюстрированный и производственно-экономический и технический журнал.

5-й год издания.

„ПРЕДПРИЯТИЕ" наиболее полно и всесторонне освещает вопросы организации производства, рационализации, нормирования труда, подготовки рабочей силы и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—1 р. 25 к., 3 м.—3 р. 60 к., 6 м.—7 р., 12 м.—13 р.—Цена отдел. номера 1 р. 50 к.

„Под Знаменем Марксизма"

Ежемесячный философский и обществ.-эконом. журнал. — 5-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, В. И. Невского, М. Н. Покровского, И. И. Степанова-Скворцова и Н. А. Карева.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА" имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращения идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА" рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м. — 1 р. 50 к., 3 м. — 4 р. 25 к., 6 м. — 8 р., 12 м. — 15 р.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„ДЕРЕВЕНСКИЙ КОММУНИСТ"

Двухнедельный журнал ЦК ВКП(б).

«ДЕРЕВЕНСКИЙ КОММУНИСТ» ставит своей задачей быть помощником коммунистам-руководителям в деревне, способствовать политическому росту деревенских активных работников и руководить их практической работой.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 месяц	— р.	25 к.
3 »	— »	75 »
6 »	1 »	50 »
12 »	3 »	— »

Цена отдельного номера 15 коп.